

Лилия Роджер

Инферняня

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Роджер Л., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Автор: Алисия Кроуль, очень хорошая няня. С огромным опытом.

Как себя вести, если ребенок - вампир

1. Берегите пальцы, хорошие вещи, дорогие кожаные сумки, мебель... Впрочем, не берегите: все равно все будет погрызено и искусано, и вы в том числе.
2. Детские пюрежки и прочее, как вы сами понимаете, не для клыкастых.
3. Младенцы глупы. Ну, это вы и без меня знаете. И поэтому вместо крови вы можете спокойно вручить ему томатный сок! (Я всегда так и делаю, но только не сообщайте их родителям – они ведь мне дают дополнительные деньги на... Ну, в общем, они думают, что я заарканываю прохожих в темных переулках, выщипываю из них кровушку и бегу с этой пятилитровой банкой к своим подопечным!)

Как себя вести, если ребенок - инопланетянин

1. Немедленно наденьте на него шлем. Вы что думаете! Он – и-но-пла-не-тя-нин! У него всё – ино! Короче, они не любят наш кислород. Не то чтобы инопла задохнется, но будет орать как резаный! (Как объяснил мистер Грыхоруу, когда вдыхаешь кислород, ощущение такое, будто тебе на голову вылили таз помоев.)
2. Если ваш ребенок загрустит, он может перейти в желеобразное состояние, просочиться куда-нибудь под дверь, и вы будете целый день бегать по городу в поисках фиолетового пудинга. Так что... Веселите его!

Глава 1

Дверной звонок задребезжал так хрипло и громко, как он звенит только когда на него изо всей силы давит Селия. Я помчалась открывать, потому что, если не открыть Селии как можно быстрее, она закатит скандал: «Почему это ты так долго тащила свою задницу?» Короче, между нами говоря, Селия – истеричка. Ну, и вампириша, кроме того.

Селия ворвалась как ураган, закричала:

– Опять у тебя не прибрано, Алисия! Мосик любит чистоту!

Сидевший у нее на руках Мосик, будто в подтверждение, дико завращал глазами и издал протяжный рык. Я взяла Мосика, вздохнула:

– Хорошо, я сейчас уберусь.

Не станете же вы возражать человеку, который вам платит по пятьдесят долларов в час!

– Сейчас уберусь?!

– Хорошо, я прям немедленно.

– Ты будешь убираться вместо того, чтобы нянчить моего малыша?

Эти родители воображают, что нянчить ребенка – значит не выпускать его из рук и к тому же не сводить с него глаз. Ну, пусть воображают. Кто ж им правду-то скажет?

– Найми горничную, Алисия! – меж тем закричала Селия так громко, будто я глухая.

Нет, вы видали такое? Чтобы няня нанимала горничную?

– Точно! – радостно кивнула я, будто она подала мне идею, как, пальцем не двинув, заработать миллион долларов. Или биллион. Что больше-то?

– Пока, Мосик! – Селия послала воздушный поцелуй на прощанье.

Как только дверь за ней захлопнулась, Мосик внимательно посмотрел на меня и с пронзительным воем впился мне в волосы. Второй вой издала я:

– Мо-о-осик!

Когда я пыталась ласково (ну ладно, не очень ласково) убрать его когтистые ладошки, будто застрявшие намертво в моей шевелюре, в дверь опять позвонили. Видимо, Селия забыла дать важные наставления, типа: «Да! Не открывай окно, Алисия! Он увидит, как много на улице людей, захочет их выпить и вывалится! И не округляй глаза! Он, конечно, бессмертный, но от полета с шестого этажа у него может быть шок! Он еще такой маленький, да, мой хороший?» Хороший в такие моменты обычно грыз потихоньку ножку стола, чтобы чем-то клыки занять.

Мосик от звука звонка настороженно притих, и мне наконец-то удалось освободиться от его хватки.

– И кто же там пришел? Щас мы посмотрим, – шепотом сказала я, мягко ступая по коридору. Потому что звонок не захлебывался в страхе, что его сломают за недостаточное усердие, а значит, там не Селия. Других детей сегодня не ожидалось, поэтому там мог быть кто угодно!!!

Например, какой-нибудь борец с НЛО или проверяющий показания газового счетчика. И кто из них лучше, еще неизвестно! По крайней мере, борцов с НЛО я еще ни разу не видела, а вот проверяющих!..

В глазке искажался, как в кривом вогнутом зеркале, высокий худой мужчина, на нем был светлый пиджак в клетку и шляпа-котелок. Не часто встретишь на улице мужчин в таких шляпах. Ну разве что извозчик, катающий туристов в украшенной цветами коляске возле Центрального Парка, носил что-то похожее. Но мужчина, стоявший за дверью, на извозчика похож не был. Поэтому я, как можно более низким голосом, очень строго спросила:

– Кто там?

В ответ раздалось совсем несуразное:

– Я.

Идиот. Хотя, если вдуматься, ответ прямой и честный. А может, он все же извозчик – в такой-то шляпе?

- Вы извозчик?

- Нет, я посыльный.

А чего сразу-то не сказал?

- Что вы принесли?

- Ничего.

Странно. Но он уже говорил:

- Э-э... Вы няня?

Уф. Так бы и сказал, мол, порекомендовали как отличную, да что там, превосходную няню. Так. Надо держать марку и не показывать, что жутко рада каждому новому подопечному, и тогда они, возможно, только чтобы заполучить меня, предложат невероятную сумму оплаты.

Я неспешно открыла дверь:

- Здравствуйте, мистер?..

Он не назвался, зашел, затворил дверь, окинул быстрым взглядом прихожую. Я заметила у него небольшую золотую сережку в левом ухе. Не очень это сочетается со старинной шляпой, скажу я вам.

Он наконец представился:

- Гермес Олимпус.

- Как забавно, - я хихикнула. Нет, ну правда, смешно же звучит - Гермес Олимпус? - То есть прекрасная фамилия, сэр.

- Да, я не жалуюсь, - ответил он странно.

Мосик сидел на руках необычно тихо и только таращил глаза на Олимпуса.

- Вампир? - спросил Олимпус.

Я отступила на шаг. Черт, может, это охотник на вампиров и зовут его вовсе не Гермес Олимпус, а, например, Ван Хельсинг.

- Знаете, - сказала я веско, - малыш как раз собирался спать, когда вы позвонили...

- О, я думал, вампиры не...

- Я уложу его в кроватку, - сказала я твердо. И малыш Мосик не взбрыкнул при этом и не начал лягаться, как он обычно поступал, услышав слова «кроватка» и «манеж». А куда прикажете девать никогда не спящего малыша, когда вам надо... э-э... попудрить носик? Ну, в общем, вы поняли. А этот малыш может покоцать всю мебель в комнате и даже оторвать половину подола вашего любимого и самого дорогого платья, забытого на спинке стула!

- Хорошо, мэм, - сказал Гермес. - Я могу подождать здесь?

- Да, - важно ответила я.

Я усадила Мосика в кроватку с деревянными перильцами и вручила его любимую игрушку - погремушку из белых-пребелых косточек. Чьи это были косточки, я выяснять не стала - меньше знаешь, крепче спишь. В общем, когда-то я решила для себя, что это был раздавленный машиной бурундук. Несчастный случай, ничего не поделаешь! Но зато теперь он служит людям, они ему благодарны, и память о нем, ну, типа, будет вечно звучать перезвоном погремушки. В общем, больше этот вопрос я не поднимала.

Мне послышалось, как хлопнула дверь. А через несколько секунд - еще раз.

Я выскочила в прихожую. Мистер Олимпус был теперь не один. Он качал коляску - невероятно красивую, расшитую золотом, и колеса... что, тоже золотые? Сколько же с этого Гермеса можно запросить? Так вот, в коляске кто-то невероятно мелодично попискивал. Да, все было вот именно невероятным - и коляска, и писк!

- Я знаю, что вы привыкли нянчить необычных детей, - сказал Гермес, - но мой ребенок... он более чем необычен.

- Ну конечно! - Я как можно более нежно и понимающе взглянула в сторону коляски - она, кстати, была плотно занавешена ажурным тюлем.

Все родители заявляют подобное. Типа, уж такого чуда, как мой, вы и не видали. А вы голодного маленького оборотня ловили, когда он по стенам и потолку бегают?

- Познакомьтесь, - сказал мистер Олимпус и откинул кружевную накидашку. - Это мой сын Петер.

- О! - торжественно произнесла я. Хотя повода возвышать тон никакого не было: в коляске, к полному моему разочарованию, лежал и улыбался обычный человеческий малыш. На вид ему было не больше полугода.

- Привет, Петер, - сказала я ему и помахала рукой.

Малыш улыбнулся, протянул ладошку и сжал пальцы, как будто хотел схватить меня за руку.

Интересно, из каких же они необычных? А вдруг из самых обычных? Вдруг какая-нибудь путаница произошла и ко мне направили простого малыша? А я, кажется, уже разучилась нянчить обычных детей.

Какой найти повод ему отказать? Пусть он даже и узнал о Корпорации, и вампира распознает с первого взгляда - мало ли, какие у людей бывают знакомства, - но сам-то обычный, и ребенок обычный.

- Понимаете, я очень загружена работой в последнее время, - честно сказала я. Да хоть на детекторе проверь! Вчера, вон, весь день с близнецами Грыхоруу пронянчилась. А «вчера» - это как раз самое «последнее время».

- Конечно, - с уважением сказал Гермес и пригладил рыжеватые, совершенно английские усы. - Но я подумал, если я заплачу... Сколько вы берете в час?

- Зависит от ребенка, - ответила я. И это тоже было чистейшей правдой. За оборотня была самая высокая ставка - шестьдесят два с половиной доллара в час. Да, вот так упорно торговались с толстухой Роксаной Бьерн, что не сходились даже на шестидесяти трех. Я стояла за каждый цент, потому что с оборотнями больше всего мороки. Ну, э-э... а еще потому, что увидела, какой толщины цепочка на шее у мистера Бьерна и какие перстни на пальцах его жены.

- То есть чем младше ребенок, тем больше плата?

- Нет, зависит от его индивидуальных особенностей.

- О, конечно, - мистер Олимпус улыбнулся собственной наивности.

А что, он начинает мне нравиться. Такой приятный, милый человек. Ладно, надо поговорить с ним начистоту.

- Не могли бы вы сообщить чуть подробнее, чем Петер отличается от обычных детей? - сделала я ударение на слове «чуть подробнее». Типа, и так вижу, что он не рядовой ребенок, но готова слушать о его способностях хоть целый день. Ладно, потом как-нибудь вырuchu на отказ.

- Он умеет летать и исполнять половину своих желаний, - беззаботно и легко сказал мистер Олимпус.

Я оглянулась - нет, окна я давно привыкла держать закрытыми. (Поэтому все заработанное в первую, самую тяжелую неделю пришлось отдать за кондиционер. Который, кстати, то работал, то нет. Точно говорят, щас всю технику делают в Китае, а потом пишут всякое вранье на этикетках.)

- А почему только половину желаний? - задала я нелепый вопрос, ведь и половины было бы более чем достаточно для счастья! Правда?

- Потому что он полубог, - ответил мистер Олимпус.

Меня это слово почему-то поразило.

- То есть один из его родителей...

Ведь правильно же? Если бы он сказал четвертьбог, то значит, бабушка или дедушка, а если...

- Да, - сказал Олимпус. - Я.

Он - бог? Я вперила взгляд в лицо мистера Олимпуса. Да нет в нем ничего божественного, я вас умоляю! Ровные брови, ровные зубы, ровные усы, ну, то есть будто старательно расчесанные. А усы

расчесывают? Ровные усы приподнялись – а, это он снова улыбнулся.

– Ну, что же... – проговорила я. А может, он просто не в себе? Спросить документы? Может, в них так и написано: «Предъявитель сего – бог. Просьба верить». Ну, то есть не в него верить, а верить написанному. Бог Гермес. Гермес... Из каких-нибудь богов инков или майя?

– Итак, сколько бы вы хотели получать в час? – спросил меж тем бог Гермес.

– Семьдесят пять, – скромно потупив очи, назвала я цену. Ведь все равно начнут торговаться, сбросят чуть не вполовину. Эх, надо было восемьдесят запросить! Бог он, в конце концов, или кто?

Вы только не подумайте, что я скряга. Просто – ну разве не чудесно купить телевизор во всю стену? Сидеть на белом полукругом раскинувшемся диване вместе с подругами и смотреть «Вам письмо»? И всем хватает места. А находится все это в огромной гостиной – куда же еще оно все впишется? А гостиная... В общем, мне всегда нравились большие дома. И замки. Да что там, замки даже лучше! Да, я люблю роскошь! Люблю красоту! Ну что в этом плохого?

– Думаю, этого будет мало, – сказал Гермес.

Что, пардон? Мне показалось, что я ослышалась. Так, срочно взять себя в руки. Надо спросить, с чего это он готов расщедриться – какие подводные камни меня ждут... Да и вообще, откажусь брать слишком много. Я девушка скромная, достойная и все такое.

– Ну, тогда сто, – выпалила я, пока он не передумал.

– Я хотел предложить тысячу в час, – скромно сказал Гермес.

Держите меня! Я сейчас или в обморок хлопнусь, или расцелую этого дядьку!

– Кхм. Что ж, эта цена меня вполне устраивает, – сцепив пальцы за спиной так, что они захрустели, ответствовала я.

– Отлично.

– А на сколько часов и сколько раз в неделю вы хотели бы его привозить?

Дело в том, что я давно бы уже разбогатела, привози Селия или Роксана своих детишек хотя бы на пару часов каждый день. Но Роксана приводила сыночка только на три часа раз в неделю, по субботам, когда они с мужем ужинали у ее родителей. Маленькие оборотни совершенно неуправляемы, и их появление в обычном обществе может обернуться для присутствующих людей катастрофой. Проще говоря, не съедят, так покусают. А родители Роксаны были обычными людьми. Как и она сама. Оборотнем был мистер Бьерн. Хотя я бы ни за что его в этом не заподозрила – маленький, тихий, скромный человечек. Ну разве что рыжие волосы на его голове странно топорщатся, будто щетка для обуви.

А Селия оставляла Мосика так и всего на полчаса, только чтобы сбегать, к примеру, в парикмахерскую. И попробуйте заявить, что оплата берется все равно за полный час. На вас хоть раз в жизни рычали вампиры?

– Понимаете, у меня за последнее время накопилось столько работы, – улыбнулся Гермес Олимпус. – Я не мог отлучиться от малыша ни на минуту.

– Понимаю.

Какой заботливый папаша! Что за прелесть!

– И поэтому раз уж я вас нашел, то хотел бы быстрее разобрать все завалы корреспонденции. Могу я оставить с вами Петера на сутки?

У меня, видимо, округлились глаза, потому что в его взгляде мелькнуло беспокойство. Ну, челюсть-то моя уж точно отвисла.

– Разумеется, я заплачу вперед, – спешно проговорил он и добавил: – За целые сутки.

Двадцать четыре тысячи долларов! Двадцать четыре тысячи зеленых-зеленых долларов! Погодите...

– То есть на двадцать четыре часа? – пропищала я не своим голосом. Ну вдруг в божественных сутках часов другое количество? Например, всего четверть часа?

– Разумеется.

Гермес ушел. Коляска осталась. И бумажный сверток с хрустящими новенькими купюрами – вот он,

лежит себе тихонечко и скромно на старом стуле в прихожей.

Лежит тихонечко?! Мосик, как же ты там? Я бросилась в спальню. Мосик сидел на кровати, наострив уши.

– Мосик, – сказала я наставительно, – подслушивать нехорошо.

Ладно хоть, рассказать он никому не может, потому что еще не умеет разговаривать.

– Бу! – сказал Мосик. Да, вот это и было самое длинное слово в его лексиконе. Означало оно разное. Вот сейчас что-то типа «Отстань со своими дурацкими нравоучениями!».

Я подошла, вытащила его из кроватки и понесла в гостиную. Усадила там на диван, потом принесла из холодильника бутылку с томатным соком, на которую вчера, как обычно, приклеила бумажку с надписью «Кровь первого сорта», и вручила облизывающемуся младенцу. Он стал жадно пить, а я вышла в прихожую.

Ну-с, будем знакомиться. Новичок хитро смотрел на меня. Я откинула расшитое покрывало и взяла малыша на руки.

– Я – Алисия, твоя няня... Так, где же инструкция, которую оставил твой папа... – Я извлекла завалившуюся за матрасик свернутую рулоном бумагу.

Пошла в гостиную, устроилась в кресле, посадив малыша себе на колени, и развернула рулон. Там было всего три строчки:

«Кормить только из его бутылочки, когда проголодается – обычно каждые три-четыре часа».

Глиняная бутылка размером с настольную лампу лежала в корзине под коляской. Ну, это же на сутки. И, может, боги много едят?

«Гулять раз в день и только с коляской, не выходить на воздух в темное время суток».

Гулять раз в день! Звучит так, будто он мне его на неделю оставляет. Бедный. Так заканителлся с малышом, что не смог написать просто: погулять.

«Не давать журналы и не включать телевизор».

Сутки без телевизора я могу вытерпеть, так уж и быть. И журналы нельзя? Какие, он думает, журналы у меня водятся и какие каналы я смотрю, что запрещает их смотреть ребенку? У меня даже кабельного нет!

– Ы-ы-ы, – раздался обиженный рев Мосика.

Что случилось?!

Бутылка из его ручек исчезла и теперь была в ручках малыша-полубога. Я мигом забрала ее. Вот оно, исполнение желаний! Ничего себе! А если он звезду с неба пожелает или... чтобы его нос превратился в помидор – и как его возвращать в таком виде? Хотя нет, это невозможно. У малышей мало фантазии и еще меньше желаний: им бы только поспать, поесть и поиграть с какой-нибудь брэнчащей дребеденью.

Я вернула сок Мосику, он хлюпнул носом и снова впился в соску бутылки. А полубогу сказала:

– Нельзя отбирать у других детей бутылки.

Полубожок улыбнулся. Да он же, наверное, просто проголодался. Бедный ребенок, это у него такой способ просить еду. Говорить он не может, а плакать, наверное, богам не положено. Вот и приходится воровать!

Я посадила Петера в кресло и побежала в прихожую. Но как же я ему дам эту бутылку? Он ее и в руках не удержит! Да и я, наверное, не подниму! Я вцепилась в толстые глиняные ручки, обнаружившиеся по бокам бутылки, поднапрягшись, дернула ее вверх... и улетела в угол к двери вместе с бутылкой, которая ничегошеньки не весила!

Я поднялась, крепко обнимая одной рукой невесомый кувшин, а другой потирая ушибленное место. Какое место? Да какая разница. На которое приземлилась.

Узкое горло кувшина венчала глиняная пробка. Я выдернула ее, заглянула внутрь – темно и ничего не видно. Понюхала – аромат приятный, молоко с медом.

Малыш-полубог сидел спокойно, привалившись к мягкой спинке кресла, и Мосика больше не

обижал, вместо этого он крутил головой и рассматривал обстановку в комнате. Как-то жадно рассматривал. Не успела я с бутылкой подойти к нему, как в его ручках вдруг оказалось что-то маленькое и блестящее, потом блеснула еще одна такая же штучка, и вот в ладошках его уже... целая горка разноцветных лампочек от моей новогодней гирлянды! И они из ладошек начали сыпаться на кресло и на пол.

Не подумайте, что сегодня двадцать четвертое декабря или хотя бы двадцатое! Шас октябрь. И я не из тех фанатиков празднования Рождества, которые в июле покупают украшения для елки (ну разве что набреду на распродажу, тут уж всякий не упустит шанс), в августе пишут рождественские открытки, а в сентябре выставляют на зеленый газон деревянного оленя. Просто битый час ты развешиваешь десятиметровую гирлянду по всему залу, цепляя ее за настенные часы и гардины, а потом что - снимать ее на следующий день после Нового года? В январе все как-то некогда, в феврале ты про нее забываешь, а в мае думаешь - да сколько там осталось-то до Рождества, глупо собирать ее, чтобы совсем скоро снова, как альпинист, ползать по стенам и вбивать крючки.

Я опустила бутылку на пол, пробку сунула в карман, кинулась к Петеру и аккуратно стала выбирать из его ладошек стеклянные лампочки. Куда же их? Вытащила из-под стола коробку с туфлями и ссыпала лампочки туда. Мог бы уж заграбастать ее целиком, с проводами! Оглянулась - ну конечно, не мог! Гирлянда висела на месте, только лампочки были аккуратно прорежены через одну. Одно желание исполняется, одно - нет. А он, видать, захотел получить вон те цветные блестящие штучки. Я собрала все фонарики и закрыла крышку.

- Это не игрушки, - погрозила я пальцем полубожку.

Он огорченно надул губки. Я пихнула коробку обратно под стол.

Мосик полз по дивану на четвереньках, кувыркнулся с краю и как ни в чем не бывало продолжил ползти дальше - по полу. Вот чем мне нравятся эти милые дети-монстрики: обычный ребенок на его месте бы разорался, а этому хоть бы хны. (Да не роняла я детей с диванов! И не оставляла без присмотра! Вы что думаете, я няня или кто? Ну, может, в самом начале моей блестящей карьеры... В общем, не знала я тогда, что годовалый ребенок может быть таким шустрым и, пока я бегу открывать дверь его мамаше, начать заниматься прыжками вниз. Хотите знать, не уволила ли она меня? А вы как думаете? Заходит она к няне, а ее отпрыск орет как резаный. Я бы тоже больше его мне не оставила.)

В дверь позвонили - нет, вернее, не позвонили, а просто сели на звонок, или встали, а потом стали топтать его ковбойскими сапогами с железными подбоями. Селия! Ничего, секунду подождет. У меня тут малыш с неограниченными способностями.

Чтобы занять его, вручила ему лохматую игрушечную собачку. Но в ту же секунду собачка оказалась на столе, а в руках у малыша появилась бутылка с божественной едой. Он держал ее уверенно и ловко, хотя бутылка такая большая, что его за ней не видно. Ладно, не уронит. Я побежала открывать.

- А если бы ты жила в таком большом доме, как мой, ты что, завтра бы добралась до двери?! - возопила Селия, влетая в зал. - Ну, где моя лапочка? А это еще кто? - уставилась она на бутылку, за которой раздавалось громкое внятное чавканье и довольное похрюкивание. Нет, пора обучать маленького Петера манерам!

- Ребенок, - пожала я плечами.

- Да? - свела она брови. - Из каких он?

- Из... Я не могу раскрывать тайны своих клиентов, - важно сказала я, как адвокат из кино.

- А я имею право знать, с кем водится мой сын!

- Ни с кем он не водится! Он вон, под шторой ползает!

Селия и не взглянула на сыночка, зато обошла кресло, чтобы посмотреть, кто там.

В это время Петер икнул и отставил бутылку. Я забрала ее. А он вдруг стал расти и прямо на наших с Селией глазах превратился в годовалого.

- Детская амброзия, - с придыханием сказала Селия.

Детская что?

Селия алчно глядела на глиняную бутылку.

- Алисия, милая, - нежно сказала она, - не продашь ли ты нам немного этого питания? Совсем чуть-

чуть...

– Зачем оно вам? – вытаращила я на нее глаза, пораженная скорее необычным тоном, а не вопросом.

– Не мне, дорогая, а Мосику, – ласково и снисходительно объяснила Селия, как будто мне было года два.

– Разве вампиры могут есть то же самое, что и полу... – сказала я и прикусила язык. Тайна клиента: в подписанном мною контракте на исполнение обязанностей инферняни значилось, что я обязуюсь молчать о «природе происхождения малышей». То есть если кто сам догадался, я ни при чем.

– Но мы же едим пищу людей, – удивилась Селия.

– Ну и что, зато вы не едите то, что могут есть, к примеру, иноп... – и я во второй раз прикусила язык. Да не буквально! Замолкла, короче. Закрыла варежку.

– Амброзию может есть любой, – сказала Селия.

– Но это же... детская анбро...

– Амброзия, – поправила Селия.

– Да, – сказала я. Как будто имеет значение, детская эта абракадабра или нет.

– Вот именно! – сказала Селия и посмотрела на меня с сомнением. – Взрослая-то мне и ни к чему. Я и так вечно молода, – она встряхнула копной рыжих кудрей.

Красиво, ничего не скажешь. А я не отращаваю длинные волосы, потому что возни с ними много, спать неудобно – заматываются куда-то, а на улице, стоит подуть малейшему ветерку, лезут в лицо. Короче, я крайне практичная и современная девушка!

А Селия сказала:

– Мне бы хотелось, чтобы Мосик быстрее вырос.

А-а, так вот оно что! Это выращивающая амброштука. Но нафига мне выращивать Мосика? У меня же работы не будет.

– Селия, но он же такой милый маленький карапуз. Пусть побудет таким подольше! То есть сколько положено. – А сколько положено-то? Я как-то до сих пор не успела поинтересоваться.

– Ты бы хотела нянчиться с ним двести лет? – взывала Селия.

Двести? Ну, это она образно. Ведь люди столько и не живут.

– Хотя люди столько не живут, – добавила Селия сквозь зубы.

Что, и правда двести? А когда ему стукнет двести, он моментально станет взрослым?

Селия, видимо, прочитав недоумение на моем лице, недовольно пояснила:

– Годам к ста он будет выглядеть как ваш трехгодовалый, а к двумстам как первоклашка.

– А... умственно? – Нет, ну правда, он что, еще сто лет будет только гугукать, бубукать и таращить глаза?

– Умственно он и сейчас умнее тебя, – отрезала Селия.

Вот нахалка! Хотя его айкью я не проверяла. Вдруг и правда? Я оглянулась. Штора у телевизора вздымалась холмом, и оттуда доносилось тихое гундежное подвывание. Интересно, что он там делает. Я пошла было к шторе, но Селия схватила меня за руку.

– Так что? – спросила она. – Сколько ты бы хотела получить?

Сегодня день такой? В астрологическом прогнозе, поди, так и написано: «Некоторым Близнецам, а именно тем, которых зовут на букву А, с фамилией на К, будут непрерывно предлагать деньги – такие, каких они за всю жизнь не видывали». Интересно, что же там написано дальше: «Ловите шансы!», «Скажите нет» или «Скажите нет один раз, а да два раза»?

– Селия, – сказала я как можно внушительнее, – я не могу ее продать.

– Да ее вон как много, никто и не заметит!

- Но это же на целые сутки. - Каким же он вымахает спустя эти сутки!

- На сутки? Ты шутишь, милая? Да здесь же минимум на месяц!

Ну, э-э... Вот это да. Но, может, мистер Гермес так мне доверяет, что принес амброзии не меряя. А может, не было дополнительной посуды под рукой, чтобы разделить ее. Нет, версия о доверии мне больше по душе.

- Потому что мне доверяют, - я гордо вздернула подбородок.

- Вот и прекрасно, - сказала Селия. - Значит, никто и не подумает проверять, исчезло там две унции или нет. Я подарю тебе один из наших домов на побережье.

Что она сказала? Дом на побережье? У меня сердце заколотилось о ребра, будто хотело вырваться из груди и полететь на это самое побережье, устроиться в шезлонге на белой веранде и пить холодный шоколадный коктейль через соломинку.

Но я сказала чужим равнодушным голосом:

- Спасибо, Селия. Это восхитительное предложение. Но я не могу. Поймите, - я умоляюще сложила руки, - я бы рада. Но это не мое.

Чертово воспитание! Ну почему иногда я бываю такой порядочной! Сама бы себя сейчас за это отколошматила веником.

- Понятно, - с присвистом выцедила Селия.

Ну все, сейчас она прокусит мою сонную артерию.

Но, вместо того, чтобы зашипеть или что там у них полагается выдать перед тем, как приняться за ужин, она тенью метнулась к шторе, из-за которой уже минуту как выглядывал хитрый черный глаз, вытащила обладателя этого глаза наружу и, с надменным видом прошествовав мимо меня с сыном на руках, скрылась в прихожей. Я даже не успела рта раскрыть, чтобы сказать что-то вроде: «Что ж, останемся друзьями», хотя, впрочем, мы ведь никогда ими и не были. Ну, я могла бы сказать что-нибудь примирительное...

Но входная дверь хлопнула через секунду, не оставив мне никакого шанса снова наладить отношения.

За этим нервным разговором я и следить забыла за Петером. Обернулась - а на кресле один кувшин и никого рядом. И в зале тоже никого. Мило. Ладно, за пределы квартиры он не уползет. А вдруг он пожелает, чтобы открылось окно? То есть все окна - их всего три. А значит, одно или два обязательно откроются!

Пробудив таким образом в себе дикую панику, я побежала по квартире. Окна, слава богу, закрыты. Но ребенка-то нигде нет! Я и в шкаф сунулась, и в ванную, и даже в комод. Пусто! Я упала в кресло в полном отчаянии.

Ой! Селия-то открывала дверь, когда выходила! Вдруг он успел выскользнуть следом! Я бросилась было в подъезд. И вдруг услышала, что в зале кто-то радостно смеется, аж заливается.

Влетела в зал: нате вам - под потолком, махая ручками и ножками, совершенно неуклюже кругами парил Петер и хохотал. Я вспомнила, что на потолок-то я в своих поисках и не глядела. Помахала ему:

- Петер, спускайся вниз.

А впрочем, зачем? Пусть себе резвится, лишь бы не плакал. О, как раз два часа, через пять минут мой любимый сериал «Поп-звезда»: он об одном парне, который был как бы слабаком и ботаником («как бы», потому что там такой милый актер снимается, ни на какого ботаника он не похож и мышцы даже под рубашкой видно!), и вот, он тайно мечтал стать звездой сцены...

Ох, Петеру же нельзя смотреть телевизор! А мне нельзя отлучаться от Петера, то есть нельзя усадить его с игрушками в спальне, например, и пойти смотреть сериал. М-да... И у меня всего пять минут, чтобы решить эту дилемму. Надо просто из двух зол выбрать меньшее.

Не имею я права оставлять беспомощного, вернее, слишком большой мощи ребенка без присмотра! И потом, ничего неприличного, чего детям нельзя, я смотреть не собиралась (уж не знаю, что там за няни попадались Олимпусу до меня). Так что я с чистой совестью включила телевизор и уютно устроилась в кресле. Пока мелькала реклама, я вспомнила, что так и не решила, как потратить двадцать четыре тысячи долларов. С чего начать: с одежды или обуви? Давненько я не покупала новые туфли, да и двух джинсов для гардероба явно маловато... Если я полностью поменяю

гардероб, останется ли еще на дом? Ну, на маленький уютный домик с клетчатыми занавесками и соломенной крышей где-нибудь в Мексике или Бразилии, на берегу океана?

– Ням-ням, – раздался лепет малыша. Он уже приземлился на пол, смотрел в экран и тянул к нему ручки.

Там шла реклама – моя любимая актриса Вивиан Джемисон втирала в подбородок и щеки какой-то новый увлажняющий крем.

– Это не молоко, – сказала я.

Ой, он же амброзией питается.

– И не амброзия, – добавила я. – Это крем, глупышка, его не едят, а мажут на кожу, чтобы она была молодая... И ты ведь только что поел.

Реклама закончилась, и зазвучала знакомая музыка моего сериала.

– Мя-а, – сказал малыш плаксиво.

Я спустилась на пол, притянула поближе игрушки, разбросанные по всей комнате, и давай вертеть их перед ним и то басом, то писклявым голосом нести всякую чепуху вроде «Я косопалый мишка, я по лесу брожу...» или «Здравствуй, Петер, я лягушонок, я припрыгал к тебе из болота...» Все зависело от того, какая игрушка попадалась мне в руки.

Малыш отвлекся, успокоился, и мы оба снова уставились в телевизор.

– Видишь, – сказала я, – это Зак. Он сидит на берегу пруда и ждет Кэри. Это типа первая красавица в колледже, и она его водит за нос. Только, скажу тебе, никакая эта Кэри не красавица. Плоская, как доска, и нос кривой.

Петер весело захопал в ладоши. Пожалуйста, сидит себе прилично, ничего не вытворяет, вид радостный. Вот и выполняй все родительские инструкции. Мне-то виднее. У меня, как-никак, опыт.

Я вернулась в кресло, устроилась поудобнее, забравшись на него с ногами.

М-да. И что же теперь будет – вдруг Селия откажется от моих услуг? Я вздохнула. Ладно, денег у меня пока что навалом. И есть еще два постоянных работодателя. А если Олимпус будет время от времени завозить Петера, так я вообще стану жить припеваючи. Вот только по Мосику буду скучать.

Вдруг прямо передо мной захопали большие белые крылья, и меня обдало лавиной брызг. Лебеди! У меня в гостиной две большие белые птицы плыли по глади... пруда?! Настоящего водяного, пруда со всеми полагающимися деталями: кувшинки, ряска, лягушки... Лягушки?!

А Петер сидел на большом плавучем листе королевской виктории.

Мне в нос стукнулась пролетающая мимо стрекоза.

– Петер, прекрати это сейчас же!

Да меня же соседи четвертуют! Я представила, как на голову миссис Дабкин выливается целый пруд, и мне стало плохо.

Петер попытался поймать проплывавшую мимо коробку с моими туфлями и плюхнулся в воду. Его макушка скрылась под поверхностью, но через миг он уже стоял на ногах – воды ему было по плечи. Расталкивая лебедей, я кинулась к нему, подняла на руки и сказала:

– Петер, милый, убери пруд! Пусть он исчезнет!

Чертов телевизор! Не зря мама говорит, что от него один вред! Я выключила его пультом, побежала в ванную и укутала Петера махровым полотенцем. Вытирая его, я все просила:

– Петер, захоти, чтобы пруд исчез, скорее!

Он, как и раньше, кивал. Но воды было столько же, и лебеди щипали обивку стула.

Ну я и дура! Как же малыш уберет пруд, когда он может исполнить только половину желаний! А перед этим исполнилось желание получить пруд.

В дверь забарабанили со страшной силой. А почему культурно не позвонить? Они и позвонили. Но не культурно, а в стиле матери Мосика. А потом еще и закричали басом:

– Эй, открывайте! Что у вас там, вселенский потоп?

Этот голос не принадлежал миссис Дабкин с пятого этажа. О, вода, наверное, дошла до второго или даже до первого! А может, до подземной станции метрополитена. Пассажиры стоят, ожидая метро, и тут на них начинает капать вода и прямо на голову прыгают лягушки. Нет, лягушки ведь сквозь стены не просачиваются!

Нет, дверь я не открою. И даже к ней не подойду! Пока они ее ломают, я успею скрыться. По пожарной лестнице на крышу. Ой, у меня же деньги в прихожей!

Вода плескалась в дюйме от драгоценного свертка. Я взяла его и переложила в коляску.

В дверь снова заколотили, потом я услышала, как тихо сказали:

– Надо звать управляющего.

Ну нет! Никто не визжит так громко, как мистер Ватс, когда ему что-то не по душе. Разумеется, потоп во вверенном доме никому не пришелся бы по душе. Но устраивать каждый раз такой визг, когда я чуть-чуть задержусь с оплатой, нехорошо, право слово. А сейчас как раз такая ситуация, так что, боюсь, визг может достичь двойной силы. Мистер Ватс погибнет от перенатуги, как та лягушка, что хотела размером сравниться с волком. Окружающие же разобьются вдребезги, как стеклянные бокалы от ультразвуков, которые могут издавать знаменитые оперные дивы и мистер Ватс. И ведь не даст и объяснить, что я только что получила некую сумму и первым делом подумала о том, чтобы побежать к нему и погасить долг.

Так что я бросилась к двери и сказала:

– Кто там?

– Кто? Ваш сосед снизу! Немедленно откройте дверь и закройте воду!

Вот странные люди. На его месте я бы потребовала сначала закрыть воду. Ведь от того, что я открою дверь, потоп не прекратится, правда?

И тут мне в голову пришла блестящая мысль.

– Петер, а представь, как здорово этот прудик будет смотреться... – Я побежала к окну и показала Петеру улицу. Где бы, где бы? – На баскетбольной площадке. Видишь, вон, дяденьки бросают оранжевый мячик?

Хоть бы он не успел до этого исполнить еще одно желание!

Ура! Получилось! Баскетболисты стояли по колено в воде и оглядывались в недоумении. Мячик, за мгновение до этого брошенный в сеточную корзину, шлепнулся в воду и спугнул горделивого лебедя. Тот дернулся в сторону и наткнулся на мужчину в длинных красных шортах. Мужчина и лебедь шарахнулись друг от друга: лебедь взлетел, а мужчина смешно замахал руками, будто тоже собирался взлететь.

А в дверь стучали теперь без перерыва. Видимо, надеялись взять ее измором. Потом стучать перестали.

– Эй! – раздался все тот же бас. – Если вы не откроете, я позову мистера Ватса.

Ишь какой. Явно знает о воздействии визга мистера Ватса на людей.

Гостиная была абсолютно суха, словно ничего там и не было. Так что я могла смело запустить хоть всех соседей вместе взятых. Хотя, пожалуй, все они бы в квартире не поместились.

Я открыла дверь. Передо мной стоял совершенно незнакомый парень лет двадцати пяти. Симпатичный, между прочим. Хотя какая разница. Ведь он пришел со мной ругаться.

– Что вам угодно? – надменно сказала я, воображая себя оскорбленной аристократкой, в дом которой ворвались революционеры.

– Вы обалдели? – невежливо закричал он. – Что вы вытворяете? У меня в квартире Ниагарский водопад!

– А я-то при чем?

Он наконец заметил, что пол в моей прихожей абсолютно сухой, и побежал в ванную и кухню. Я пошла за ним, Петер сидел у меня на руках, укутанный в полотенце.

- Ничего не понимаю, - сказал гость, остановившись посреди кухни. - Может, между перекрытиями трубу прорвало? Но у меня льет по всем стенам, и особенно в гостиной!

- Да что вы! - сказала я.

- А у вас в гостиной сухо?

- Естественно!

Он вернулся в прихожую, косясь при этом в сторону гостиной. Я краем глаза заметила коробку с туфлями - она была мокрая и на ней висела водоросль. Черт!

Я встала так, чтобы загородить обзор, и сказала:

- Чем терять время, бегите и отыщите трубу над вашей гостиной.

- Да-да, - сказал он, потом вдруг вгляделся в Петера, бросил подозрительный взгляд на меня и спросил:

- Вы купали сына?

- Это не мой сын, - ответила я. - Я няня.

- А. Так вы его купали? - машинально повторил он, явно думая о чем-то своем.

- Нет.

Он улыбнулся:

- А почему он в полотенце?

- Какое ваше дело? - сказала я. Этот тип начал меня бесить.

- И правда, - сказал он и вышел.

- А вы с какого этажа? - крикнула я ему вслед, стоя на пороге.

- С пятого, - он приостановился на лестнице.

- Но там же живет миссис Дабкин.

- Я Томас Дабкин, ее сын.

- А разве вы не учитесь в колледже? - Не то чтобы я знала все о соседях, но миссис Дабкин мне все уши прожужжала, какой умница ее Томас, первый в их семье получит высшее образование, да еще в самом Принстоне! Он параллельно работал, чтобы оплачивать обучение, да еще умудрялся матери деньгами помогать.

- Учусь, - коротко ответил он и ушел.

Я закрыла дверь. Вообще-то шас октябрь. До каникул еще далеко. Значит, он бросил учебу? Почему, интересно?

Глава 2

Пообедав супом из пакетика, я отправилась с Петером погулять. Когда втискивала в лифт коляску, на помощь пришел сосед Томас. Он как раз поднимался по лестнице ко мне, чтобы сообщить, что течь прекратилась, а вызванный сантехник сказал, что никаких труб над гостиной не проходит. Только я подумала, какой этот парень милый, он спросил, нет ли у меня надувного бассейна. Я поняла, что он снова взялся за свои подлые расспросы, и ответила:

– Знаете, вы не в том возрасте, чтобы плавать в надувном бассейне.

– Вы правы, – сказал он, и тут двери лифта закрылись, отгородив меня от него и его дурацких идей.

Погода стояла отличная, солнечная. Петера я одела в как-то раз забытые у меня запасные одежды Мосика – он едва в них влез, но через минуту половина из них стала совсем свободной: Петер пожелал не удушиваться тесными тряпками. Я отправилась в парк, по пути обдумывая, надежно ли спрятала сверток с деньгами и не стоит ли вернуться и перепрятать его. Я положила его в кастрюлю, а кастрюлю поставила в шкаф. Лазят ли воры по кастрюлям? Наверное, только если забыли пообедать перед работой. Что ж, надеюсь, мне попадется сытый вор.

Я заглянула под кружевную занавесь – Петер спал. Видимо, заснул, когда мы заехали на ровную парковую аллею. Звонок, который он углядел на проехавшем ранее мимо нас велосипеде, лежал на подушке, вывалившись из маленького кулачка.

Мне всегда очень нравился наш Проспект-Парк. Зеленые газоны, озеро со множеством водоплавающих птиц, Лодочный дом и красивые старые мосты.

Я подошла к пустующей скамье, села, а коляску пристроила с торца. Там я просидела с час, пока Петер не проснулся и не стало понемногу темнеть, и отправилась домой.

Уже выходя из лифта, я почувствовала, что что-то не так. Площадку нашего этажа украшают несколько растений в горшках – питомцы миссис Трюфельс из квартиры напротив, – и сейчас одно из них валялось на боку, земля из горшка высыпалась.

Я подкатила коляску к своей двери и увидела, что дверь приоткрыта. Боже, ко мне воры забрались?! И как раз тогда, когда впервые в жизни в моей квартире действительно есть чем поживиться! Не могли они пойти на грабеж вчера?

Но что же делать, что делать?

– Тс-с, – сказала я Петеру и заглянула в щель одним глазом.

В обозреваемой узкой полоске никого видно не было. И звуков никаких из квартиры не раздавалось. Наверное, они уже ушли.

Прожужжал лифт, хлопнула дверь где-то внизу.

А может, это я, когда уходила, забыла запереть дверь? Да нет же, точно помню, я еще ключ уронила, когда закрывала.

Пока я раздумывала, что лучше: вырвать из кадки карликовую пальму и с ней ворваться, как с дубиной, в свою квартиру или ограничиться криком на весь подъезд: «Воры! Воры!» – так вот, в этот момент раздались шаги на лестнице: кто-то поднимался снизу.

Я тихонько, утягивая коляску за собой, отступила от двери и выглянула в пролет. Это был Томас. Увидев меня, он остановился посреди пролета и, кажется, на несколько секунд растерялся. Потом быстро сказал:

– А я к вам. Я подумал...

Опять он за свое. Я прошипела:

– Нет, садовый опрыскиватель в моем доме не установлен!

– А почему вы шепчете? – спросил он и поднялся на площадку. – В вашей квартире дверь открыта.

– Знаю! – прошептала я. – Она такой была, когда я вернулась с прогулки.

– Тогда вам лучше туда не заходить, – едва слышно сказал он.

– Я и не хочу.

Он кивнул и направился к приоткрытой двери. Заглянул в щелку, нырнул в квартиру, как уж в нору,

и притворил дверь за собой.

Я наклонилась над коляской, заглянула под тюль. Петер мне улыбнулся.

– Ничего, – сказала я ему и подмигнула. – Сейчас зайдем домой и поиграем... в ладушки.

– Ла... – сказал он. – Ла-ушки.

– Ла-душ-ки.

– Ладушки, – повторил малыш.

Ну какой сообразительный! (Нет, я что, превращаюсь в мамашу, которая скачет от восторга, стоит ее отпрыску выговорить такое сложное слово, как «ня», или самому сграбастать ложку и умудриться зачерпнуть ею кашу? И неважно, что каша в следующий момент оказывается на полу, на платье или на стене.)

Через бесконечную и беспокойную минуту дверь распахнулась. В проеме стоял Томас с сияющей улыбкой:

– Все в порядке. Никого. И, кажется, они у вас даже ничего не искали.

– Хорошо бы, – сказала я, вкатываясь с коляской внутрь и думая, что если они что-нибудь бы искали, то очень даже бы нашли.

– У нас перерыли все шкафы. И когда только успели, меня не было всего минут десять, – сказал он совершенно спокойно, как говорят о погоде, например. – Я спускался в кафе за газетой, а когда пришел, дверь была открыта. Но так как ничего не украли, кроме старых кроссовок, которые к тому же лет пятнадцать как мне малы, то я не стал звать полицию.

Ну, может, у тебя вору и нечем было поживиться, кроме старых башмаков, а у меня-то как раз совершенно наоборот! Кстати, зачем хранить старые кроссовки?

Он будто прочитал недоумение на моем лице и пояснил с неохотой:

– Мама хранила их, потому что я в них первый раз выиграл в школьном футбольном матче.

– Ясно, – сказала я, стремясь быстрее завершить разговор и бежать проверять, как там зеленые купюры в большой зеленой кастрюле.

И почему я не взяла с собой побольше денег – тысяч десять хотя бы вместо жалкой сотни, которую я прихватила на шоколад, мороженое и прочие мелочи. Мороженое! Я купила его на обратном пути, целое ведерко, и теперь оно медленно, но верно превращалось в молоко.

Томас вышел в подъезд и проговорил:

– Если вор забирался во все квартиры подряд, может, не только мы с тобой пострадали? Пойду справлюсь, как другие.

Да какая мне разница, кто еще пострадал? А Томас продолжал:

– И давай смотри, что у тебя пропало.

Да знаю я, что. Но все же... Вдруг вор был сыт? Или невнимателен? Или у него было стойкое отвращение к кухням и кастрюлям, потому что... потому что его жена сбежала с поваром?

– Спасибо за помощь! – крикнула я Томасу и закрыла дверь перед его носом.

Так, на кухне полнейший порядок: крупы не рассыпаны, холодильник закрыт и дверцы шкафов вовсе не болтаются, криво висят на петлях. Задержав дыхание, подошла к заветному шкафу. И... открыла.

Пусто! Нет кастрюли! Ноги меня не держали. Я села на пол посреди кухни и зарыдала.

Я знала, все было слишком волшебным, чтобы длиться долго.

Из прихожей доносилось бормотание Петера. Наверное, он уже голодный. Пожалуй, три часа с прошлой кормежки уже прошли. Я развернулась и ухватила за край стола, чтобы подняться. И тут мой взгляд выхватил темный небольшой кирпичик в углу. Я поползла под стол и вытащила на свет... бумажный, перевязанный лентой сверток! Мой сверток с деньгами! Трясущимися руками развязала ленту: они тут! Две толстых запечатанных пачки и сотенные рассыпную сверху.

Я прижала их к груди и просидела, глупейше улыбаясь, минут пять. Пока в дверь снова не

позвонили. Я запихала деньги в холодильник и побежала узнавать, кому я еще понадобилась.

– Это Томас, – сказал знакомый бас за дверью.

Я открыла.

– Ну как? Все цело? – спросил он.

– Да, – покивала я.

– А почему плачешь?

Вам не кажется, что соседи не должны задавать столько вопросов? Должны же быть правила приличия, запрещающие огорошивать человека вопросами более... э-э... трех раз в день.

– От радости, – сказала я.

– Странный вор, правда?

Я пожала плечами. Но он прав: куда уж страннее – найти двадцать четыре тысячи долларов, то есть двадцать три тысячи девятьсот долларов, и выкинуть их на пол! И украсть кастрюлю!!! Ненужную, неудобную, с отбитой эмалью. Спросите, зачем мне такая. Да мы как-то устраивали вечеринку, и не было емкости под пунш. Ну, Кэт и одолжила эту кастрюлю у кого-то из моих соседей. А так как я все забываю спросить, у кого именно, то до сих пор и не вернула.

А Дабкин посмотрел куда-то за мою спину и улыбнулся.

Я обернулась: коляска танцевала брейк-данс – колеса подпрыгивали на месте в замысловатом ритме. В такт танцу гроыхал велосипедный звонок. Кому-то внутри стало скучно!

– Это... такой режим, – перекивая шум, сказала я. – Да. Продвинутая коляска. Сама укачивает младенца, стоит тебе только выбрать нужную программу.

– Да? – хмыкнул он.

– Да. И до свидания, Томас. – Я захлопнула дверь.

А он снова позвонил. Отстанет он когда-нибудь от меня или нет? На этот раз я дверь не открыла, а просто крикнула:

– Что еще?

– Будешь через дверь разговаривать?

– Да. – Я повернулась к коляске и сказала: – Петер, не мог бы ты перестать звенеть. У меня уши закладывает.

Звон прекратился. Но коляска продолжала плясать – теперь это были кренделя будто из какого-то балета. Коляска добежала «на цыпочках» до кухни и в плавном прыжке возвращалась обратно. А, это же он птичек в парке видел! Воробьев! А брейк? В рекламе сладких тянучек! Чертов телевизор! За пять минут подкинул ему столько информации! Но, с другой стороны, невозможно же держать бедного маленького человечка, в смысле, полчеловечка, – в полной изоляции? Это было бы жестоко.

А Томас докладывал сквозь дверь:

– Я хотел сказать, что обошел всех жильцов. Ни к кому никто не вламывался. Только у миссис Трюфельс никто не открывает.

– В это время она в церкви. Репетирует хоралы.

– А, понятно.

– Я еще хотел сказать, до этого я приходил... Может, откроешь?

– Нет.

Он посмотрел прямо в глазок. Мне стало неловко, что я не открываю дверь. Он сказал:

– Хорошо. Я приходил, чтобы извиниться. Думаю, не ты виновата в потопе.

– Хорошо. Извинение принято.

«Не ты виновата» – а кто, он считает, виноват? Он Петера подозревает? Да о чем это я! Он подумал на других соседей, наверное. Ну, мне это все равно.

А он ответил:

– Прекрасно. Ну, пока.

– Да. Пока.

Он помедлил, будто хотел еще что-то сказать, потом, видимо, передумал и ушел.

Коляска перестала плясать и просто ездил туда-сюда. Я остановила ее и вытащила Петера. Сказала ему:

– Ну ты и придумщик!

– Приумщи...

– Ага, придумщик. Что, есть хочешь? Будешь ням-ням?

Я понесла его в кухню и усадила на детский стульчик. (Когда я стала няней, я привезла сюда из дома некоторые свои детские вещи – хорошо, хоть что-то осталось у нас на чердаке: мама любит все раздавать. Стульчик сохранился, потому что был сломан, но когда он мне понадобился, папа его починил.)

Так, где же я оставила бутылку? А, в гостиной, на столе.

Нет, ее здесь нет. Может, у кресла? Тоже пусто. На обратном пути в кухню я увидела бутылку – она стояла на стуле в прихожей. Не помню, чтобы я ее сюда ставила. Может, Петер захотел, чтобы она переместилась?

Я взяла ее двумя пальцами за узкую горловину – да, представьте себе, до такой степени она была легкой, – но не тут-то было! Я не смогла даже сдвинуть ее с места! А поднять смогла, только взявшись за боковые ручки. Что это с нею случилось?

Да, малышу такое не удержать. Я достала с полки чистую бутылочку для кормления. Установив в нее воронку, подняла бутылку – ну и тяжесть! – и наклонила над ней. Ни капли не вылилось. Заглянула в горлышко – темно и ничего не видно, как и прежде. Снова перевернула бутылку вверх ногами и потрясла – ни капли.

Куда подевалась абракадабра? И чем теперь кормить Петера?!

Я села на табурет и глубоко задумалась, для чего положила руки на стол и опустила на них голову.

Надо позвонить Гермесу. Сказать, что его сын остался без еды. А вдруг он подумает, что я загнала амброзию на черном рынке по бешеной цене – дом за унцию?

Селия! Это ведь ее рук дело! Ох, как я зла на нее. Вот кому я позвоню в первую очередь и потребую вернуть божественное детское питание обратно. Не успел же Мосик съесть всё?

Я набрала телефон Селии. Она ответила моментально:

– А, Алисия. Кажется, я забыла сегодня оплатить твои услуги. Чек получишь по почте. Сейчас я его отправлю. Могла бы и не беспокоить меня из-за задержки оплаты, ведь ты такой куш сегодня отхватила...

– Да нет же, Селия! – вскричала я, но она уже бросила трубку.

Тогда я снова нажала ее имя в меню. Оператор сообщил, что телефон отключен. Что за дела? Набрала домашний. Никто не подходил. Так, где ее адрес? Она же мне в самом начале дала бумажку. Я еще хотела переписать те три строчки в ежедневник.

Я побежала в спальню. Так, дело было в сентябре, значит, плащ. Или желтая вязаная кофта. Полезла в карман плаща и обнаружила скомканную бумагу. Ура! Это оно! Верхний Ист-Сайд, разумеется.

Так. Пойду к ней и поговорю напрямую. Пусть они разорвут меня в клочья, но грабить мою квартиру и особенно уносить еду других детей они не имеют права!

Но с кем оставить Петера? А уже темно, и выходить с ним на улицу, я помню, в инструкции Гермеса запрещено. И потом, если никто не подходит к телефону у Селии, то, возможно, у них дома никого нет. Хотя, скорее всего, она просто видит мой номер и не берет трубку.

Положение безвыходное. Придется ехать к ней домой и ломать кулаками дверь. Может, она сжалится при виде моего отчаяния и потоков слез.

А почему Петеру нельзя выходить, когда темно? Скорее всего, какой-нибудь пустяк, типа свечения кожи в темноте. Или Гермес Олимпус просто боится, что его ребенок напугается. Так он, возможно, и не знал, что в Нью-Йорке светло и днем, и ночью. Даже звезд не видно. У нас, в Бруклине, фонари, конечно, встречаются пореже, но на Манхэттене!..

Ладно. Возьму такси. Надену на Петера курточку с большим капюшоном, и все дела.

И правда, ничего не случилось, и мы с Петером спокойно добрались до Пятой Авеню. И кожа Петера в темноте вовсе не светилась!

Ого. Таксист высадил нас около старинного каменного здания в три этажа, с крылатыми статуями горгулий по углам. Нас встретила дверь с медными львами-кольцедержцами, а в холле – круглолицый швейцар в красном с золотыми пуговицами мундире.

– Вы к кому? – спросил он.

– К Селии Барментано, в четвертую.

– Вы им кто, мисс?

– Подруга, – соврала я.

– Тогда странно, что она вам не сообщила...

– Что?

Ну что еще за штучки вытворила Селия?

– Они съехали. Всей семьей.

– Как это... – я потеряла дар речи.

– Да, всего-то два часа назад. К ним приехал племянник, и они все вместе и уехали.

– Племянник... – машинально повторила я. – А вы знаете их новый адрес?

– Нет. Они не сообщили. Я еще поинтересовался, куда отправлять корреспонденцию, которая некоторое время будет приходить на старый адрес. А она сказала, никуда.

Никуда! Селия уехала в никуда. Пустилась в бег. А кто бы не пустился после того, как ограбил богов?

Я поправила Петеру капюшон и понуро побрела к выходу. Потом остановилась. О чем я думаю. Надо же вызвать такси.

– Вы не могли бы вызвать такси? – спросила я швейцара.

– Конечно, – ответил он и стал накручивать цифры на старомодном аппарате.

– А как выглядел племянник Селии? – спросила я.

– Мальчик лет семи. Черноволосый, черноглазый, вылитый мистер Барментано. – Он понизил голос: – Даже прикус такой же неровный, клычки торчат. Ну так сейчас же ставят скобки, выправится!

Какие племянники! Это же Мосик!

Это от него Селия узнала, что я «такой куш отхватила»! Он вырос и заговорил!

Ну Селия! Ну злодейка!

К себе я вернулась в крайне взвинченном состоянии. Не раздеваясь, прошла в зал, усадила Петера в кресло, а сама пробежала комнату туда-сюда, соображая.

Селия скрылась. Вместе с амброзией. А значит, надо звонить мистеру Гермесу и признаваться. Хотя – ну в чем моя вина? Если бы он не напустил таинственности и кроме указания «кормить каждые три часа» рассказал хоть что-нибудь еще об этой штуковине, то ничего бы не произошло!

Поэтому я отыскала рулончик с инструкцией – он почему-то оказался на журнальном столике и был заляпан томатным соком (а, я ж его читала, когда Петер стянул сок у Мосика!) – и смело набрала

номер, напечатанный внизу. Мне ответил автоответчик. Так:

– Добрый день. Вы позвонили Гермесу Олимпусу.

И только я собралась дожидаться гудка, чтобы оставить рассерженное сообщение (уж лучше атаковать, чем виниться!), как записанный голос мистера Гермеса Олимпуса выдал такое:

– Если вы звоните потому, что я не приехал за сыном, нажмите «один», если потому, что закончилась амброзия, – «два»...

У меня брови поползли под челку. А голос снова завел:

– Добрый день. Вы позвонили...

Я нажала «2».

– Можете кормить его обычной людской едой. Можете приготовить сами, а можете купить в ресторане. Я вот, например, люблю блинчики с джемом. Думаю, сын тоже их полюбит. Вы умеете готовить блинчики?..

А годовалые дети едят блины? Голос вдруг заявил:

– И с наступающим Рождеством и Новым годом, Алисия. Ведь сейчас конец декабря, верно? – Тут он вздохнул.

Трубка загудела. Ах ты! Он что же, не собирался забирать Петера аж до самого декабря, вернее, почти до января? Селия, выходит, была права, что амброзии хватит не меньше чем на месяц? Забирать... А что он там говорил про то, что не приехал за сыном?

Нажав на телефоне повтор набора и снова попав на улыбчивый голос мистера Олимпуса, я в этот раз выбрала цифру «1».

– Извините, Алисия. Так получилось.

И снова загудела трубка. И все? Это все, что он мог сказать?

Но погодите. Сегодня не завтра. То есть мы же договорились, что он заберет Петера завтра, верно? Может, это шутка? И почему он записал послание лично для меня?

Он знал наперед, что за сыном не приедет. Ни завтра. Ни до конца декабря. Ни... а может, никогда?

Но раз сегодня не завтра, возможно, Гермес не успел уехать. Он же не знает, что у меня украли амброзию и что я ему позвонила. А значит, вполне себе может сидеть на диване и смотреть телевизор по тому адресу, который указан в инструкции вслед за телефоном. А тут указан... да, номер в «Ритц-Кристалл». Королевский пентхаус.

Так. Темноту Петер переносит нормально, мы уже проверили. Да, надо его накормить, он же голодный.

Блинчики делать было некогда. Да и не из чего. Да и не умею я, если честно. И вообще, в холодильнике было практически пусто, если не считать свертка с деньгами, ведерка с мороженым в морозилке и кочана капусты в овощном (ах да, я же собиралась посидеть денек на капустной диете).

А годовалые дети едят капусту? Наверное, в виде какого-нибудь специального блюда для годовалых детей – тертую, на пару, с добавлением еще чего-нибудь тертого и на пару. Так что не будем рисковать и поедем по пути. В кафе неподалеку в меню есть блюда для детей разного возраста. Помню, я была так рада, когда обнаружила это заведение – оно называлось «Приходите с малышами», – что водила туда всех своих подопечных, обычных, а теперь и необычных. Хотя с необычными надо было держать ухо востро, чтобы они не выдали себя на публике. Ну, зато не надо заморачиваться насчет покупки продуктов, готовки и раздумий, можно ли давать детям то, что получилось.

Мосику, например, очень нравился их свежавыжатый томатный сок – я, разумеется, заказывала его шепотом, у стойки, а когда вручала малышу, говорила зашифрованно: «Ну, вот, твоя любимая еда!» Так что если кто меня и слышал, то только умилялся, какая я заботливая, а не считал меня помешанной на фильмах о вампирах.

Мосик. Он теперь такой большой. Интересно, каким он стал? Увижу ли я его когда-нибудь? По щеке поползла слеза. Я ее смахнула. Взяла на руки Петера, сунула в карман свиток с адресом.

Минутку. Если мне удастся поймать Гермеса, что я ему скажу? Забирайте Петера, пока вы не

успели улизнуть? Ну да, что-то вроде этого. А значит... Значит, деньги надо вернуть. Так. Никаких эмоций. Никаких картинок с домиками и занавесками.

Я посадила Петера на стульчик, вытащила деньги из холодильника. Гермес привез Петера в десять минут второго, минут двадцать мы разговаривали, прежде чем он ушел. Сейчас семь двадцать. Значит, отсчитывая с полвторого часа дня, я просидела с Петером почти шесть часов. Пока мы поужинаем и доедем до «Ритца», пройдет еще не меньше полутора. А значит, я имею право на семь с половиной тысяч, минус те сто, что я взяла раньше.

Я взяла банковскую пачку, разорвала и отсчитала причитающийся мне гонорар. Положила его в пластиковую чашку и поставила чашку в холодильник – ведь в холодильнике деньги у меня еще не находили, значит, пока что ему можно доверять.

Взяла свою сумочку из коридорного шкафа, запихала туда немного похудевший сверток, закинула сумку на плечо, снова взяла на руки Петера, закрыла квартиру на ключ и пошла к лифту. (С коляской только лишняя возня. И потом, если нарушаешь одно правило, то какая уже разница, нарушишь ли ты второе.)

Когда я выходила из подъезда, то нос к носу столкнулась с Томасом.

– За хлебом ходил, – взмахнул он рукой с буханкой, – в пекарню на углу.

Разве я его о чем-то спрашивала? Зато он спросил:

– А вы куда на ночь глядя?

– Прогуляться.

– Разве ему не пора спать?

Он что, себя няней вообразил?

– Не пора, – коротко ответила я, шагая к светофору.

Томас увязался за нами.

– Позволь мне тебя сопровождать.

– Зачем это?

Нет, ну что за приставучий тип!

– Затем, что уже темно.

– Еще нет и восьми!

– Значит, затем, чтобы составить тебе компанию.

– Вот еще чего не хватало.

– Ну хорошо.

И он остался на одной стороне улицы, а я перешла на другую.

Поворот за угол. Еще квартал. Вот и «Приходите с малышами». Еще открыто – кафе работало до восьми даже по воскресеньям. Внутри почти никого не было, и я выбрала столик в углу, возле окна. Усадила Петера на оранжевую лавку и сама села рядом. Столы и стулья в кафе немного ниже, чем обычные, специально, чтобы детям было удобно.

Ко мне подошла официантка Пеппи – веселая и веснушчатая, моя ровесница:

– Меню? Здравствуй, Алисия.

– Привет. Как дела?

– Отлично. А у тебя? Новенький? – Она улыбнулась Петеру, а он улыбнулся в ответ и ручкой потянулся к цветному бейджику на ее груди.

– Нет, лапусик, это бейджик, он для работы, видишь, написано – Пеппина Аль Чарм. Так меня зовут.

– Зуву, – попытался повторить последнее слово Петер.

А я сказала:

– Меню не надо, Пепи. Нам кашу овсяную с яблоками и воды. Еще гамбургер с колой – мне. – Только в кафе я вспомнила, какая голодная.

Пепи кивнула и ушла.

За столиком в центре расположилась семейная пара с двумя детьми. Дети галдели, мать делала им замечания, отец поглядывал на часы: видимо, прикидывал, успеет на начало трансляции бейсбольного матча или нет.

Минут через пять Пепи принесла наш заказ. Я показала Петеру, как держать ложку. Ложка ему понравилась, но он не хотел опускать ее в кашу, а хотел молотить ею по столу. Поэтому я взяла ложку сама и стала скармливать ему кашу правой рукой, а левой, пока он жевал, скармливать себе гамбургер.

Семья с детьми стала шумно вставать из-за стола, Пепи принесла им счет, и они вышли.

Мы тоже скоро все доели, запили каждый своим напитком. Пепи скрылась за дверьми кухни. А так как мы спешили – застать безответственного папашу Олимпуса, пока он не успел собрать вещички, – то я велела Петеру сидеть на месте, а сама подошла к барной стойке и крикнула:

– Пепи!

Пепи вышла, взяла деньги и пожелала спокойной ночи. Я обернулась... И увидела, что за столиком у окна никого нет! И под столиком – тоже! Памятуя о дневном «исчезновении» Петера у меня в гостиной, я взглянула на потолок – никого!

Пепи выбежала из-за барной стойки. Сказала:

– Может, на улицу потопал?

– Да он толком еще не ходит! Только ползает!

– Может, уполз?

Мы выбежали на улицу. Тротуар был освещен фонарями. И на тротуаре было совершенно пусто. Ох, боже мой! Что же! Где же! А вдруг он умеет растворяться в темноте, ну то есть становиться невидимым? Вот почему этот чертов Гермес и не советовал гулять с наступлением сумерек!

Мы с Пепи оббежали кафе и снаружи и внутри, к нам присоединился повар, два его помощника и уборщик. Но все было безрезультатно!

– Алисия, – сказала Пепи, когда я без всяких сил шлепнулась на пластиковый стул, – звони в полицию.

А все покивали. Точно. Надо позвонить. Но не в полицию, а в агентство! Контракт даже обязывал обращаться к ним в экстренных случаях! Уф. Сейчас они быстренько мне все объяснят и всех найдут!

– Точно, – сказала я вслух и пошла к выходу, чтобы спокойно позвонить на улице.

– Что ты, звони с нашего телефона! – Пепи побежала и выставила аппарат на барную стойку.

– Нет, мне... со своего удобнее.

И я выскочила на улицу.

Так, где тут они. Ага.

– Алло.

– Агентство особенных нянь для особенных детей. (Это они так шифруются.)

– Это Алисия Кроуль, – назвала я себя, – и у меня чрезвычайная ситуация...

– Алисия, ты в порядке? – из кафе вышла Пепи. – Что они?

– Нормально, – прошептала я в ее сторону и знаком показала, что разговариваю.

Она кивнула и осталась рядом – видимо, чтобы морально поддержать меня. Придется говорить при ней.

– Мы с моим подопечным, Петером, были в кафе, и он пропал.

- Скажи, сколько ему лет! - подсказала Пепи.

Черт. А ей не надо убираться на барной стойке? Выставить ровными рядами стаканы или, там, наполнить пузатую вазу разноцветными конфетами?

- На вид ему около года, - сказала я в телефон, а Пепи удивленно захлопала на меня ресницами.

- Ясно, - ответил спокойный голос парня из агентства, и мне самой стало чуть спокойнее. - Вы не одни. Кто он? Вампир?

- Нет. Он полу...

Пепи слушает, приоткрыв рот.

- Полубог? - чуть удивляется парень.

- Да.

- Ясно. Имя и фамилия родителей.

- Отец - Гермес Олимпус...

- Кто мать, вам неизвестно.

- Так и есть.

- Ага. Где вы сейчас?

- Кафе «Приходите с малышами». Угол...

- Я знаю, где это, - перебил меня парень. - Сейчас отправлю к вам человека. Ждите.

И отключился.

Я сложила телефон.

- Ну что? - спросила Пепе.

- Сейчас сюда прибудет... агент.

- Да? Идем внутрь. Холодно.

Мы зашли. Я все выглядывала в окно и украдкой посматривала на потолок, надеясь увидеть Петера. В кафе хотели зайти еще посетители, но Пепи закрыла дверь и перевернула табличку на «Закрето».

- Чтобы никто не наследил, - сказал повар.

Как в детективе.

Я сидела за столиком и не пила кофе, который принесла Пепи. И вдруг в витрину возле меня кто-то постучал. Я увидела лицо Томаса Дабкина. Он что, все же пошел за нами следом?

- Это полиция! - сказала Пепи и помчалась открывать, я даже не успела остановить ее словами: «Нет, это всего лишь скучный сын миссис Дабкин, который бросил колледж и весь день не дает мне покоя своими расспросами».

Но дверь уже, звякнув, открылась, и в кафе вошел скучный сын миссис Дабкин со словами:

- Здравствуйте. Я лейтенант Дабкин. - Он посмотрел на меня: - Вы звонили?

Вот те на! Чего это он?

- Но вы не... - начала было я, подходя к нему.

- Не могли бы вы, - обратился он ко всем, - занять те места, на которых были, когда малыш исчез?

Все, галдя и указывая друг другу, кто где был, отправились в сторону кухни. Я не тронулась с места.

- А вы? - спросил Томас Дабкин.

- А я хочу знать, какого черта...

Он мягко прикрыл мне рот рукой и сказал тихо:

- Я человек из агентства. - И, видимо, прочитав на моем лице недоверие, добавил: - Из агентства особенных нянь для особенных детей. Я еще днем понял, кто с тобой.

И он опустил ладонь.

- Где ты находилась, когда исчез ребенок?

- Мы поели, и я подошла к барной стойке, - я указала рукой, куда, - чтобы рассчитаться.

- Но за барной стойкой никого не было...

- Да, я позвала Пепи.

- Зови.

- Пепи! - крикнула я, испытывая странное чувство дежавю. Я даже оглянулась на наш столик - вдруг Петер чудесным образом снова окажется там?

- Ты оглядывалась? - спросил Томас Дабкин.

- Нет. К сожалению, - огорченно ответила я.

Из кухни выскочила Пепи:

- Что случилось?

- Мы проводим эксперимент, - объяснил Томас. - Ты расплатилась, - обратился он ко мне. - И Пепи ушла.

- Нет, - сказала Пепи. - Алисия стала искать Петера. Здесь его не было, и мы побежали на улицу.

Томас нахмурился.

- Ясно.

Он вышел из кафе. Я поплелась следом. За нами вышла любопытная Пепи. Мы с ней смотрели, как он внимательно оглядывает ступеньки, тротуар, смотрит вверх, на светящиеся фонари. Потом он сказал, обращаясь к Пепи:

- Извините, мисс...

- Аль Чарм, - она указала туда, где раньше был ее бейджик. И где сейчас его не было. - Ой, - сказала она, - бейджик посеяла.

- Бывает, - улыбнулся ей Томас. - Мисс Аль Чарм, мне надо допросить мисс Кроуль наедине. Вы не оставите нас одних? И попросите персонал пока не расходиться.

- Хорошо, - кивнула Пепи и ушла в кафе.

- Почему ты повела мальчика в кафе? У тебя дома что, совсем нет еды? - спросил Дабкин.

- Какая разница! - возмущенно сказала я. - Ты что, обвиняешь меня в том, что я плохая няня? Да знал бы ты, какие сложились обстоя...

- Я просто хочу увидеть картину произошедшего во всех подробностях, - спокойно сказал Томас. - И прошу тебя помочь. Поэтому меня интересует, что заставило тебя вынести малыша из дома в темное время суток, тогда как в оставленной тебе инструкции это, по всей вероятности, было запрещено?

- Мы поехали к его отцу. А в кафе зашли по пути, потому что... у меня украли амброзию, - жалобно сказала я.

- Во сколько отец должен был приехать за ним?

- В два часа дня. Завтра.

- Завтра?

- Да, но он...

- Значит, Петер первый раз попробовал нашу еду?

- Да. Но Гермес сказал, что они едят нашу е...

- Разумеется, едят, - отмахнулся Томас. - Сколько ты заказала?

- Тарелку каши...

Томас уже входил в дверь с нарисованной кофейной чашкой.

- Он не наелся, - сообщил Томас, когда мы оказались внутри.

Но я думала о своем:

- Знаешь, когда я расплачивалась с Пеппи, бейджик на ней еще был.

- Он болтался у меня перед глазами, я тогда еще заметила, что на нем опечатка: в слове официантка две «ф». Я, конечно, колледжей не заканчивала, но как пишется «официантка» знаю.

- И что?

- И когда ты пришел, бейджик еще был!

- Официантка могла потерять его после. К чему ты клонишь?

- А к тому, что Петеру приглянулся этот бейдж, и он мог...

- Стырить его.

- Хотя, может, она и правда сама его потеряла...

Мы толкнули двери с круглыми окошками и очутились в кухне. Томас окинул ее цепким взглядом.

- Ну, - обратился он ко всем, - кто что делал, когда Пеппи забежала и сообщила, что посетитель пропал?

- Я развешивал сковородки по местам, - сказал один помощник повара, парень с розовыми щеками. И подошел к стене, на которой висело два ряда медных сковородок.

- Я молола кофейные зерна, - сказала второй помощник повара, женщина средних лет.

- Я выносил мусор на задний двор, - сказал уборщик и махнул в сторону зеленой крашеной двери.

- А дверь была открыта? - встряла я.

- Ну да, - сказал уборщик.

- Но мы же сразу проверили и внутренний дворик тоже, - сказала Пеппи.

- А вы? - спросил повара Томас.

- А я убирал в холодильник головы сыра.

- Где холодильник? - спросил Томас.

- Да вот, - повар повел нас мимо плит и столов к металлической двери и открыл ее - внутри оказалась целая небольшая комната с полками, заваленными всяческой снедью. Сюда мы с Пеппи не заглядывали.

- Знаете, я бы заметил, если бы под ногами у меня кто-то прополз, - сказал повар. - Я бы споткнулся!

А я увидела, что на самой верхней полке, под потолком, сидит Петер: в одной его руке полкаральки колбасы, а в другой - большая плитка шоколада, которую он, по-видимому, грыз вместе с оберткой. Увидев меня, он засмеялся и шагнул с полки в воздух. Томас, вытянув руки, кинулся вперед и подхватил его, пока он не начал порхать в воздухе, как бабочка.

Присутствовавшие испуганно ахнули. А Томас Дабкин передал Петера мне, отошел в сторону, нажал кнопки на своем телефоне и коротко доложил:

- Это Томас Дабкин. Петер Гермес Олимпус найден. Он в полном порядке. Виновных нет.

Мне особенно понравилась последняя фраза.

Глава 3

– Я был прав, он просто не наелся, – сказал Томас, когда мы вышли из кафе.

– Сколько же они едят? – спросила я.

– Полубоги? Много, особенно когда растут и нет амброзии. Но все же меньше, чем боги. И натян-ка на него капюшон.

– Как он юркнул в холодильник так незаметно?

– Он поднялся к потолку, как только ты подошла к бару. И вылетел на кухню, когда Пеппи вышла на твой зов. В это время, как мы выяснили, на кухне повар заходил в холодильник.

– И Петер направился туда...

– Потому что заметил всякую всячину, которую при нем ели другие люди.

– А значит, и он мог бы пожевать...

– Угу. Поэтому-то, когда вы с Пеппи начали его искать – а ты ведь и на потолки всегда смотрела, – улыбнулся Томас, а я кивнула. – ...Так вот, Петера нигде не было, он уже сидел в холодильнике.

– И как он только не замерз! – Мне стало страшно при мысли о том, что могло бы произойти, и я покрепче укутала Петера в куртку.

– А ты не знаешь? Полубоги, как и боги, легко переносят и холод, и жар. Иначе как бы они жили и глубоко под землей, и высоко в горах?

– Я вот чего не пойму... – Кажется, впервые за сегодняшний день наступила моя очередь задавать вопросы. – Как он умудрился увести бейджик Пеппи? Или ему не обязательно видеть предмет, чтобы получить его?

– Пока он маленький – обязательно. А когда вырастет – ну, сможет и так...

Томас свистнул, останавливая такси.

– Значит, он увидел Пеппи, сидя в холодильнике?.. Когда ты попросил всех занять те же места! – осенило меня. – Повар снова открыл холодильник, а Пеппи была рядом, на кухне!

– Угу, – он улыбнулся.

Как он мило улыбается, скажу я вам!

Мы сели в желтую машину, и Томас назвал адрес нашего дома.

– Тут же два квартала, – удивился таксист.

– Действительно, – сказала я. – Ты что, не можешь дойти пешком? А такси отдал бы нам.

– И куда это ты собралась, хотел бы я знать?

– А что?

– А то, что я сейчас доставлю вас домой, и вы будете там сидеть до завтрашнего утра.

Нет, вы видали такую наглость? Так мной командовала только мама и только лет до двенадцати. И вы думаете, я ее слушалась?

– Вы будете препираться или все же поедете? – спросил таксист – толстый негр в маленькой цветастой шляпе.

– Езжай ты, – сказала я и вышла с Петером на руках из машины. – Я поймаю следующее такси.

Томас выскочил за нами. Таксист выругался. Томас наклонился в машину:

– Подождите, мы сейчас поедем.

А потом обратился ко мне:

– Извини. Объясни, зачем ты везешь Петера к отцу, если у вас договоренность до завтра?

– Потому что знаешь, что он мне сказал по автоответчику? Он меня с Новым годом поздравил! И

сказал...

У Томаса зазвонил телефон.

– Извини, – сказал он и взял трубку: – Да. Да. Понял. Буду через пять минут.

Он отключил связь, потом нажал пару кнопок, мой мобильник зазвонил.

Томас сказал:

– Сохрани мой номер.

Я кивнула, он нажал отбой на своем телефоне, открыл дверцу такси и сказал мне:

– Садись в машину, подвезете меня, а потом домой.

Мы с Петером залезли в такси. Томас уселся рядом, назвал водителю какой-то адрес. Протянул ему сотню:

– За скорость.

– Окей, – сказал водитель и включил музыку.

– А куда тебя вызвали? – спросила я.

Наверное, произошло что-то невероятное, типа нашествия вампиров на какой-нибудь квартал или непредвиденной посадки инопланетного корабля на каток в Центральном Парке... Хотя это исключено – он ведь назвал таксисту местный, бруклинский адрес.

Томас попытался задвинуть перегородку, но ему это не удалось, потому что она была сломана.

– Драка на детском дне рождения, – ответил он тихо.

– Да? – разочарованно сказала я.

– Ага, – сказал Томас невозмутимо.

– Не знала, что ты занимаешься такими пустяками...

– Человек, который ими занимается, в данный момент неработоспособен. – И прошептал мне на ухо: – Два дня назад на одной свадьбе его укусил оборотень, и теперь он проходит курс противооборотневых инъекций.

– Да?

Вот ужас, выходит, если меня укусит маленький Снорри – а он уже предпринимал несколько попыток, – мне тоже придется проходить этот ужасный курс уколов?

Томас, кажется, прочитал эти мысли по моему лицу, потому что прошептал:

– Укусы малышей-оборотней еще не ядовиты.

– Знаю, – отмахнулась я беззаботно.

Уф. Слава богу.

– Значит, он искал амброзию, – задумчиво сказал Томас. – И нашел ее у тебя... Но зачем ему ботинки?

– Не ему, а ей, – сказала я и пожала плечами: – И с чего Селии искать амброзию у тебя?

– Эй, – обернулся водитель. – Никаких наркотиков в моем такси!

– Ну что вы, – сказал Томас. – Это... название торта.

– Да, – сказала я. – Торта по рецепту моей бабушки.

– Ага, – сказал негр. – И после этого тортика свою башку с телевизором перепутать можно.

– Вы бы починили перегородку, – сказал в ответ Томас.

– Я любопытный, – сказал шофер. – Ну, приехали.

Мы остановились у подъезда одного из муниципальных многоквартирных домов. Томас сказал мне

тихо:

– Я быстро наведу там порядок. А потом я приеду, и ты расскажешь мне о Селии. Так что сиди, пожалуйста, дома и жди меня. Ты же знаешь, Петеру ночью лучше быть под крышей...

Откуда-то с верхних этажей послышался визг и волчий вой. А потом в стекло одного из освещенных окон шлепнулось и размазалось что-то похожее на торт. И поэтому я не успела сказать, что я тут няня и я лучше знаю, что лучше для детей. А для них лучше, чтобы их бестолковый родитель не уезжал от них невесть куда. И вообще, выполнял договоренности.

– Похоже, веселье в разгаре, – сказал Томас, выходя из машины.

– Еще скажите, – кивнул таксист на окна, – что это они на трезвую голову так развлекаются.

– Это вообще детский день рождения! – возмутилась я.

Томас обернулся и снова назвал таксисту адрес нашего дома, потом сказал мне:

– Обещай, что никуда сегодня больше не выйдешь. Не надо рисковать.

– Обещаю, – сказала я, и мы поехали.

Когда машина разворачивалась, Томас уже скрылся в подъезде.

– Отель «Ритц-Кристалл», Бэттери Парк, – приказала я шоферу.

Он криво усмехнулся.

Понимаете, если человек заставляет вас что-то пообещать против вашей воли, то вы имеете право не выполнять обещание. К тому же – нечего ему было меня бросать. В смысле... Он сыщик? Сыщик. Я ему сообщила, что амброзия пропала и что то же самое собирается сделать папаша Гермес. И что он? Разве не должен он первым делом броситься мне на помощь, организовать масштабные поиски (да, посматриваю я полицейские сериалы, вы угадали) и вообще не оставлять меня одну в такую трудную минуту? Вместо проявления подобной заботы, в смысле, профессионализма, он просто отделяется от меня, отправляя домой спать!

Но я сильная девушка и сама все найду и разузнаю.

Меня охватила небывалая отвага. Да я, может, вообще в сыщики пойду, в нашу Корпорацию, и обскачу этого Томаса Дабкина по всем показателям раскрытых преступлений! Я буду носить кожаный пиджак и черные очки. А к ним... что лучше – узкие-преузкие джинсы или мини-юбку? Или юбку в готическом стиле – в пол и такую, ну, с как бы рванными краями? Я бежала бы за межгалактическим преступником, и ветер трепыхал эти псевдо-оборванные треугольники, и меня бы прозвали Летучая Мышь Алисия...

– Приехали, мисс! – сказал таксист, вырвав меня из таких приятных мечтаний.

Петер спал. Я расплатилась и вышла.

Надо мной ярко сияли окна «Ритца». В спину дул холодный ветер с Гудзона. Я решительно шагнула к крутящейся стеклянной двери. Швейцар, вносящий чей-то багаж, покосился на меня недовольно.

Пожалуй, я бедновато одета для этого места. Рядом важно прошествовала седая завитая дама в парчовой, мехом подбитой накидке и с белой собачкой под мышкой. Собачка, похоже, тоже была завита, и тем же парикмахером.

Человек за стойкой при виде меня сморщился. Ну, знаете, а может, я эксцентричная миллионерша! И вообще, у меня в сумке в данный момент лежит семнадцать с половиной тысяч долларов. Спорим, ни у кого из присутствующих в этом холле нет в сумке или кармане столько же?

Так что я расправила плечи и высокомерно сказала служащему за стойкой:

– Я бы хотела пройти к мистеру Гермесу Олимпусу из королевского пентхауса.

Служащий стукнул два раза по клавиатуре компьютера и изрек:

– Мистер Олимпус просил его не беспокоить.

Ура! Значит, он еще не уехал! Он здесь! Тщетно пытаюсь сдержать улыбку, которая растягивалась по лицу, я сказала:

– Передайте, что это Алисия Кроуль, няня, и мне надо э-э... спросить кое-что о его сыне, Петере. – Я

чуть приподняла малыша для убедительности.

Не стану же я говорить, что привезла Петера, чтобы вернуть, и что я знаю, что Гермес собирается линять. Главное, встретиться с ним, а там уж я разберусь!

– Пепере, – неправильно повторил свое имя Петер и потянулся к медному куполу звонка на стойке.

– Не надо трогать, Петер, – сказала я ему и вдруг испугалась, что звонок возьмет да и переместится прямо по воздуху в руки Петера. Добавила спешно: – Это чужая вещь.

– Чужая, – сказал Петер.

– Да. Этого дяди, – я показала на служащего.

А служащий ответил тем же бесстрастным тоном, что и ранее... (А еще говорят, что в дорогих отелях все очень вежливые и все время улыбаются... вранье, заявляю вам с полной ответственностью. То есть этот служащий вроде и улыбался, но было больше похоже, что кто-то просто взял его щеки и прицепил прищепками к ушам – и служащий этим очень недоволен.) Так вот, он сказал:

– Если бы мистер Олимпус пожелал сделать какое-либо исключение, то он бы сообщил.

И только я собиралась сказать: «Да как вы смеете не пускать ребенка к его родителю!» – как служащий добавил, подняв бровь:

– И, смею заметить, мистер Олимпус вообще не упоминал ни о каких детях. Насколько я в курсе, он убежденный и бездетный холостяк.

Насколько он в курсе! Вы послушайте только! «Да ты вообще не в курсе! Ты даже не знаешь, кто этот мистер Олимпус на самом деле!» – хотела крикнуть я, но, конечно, не крикнула. А надулась и отошла в сторону.

Я осматривалась, а служащий зыркал в мою сторону из-за стойки. Сто процентов, готов вот-вот вызвать охрану.

Далеко напротив были лифты. Вот двери одного из них раздвинулись, оттуда вышла компания из четырех человек – два парня и две девушки. Они громко болтали – похоже, на испанском.

– Ты посмотри, Петер, – зашептала я малышу. – Какая красивая комнатка.

Лифт, и правда, был загляденье: зеркала, сияющие металлические поручни, золотые узоры на панелях.

– Класивая, – задумчиво пролепетал Петер.

– Вот бы нам с тобой туда попасть!

Хоть бы, хоть бы! Хоть бы он захотел, чтобы мы очутились в лифте. И хоть бы из ряда желаний это было то, которое исполнится. Ведь предыдущее, похоже, было – присвоить звонок со стойки, а раз оно не исполнилось, то...

Ну, скорей бы. Я стала пятиться за колонну, чтобы как можно меньше народу шокировалось нашим исчезновением. Не знаю уж, с каким спецэффектом оно произойдет: может, мы просто помелькаем и исчезнем, как это показывают в фантастических фильмах восьмидесятых, а может, хлопнется облачко белого дыма... Но тогда еще, чего доброго, все подумают, что произошел какой-нибудь теракт, а я – террористка-смертница! Ужас, ужас.

Похоже, служащий за стойкой давно начал думать обо мне что-то нехорошее: рука его потянулась к телефону, а глаза так и сверлили меня, пока я не скрылась от него за холодным мрамором. Ну все. Сейчас сбежится охрана и начнет по мне прицельную стрельбу. Мамочки! Кажется, Петер ничего желать не собирался, а потому лучше бежать из этого дикого места подобру-поздорову.

– Алисия! Как дела? – прогремел чей-то голос прямо мне в лицо. Я подпрыгнула на полметра.

На меня пялилась круглыми водяными глазами огромная дамочка. Я ее не знала. Кто это? Но потом она улыбнулась. Когда я увидела три ряда ее зубов и едва просвечивающую сквозь кожу знакомую виньетку на лбу, то с облегчением улыбнулась в ответ. Грыхоруу!

Понимаете, на их планете мужчины выглядят как наши женщины, а женщины – как наши мужчины. Ну во всем, даже э-э... в деталях. Вот только у себя они к тому же целиком состоят из фиолетового желе. А у нас принимают земной облик. (Тот, который им ближе по их представлению о полах, и к тому же чуть не каждый день новый. Ойой Грыхоруу предстает то губастой

блондинкой, которую увидит на рекламном щите, то старушкой в пластмассовых бигуди – в земном возрасте они совсем не разбираются. Как и в красоте, по-моему.) А для того, чтобы фильтровать наш, по их мнению, мерзкий воздух, они все время жуют какую-то особенную штуку. Вот и сейчас Грыыхоруу что-то жевал.

Я успела только произнести:

– Мистер Грыыхоруу! – как в мой локоть вцепился охранник в синей форме и сказал:

– Мисс, думаю, вам лучше покинуть гостиницу.

Ах, все вокруг только и указывают, что мне лучше сделать!

Я сказала совершенно спокойно:

– Отпустите меня. Я пришла к своим друзьям, и вы не имеете права меня выгонять!

Нет, все же от телевизора есть польза – хотя бы когда он показывает детективы и сериалы про адвокатов.

– Да, – сказал Грыыхоруу, – она пришла ко мне.

Охранник не нашелся что ответить. Потому что видели бы вы, как выглядел Грыыхоруу! Он был дама под два метра ростом и не меньше метра в окружности талии. И все это было облачено в шелка немыслимо роскошной расцветки и в, должно быть, чудовищно тяжелые золотые цепочки, серьги, перстни и браслеты.

Тут же подскочил служащий (поди, перепрыгнул через стойку, как козлик) и торопливо и почтительно залепетал:

– Извините ради бога. – Он оттеснил охранника. – Мы не знали, что это ваша гостя. Она, видите ли, сказала, – тут он бросил на меня злой взгляд, – что пришла к мистеру...

– Я просто перепутала фамилии, – выпалила я.

– Бывает, – любезно сказал служащий, а в мою сторону заметил совсем тихо: – Хотя я бы не сказал, что имена «мистер Олимпус» и «миссис Баттерфляй» можно перепутать.

И он удалился, схватив охранника за рукав и утянув его за собой.

Сколько же платит за номер Грыыхоруу и сколько дает на чай, если они проглотили такую ложь?

– Проводить тебя в лифт? – спросил Грыыхоруу, размахивая руками и гремя золотом. (Он рассказывал, что жестикулирование – особенность землян. Я понимаю. Если бы желе начало жестикулировать, то во все стороны полетели бы кисельные капли, и скоро от желе ничего бы не осталось. Вот он и старается как можно больше походить на землянина. Хотя похож скорее на ветряную мельницу. Но зачем мне его разочаровывать, сообщая об этом?)

И вот мы едем в лифте. В котором я намекала Петеру пожелать очутиться. И где мы очутились благодаря Грыыхоруу. Или это Петер так сделал, что обстоятельства так сложились?

Петер строил сам себе рожицы в зеркало. А Грыыхоруу, явно стремясь эти зеркала разбить вдребезги неожиданно и резко взлетающими и описывающими немыслимые дуги длинными руками, говорил:

– Я шел на курсы. Актерского мастерства. Я уже два месяца туда хожу – по понедельникам и средам. И мои жесты становятся все выразительнее.

Последнюю фразу он произнес не очень уверенно, как бы ожидая одобрения.

– Да, – сказала я. – Они в самом деле очень выразительные!

Грыыхоруу улыбнулся во всю пасть и потом стал ждать, что скажу о своих намерениях я. Если, конечно, захочу. Инопланетяне крайне деликатны и никогда не задают личных вопросов. Не то что некоторые соседи – агенты – бывшие учащиеся колледжей.

– А я иду к одному... – Не «человеку» же. Врать Грыыхоруу не могу. Говорю: – В пентхаус.

Грыыхоруу кивнул раз десять – да так, что его подбородок должен был отпечатать на груди синяки. Потом сказал:

– Тогда я могу оставить тебя? Не хочу опаздывать.

– Да. Спасибо за помощь. – Я протянула руку для пожатия и сразу пожалела об этом: он стал трясти ее так, будто хотел оторвать.

Наконец он отпустил меня, остановил лифт на каком-то этаже и, как резиновый, протиснулся между дверей прежде, чем они успели открыться, – туфли задержались в щели, пока двери не разъехались, и Грыхоруу сказал уже из коридора:

– Ходил бы босиком, но обожаю фирменные туфли.

– Понимаю, – сказала я.

Я их тоже обожаю. Но хожу в основном в кроссовках. Во-первых, удобно, особенно когда надо бегать и прыгать следом за детишками, а во-вторых... Хм, теперь уже нет «во-вторых», потому что завтра я возьму пачку денег из холодильника и пойду в самый дорогой бутик!

В роскошном широком коридоре верхнего этажа никого не было. Я подошла к номеру с золотой короной и золотой табличкой «королевский пентхаус» и громко и решительно постучала, в стиле «Я шериф и знаю, это ты ограбил поезд прошлым утром. И я намерен получить вознаграждение за твою голову и забрать золото, которое ты украл у добрых граждан и у банка».

Хотя я, совсем наоборот, собиралась вернуть ему... ох, почти двадцать тысяч долларов! Но, несмотря на мои столь прекрасные намерения, дверь никто не открыл.

Я оглянулась и, так как в коридоре никого не было, украдкой пнула в дверь ногой. Черт, так можно и краску с кроссовок сбить. Хотя я же все равно завтра собиралась обновить свой обувной парк. Я пнула еще, и посильнее.

Приложила ухо к двери. Тишина. Еще бы. Эти пентхаусы такие большие, как дворцы. И вряд ли от двери услышишь, как где-нибудь на другом конце апартаментов человек тихонько дышит и не хочет мне открывать.

Вот досада! Как же его оттуда выковырять? А, вспомнила. Я еще раз постучала, теперь уже вежливо, и сказала, как говорят в кино:

– Обслуживание номеров.

Но, боюсь, он не поверит, что горничная сначала проверяет дверь на прочность ногами.

Может, надо было просто сказать ему правду?

– Мистер Олимпус, это Алисия Кроуль, я привезла вашего сына.

В это время из лифта выходил мужчина средних лет, в лососевом галстуке. Он сказал:

– Напрасно стучите, мадам, мистер Олимпус ужинает на балконе в здешнем ресторане. Я только что оттуда.

– Спасибо, – сказала я обрадованно. Уж в ресторане-то он от меня никуда не спрячется. Разве что залезет под стол. – А где это?

– Двенадцатый этаж, – ответил мужчина, подходя. – Так это его сын? Простите, я слышал, что вы говорили в дверь.

– Да, – ответила я кратко и пошла к лифту.

Нажала кнопку. Петер уже не показывал зеркалу язык, а вертел в руках золотой с большим розовым камнем зажим для галстука.

– Петер! – сказала я. Ну как же объяснить этому несмышленишу, что все вещи кому-то принадлежат и нельзя забирать себе все, что ни попадется на глаза! К сожалению, нельзя.

Мы вышли из лифта и оказались прямо в ресторане. Пролагая самую краткую траекторию среди стаи столиков, я направилась к распахнутым дверям, ведущим на балкон.

Едва ступив на него, я увидела мистера Олимпуса. Он сидел чуть в отдалении, за столиком у самых перил, и что-то читал в ноутбуке. Одновременно он бормотал себе под нос, отчего гладкие каштановые усы его двигались вверх-вниз.

Петер тоже его увидел. Зажим исчез из его ладоней и вдруг из ниоткуда упал на клавиатуру компьютера мистера Олимпуса. Тот вздрогнул, поднял на нас глаза и нахмурился. Потом произвел какое-то неуловимое движение над салфеткой, как будто крошки смахнул. И пока я делала два шага в его сторону, он наклонился, достал из стоящего рядом портфеля какие-то сандалии и переобулся

в них – все это в одно мгновение.

Предчувствуя подвох, я бросилась к прохожему Гермесу со всех ног, но он уже встал прямо на стол, ноутбук зажал под мышкой – в другой руке болтались ботинки, схваченные за шнурки, – и в следующее мгновение легко оттолкнулся от тарелок и взлетел в воздух. На сандалиях его трепыхались белые крылышки.

Дама за ближайшим столиком пронесла на вилке кусок мимо рта и размазала им соус по щеке. Мужчина, сидевший напротив нее, а потому спиной к воспарившему Гермесу, округлил глаза только на ее неуклюжесть и бросился вытирать ей лицо салфеткой.

Когда я наконец оказалась у столика, Олимпус уже летел вдаль, красиво, застыв в позе «ласточка», как какая-нибудь гимнастка. Он удалялся и мельчал, вот уже его светлый силуэт стало едва видно в темноте. Я бросилась к ближайшему телескопу, прикрепленному к перилам (благо никто не отреагировал быстрее и не занял его). Силуэт облетел статую Свободы по кругу и исчез в вечернем тумане, стгустившемся над гаванью.

Я обернулась: половина посетителей стояли и с открытыми ртами смотрели в этот туман. А подошедший ко мне официант сказал как ни в чем не бывало:

– Он заплатил по счету?

Я посмотрела на стол: там лежало несколько сотенных купюр. А рядом – салфетка, на которой было что-то написано. Невозмутимый официант взял деньги, а я схватила салфетку. Ровные красивые строчки говорили: «Не ходите в темноту. Можете дожидаться рассвета в моем номере». Еще на столе лежал ключ от этого номера.

Ключ я тоже взяла. Сидеть в номере я не собиралась – но вдруг там обнаружится что-то важное или интересное? Запасная бутылка с амброзией, например. А поэтому стоит туда заглянуть. Если меня сразу же не выпрут, конечно.

Выходя из ресторана, я столкнулась с тем мужчиной в розовой рубашке. Он обращался ко всем с вопросом, не видели ли они где-нибудь зажим для галстука с бриллиантом.

На его месте я бы не кричала про бриллиант. А зажим-то, похоже, забрал Гермес.

Я снова прибыла на тридцать девятый этаж. Чувства мои были расстроены, потому что намерения Гермеса стали абсолютно ясны: скрываться от сына, не видеть его и уж точно не забирать у этой так удачно подвернувшейся наивной няньки. А что гласит контракт в этом случае? Ребенок навсегда остается у меня? Или помещается в какой-нибудь общий дом для особенных детишек? Вот не помню.

От двери номера Гермеса ко мне порхнул солидный дядька в костюме, он улыбался, похоже, искренне, но я насторожилась – вот сейчас и выпрут меня. Дядька сказал:

– Добрый вечер, мисс Кроуль. Мистер Олимпус позвонил и сообщил, что вынужден срочно уехать, но номер оплачен до завтра, и он попросил предоставить его вам. Белье уже меняют.

В этот момент из номера выкатилась тележка, ее толкала горничная.

– Спасибо, – проговорила я.

Вот это скорость. Нет, не у Гермеса – с ним-то все понятно: божественные силы. А вот у obsługi в этом отеле. Ну и ну. (Вероятно, Гермес позвонил управляющему в тот момент, когда кружил вокруг статуи Свободы.)

И я наконец вошла в апартаменты лучшего номера гостиницы. Здесь было три больших комнаты. Везде горел яркий свет. Красиво. Чисто. Абсолютно никаких следов чьего-либо предыдущего присутствия. Я усадила Петера на ковер, а сама пробежалась по номеру.

Чудесный вид на освещенный огнями паромов и набережной залив, широченная кровать, плоский телевизор размером с Техас, пальмы в кадучках у окон, глянцевая ванная, словно с картинки. И ни одной вещи Гермеса Олимпуса.

Что ж. Вернусь домой. Дождусь двух часов дня. Позвоню в агентство и сообщу, что отец не явился забрать ребенка, и послушаю, что они скажут. Могу почитать контракт на досуге – все равно мне сегодня не уснуть.

Куда я, кстати, контракт задевала? Не в него ли я завернула яблочный пирог, который испекла – сама! – по бабушкиному рецепту и понесла на день рождения Кэтрин? Ой-ой-ой!.. Да нет, можно не паниковать: слава богу, Кэт никогда ничего не читает, даже этикеток в магазине. Она любит все

определять на вид, ну, или на вкус.

«Этикетки пишут для того, чтобы заморочить нам голову, – говорит она. – Типа „здоровый и полезный завтрак: хлопья кукурузные с натуральным медом“! А у меня, может быть, от этих хлопьев желудок колет».

Не думаю, что Кэт знает, где именно находится желудок. Но организм этикеткой не обманешь, это верно.

В дверь постучали.

– Войдите, – крикнула я и пошла к двери.

Не вошел, а робко заглянул официант из кафе:

– Извините за беспокойство. Мистер Олимпус оставил на столе журнал, который читал. Я подумал, вдруг он ему нужен. Вы не могли бы передать его?

И он протянул мне «Эллэ». Мило. Гермес читает мой любимый журнал.

– Спасибо, – сказала я. – Обязательно передам, как только его увижу, – и для убедительности засунула журнал в свою сумку.

Он поколебался секунду, потом сказал:

– Эти... ускорители, на которых улетел мистер Олимпус...

Я замерла. Надо было покинуть гостиницу сразу, а не оставаться и ждать, пока с меня потребуют объяснений из ряда вон выходящему поведению Гермеса.

– Они – японские, видимо? – продолжал в это время официант.

Я сдвинула брови и нашла только одну фразу, которой можно ответить на подобную чушь:

– Без комментариев.

Хотела захлопнуть дверь, но побоялась отрубить ею голову робкому официанту, который так и стоял, нелепо вытянув шею из коридора в комнату. И опять говорил:

– Я объясню, объясню. – Он перешел на заговорщицкий шепот: – Сразу несколько моих клиентов выказали желание приобрести такие же. Вы знаете, где мистер Олимпус их приобрел? Естественно, вам за посредничество...

Да он просто шпион!

– Это эксклюзивная модель, – сказала я, чтобы побыстрее закончить этот щекотливый разговор. – Она единственная в мире. – Ну ладно, в этом я была не уверена, но зато была уверена, что Олимпус не собирается торговать ими направо и налево.

– Тогда не сообщите ли вы, кто ее разработал?

– Нет, – сказала я. И добавила: – Вы свободны.

Но он, видимо, нисколько не боялся потерять голову и поэтому не убирал ее:

– Вы не представляете, какие они готовы заплатить деньги!

Я вздохнула и процедила сквозь зубы:

– Если вы не уйдете сию же минуту, я позову управляющего.

Голова исчезла. Я закрыла дверь на замок. Под дверь вползла визитка официанта. Вот приставала.

А Петер стоял у журнального столика. Стоял! Он опирался ручками о столешницу и неуверенно озирался, будто раздумывая, куда двинуться. Я протянула к нему руки:

– Ну, шагай... Иди ко мне.

Он шагнул раз, другой, потом потерял равновесие, и я подхватила его на руки и закружила по комнате:

– Молодец, Петер! Умничка!

А он весело засмеялся.

Вдруг я заметила сквозь окно, что над балконом мелькнула большая тень. Потом раздался шум, будто кто-то плюхнулся прямо на перила. О, может, это Гермес прилетел!

Дверь на балкон была открыта, я выбежала туда. По всему балкону стояли квадратные кадки с деревьями, и у ближайшей из них я заметила какое-то движение.

– Мистер Олимпус! – тихо позвала я.

До дерева было футов шесть, он должен был меня услышать. Но он молчал.

– Олипус, – сказал Петер.

В противоположном углу балкона тоже зашуршало, затрещали ветки. Я всмотрелась и увидела еще одну черную тень, скрывавшуюся за кадкой. Не нравится мне что-то все это.

Я отступила назад, снова всматриваясь в ближайшее дерево. И тут, с протяжным глухим криком, огромная черная птица упала на нас прямо с неба. То есть она упала бы прямо на мою голову, не шагни я за мгновение до этого назад. Острые узловатые когти сжались, схватив пустоту, прямо передо мной, перед глазами промелькнуло длинное женское лицо с крюком-клювом вместо носа, и птица (да какая, ко всем святым, птица – чудище с крыльями!) снова взмыла в ночь.

Я, вся дрожа, кинулась обратно в комнату и задвинула стеклянную дверь – и в нее тотчас же ударились всем телом птица-монстр, вынырнувшая из-за той кадочки, что стояла близко. Боже, боже мой!

Петер заревел. Непослушными пальцами я повернула защелку. А если они разобьют стекло?!

– Тш-тш, – сказала я ему и сама не узнала свой голос: таким перепуганным он никогда не был!

Три черных грифа с женскими лицами уселись прямо перед дверью и щелкали клювами.

Не сводя с них глаз и одновременно пытаясь успокоить Петера, я пятилась к выходу из номера. Споткнулась обо что-то, но удержалась на ногах. А, это же сумка. Подняла ее и продолжила отступать. Какие эти пентхаусы огромные! Где же дверь?! Вот. Стукнулась о нее спиной, нащупала защелку замка. Грифы вытягивали шеи, недовольно постукивали клювами о стекло, словно пробуя, трудно ли будет разбить его. А одна птица переместилась влево, чтобы удобнее было глядеть на меня (стены, смотревшие на балкон, были сплошь стеклянными).

Я открыла дверь и выскочила в коридор. Захлопнула дверь и помчалась к лифту. Но когда подъехала кабина, я подумала: и куда мне? Выйду на улицу, а там эти летающие монстры! Я так и стояла столбом у лифта, когда вдруг запел мой мобильник.

На экране высветилось «Сосед-зануда». Я нажала кнопку и не успела завопить: «Томас! Помоги!» как он завопил сам:

– Где тебя носит, черт побери!

Я ошалела от его грубого тона и поэтому рявкнула:

– Не ори на меня!

Он на секунду замолк, и я жалобно сказала:

– Спаси нас, Томас. На нас напали какие-то ужасные птицы...

– Напали? – его голос был крайне напряжен. – Петер уцелел?

– Что значит – уцелел? Он у меня на руках, – сказала я. – Но они сели на балкон и...

– Их несколько? – он будто поперхнулся.

– Я видела трех...

– Ты в помещении?

– Да.

– Не подходи к окнам. Говори адрес.

– Гостиница «Ритц», ну, которая возле Бруклинского моста...

– Понял. Лучше выйди в коридор.

– Я уже.

– Молодец. В холл не спускайся, он стеклянный со всех сторон...

– Ты думаешь, они могут... атаковать гостиницу?

Тут рядом раздался громовой вопрос:

– Кто собирается атаковать гостиницу?

На меня полным паники взглядом смотрел мужчина в розовом галстуке.

– Никто... Папарацци, вот кто!

– А кто приехал? – тут же успокоился мужчина.

– Пэрис Хилтон.

– Но зачем ей тут останавливаться, когда у нее есть собственная гостиница?

– Да?

– Да.

– Ну откуда мне знать?!

– Простите, – вежливо сказал он и спросил: – Вы не видели зажим от галстука, с большим розовым бриллиантом? Где-нибудь тут, на полу... – он пошарил глазами по ковровой дорожке.

– Нет. На полу не видела.

И почему я всегда правду говорю? Он тут же насторожился:

– А где видели?

– На вас! – ответила я.

Не думаю, что это его единственный зажим для галстука, а потому и не испытываю никаких угрызений.

– На себе я его тоже видел, – сник он. – Только час назад.

Вздохнул и побрел по коридору зигзагами, высматривая потерю.

А Томас в это время сказал в трубку:

– Я уже выехал. Буду через пять минут. Ты же на верхнем этаже?

– Да.

– Спускайся на первый.

– Но ты же сказал, что холл стеклянный.

– Не выходи из лифта, если меня еще не будет, а езжай снова наверх. А потом обратно. Поняла?

Ну чего тут непонятного? Сказал бы: «Покатайся в лифте, пока меня нет».

Мы спустились в лифте вместе с любителем лососевого цвета, который решил разузнать, где остановилась Пэрис. Когда лифт съехал на первый этаж и я не увидела в холле Томаса, я сказала, едва мужчина вышел:

– Ой, забыла в номере помаду.

И снова нажала кнопку, не успев ответить на его вопрос: «Сообщить вам потом, где она остановилась?»

Четыре раза я прокатилась туда-сюда, собирая по пути кучу народа и, как только лифт оказывался в холле, притворно ойкая и сообщая попутчикам, что забыла в номере «мобильник», «кошелек», «сережки» и даже «гантели» (ну, случайно вырвалось).

На четвертый раз я заметила, что на меня косится тот баран за стойкой, и собиралась сказать ему, что нельзя казнить человека за плохую память. Нет такого правила ни в одной гостинице!

На пятый раз я сообщила двум пожилым дамам, что забыла в номере «пистолет», и дамы округлили глаза так, что они по размеру стали соответствовать очкам, одинаково поблескивавшим на их носках. Собираясь снова нажать на кнопку с буквами «РН», я увидела поверх седых буклей, как в холл вбегают Томас.

Едва я подошла к нему, он встал так, чтобы меня с Петером не было видно с улицы, и торопливо сказал:

– Мы не сможем уйти отсюда до рассвета. Над гостиницей кружит целая стая. Две или три сидят на деревьях прямо у входа.

– Но здесь же сплошные окна. Давай уедем...

– Если мы выйдем, они разорвут нас в клочья, только чтобы добраться до Петера. Тут и армия штата не спасла бы.

Его брови, ровные, как полосы, выражали такую решимость, что он и вправду стал похож на какого-нибудь суперагента. Вот бы его к тому же звали не так прозаично. Не Томас, а Джеймс. И не Дабкин, а Бонд.

– Где Петера увидели гарпии? – спросил он, снова ведя меня к лифту.

Ну, знаете, я не страдаю клаустрофобией, но если Томас-Джеймс скажет, что мне придется кататься в лифте до самого рассвета, я пошлю этого 007 куда подальше.

– В пентхаусе, – ответила я, выдергивая свою руку.

– Что ты? – нахмурился он.

– Мне надоело кататься в лифте!

Он усмехнулся, толкнул меня за одну из колонн:

– Стой и не шевелись. Я сейчас.

Томас пошел к стойке, обернулся, и мне пришлось снова спрятаться. Было слышно, как он говорит с администратором, но слов отсюда было не разобрать. Может, он притворяется ФБРовцем и приказывает немедленно заложить все окна кирпичом. И вообще, грозит позакрывать все стеклянные гостиницы в городе.

Томас вернулся через минуту, показал ключ:

– Номер. На одиннадцатом этаже. Если ты желаешь подниматься по лестнице... – Он улыбнулся.

Хм. Ладно, на этот раз прощу его насмешливость.

Он взял мою сумку, и мы зашли в кабину.

Номер оказался скромным, но вполне просторным. И смотрел не на гавань, а на город. Томас вошел первым, задернул все шторы и только потом включил свет и пригласил меня с Петером.

– Вроде бы никого не видно, – сообщил он. – Правда, в темноте их трудно разглядеть.

В номере было две небольших комнатки: гостиная с телевизором и диваном и спальня с двумя кроватями.

Томас принес из ресторана кучу еды, причем основная ее часть предназначалась для Петера: например, корзина фруктов и гора булочек на блюде. Мы поели, я уложила Петера спать на кровать в спальне (с одного бока я положила как барьер подушки, а к другому поставила два стула из гостиной, чтобы Петер не свалился на пол), мы оставили дверь открытой и уселись на диване для разговора.

– Так Гермеса Олимпуса вы здесь не застали? – спросил Томас. – И, кстати, я так и не понял, зачем он тебе сегодня понадобился, если должен заехать за сыном лишь завтра? Если из-за отсутствия амброзии, так Петер спокойно ест и обычную еду.

– Да знаю я, – отмахнулась я. – Но я же тебе рассказала про автоответчик!

– Что Гермес поздравил тебя с Новым годом?

– Это не главное! И, между прочим, Гермеса Олимпуса мы очень даже застали. Но когда он увидел меня и Петера – взял и улетел!

Брови-полоски удивленно поползли вверх. И тогда я рассказала обо всем: и о негодяйской записи на автоответчике, и о внезапно подростом Мосике, и о сбежавшей неизвестно куда со всей семьей вампирше Селии Барментано.

Временами Томас Дабкин округлял рот, а временами хмурил брови, но слушал очень внимательно. Я рассказала все, вздохнула и сложила крест-накрест руки на груди. И пока он ничего не ответил, спросила:

– А кто такие гарпии и зачем им Петер? – Слово «гарпии» вроде бы звучит вполне безобидно, не то что «маньяк с топором», но я поежилась, произнося его.

– Обитательницы самых глубоких пещер. Как говорится, древние, как мир. Но такие древние они потому, что им удается время от времени поймать...

Я ужаснулась:

– Ты хочешь сказать, дети-полубоги им нужны, чтобы...

Он кивнул:

– Съесть их. И дети-боги в основном. Потому что полубоги встречаются реже. Все эти дети питаются амброзией. Так гарпии получают свою долю бессмертия.

– Почему никто не сказал мне, что это так опасно! Я бы и носа из дома не высунула!

– Вообще-то, считается, что если в инструкции, которую тебе оставляет родитель, что-то запрещено, то этого достаточно. И дополнительные увещевания и призывы к ответственности являются излишними. Ты же подписала контракт – помнишь, что там по этому поводу написано?

– Да. То есть сейчас уже подзабылось как-то.

– Ты же недавно работаешь? – недоверчиво спросил Томас.

– Второй месяц.

Эти контракты с работодателями или с телефонной компанией, например, всегда такие длинные, на несколько страниц, и написаны мелким шрифтом, и пункты в них всю дорогу какие-то дурацкие, вроде: «Компания обязуется предоставлять Клиенту услуги связи...», как будто я и так не знаю, зачем в мою квартиру проведен телефон! Короче, вы поняли: такие бумажки я обычно не читаю. Ну, разве что, бывает, развеселит фамилия лица, чья подпись там стоит. Однажды я увидела спокойно так себе напечатанное и расписанное «Чингачгук», не смогла удержаться от дикого хохота, и пришлось потом объяснять, что так мой организм реагирует на острый перец в хот-доге, который я купила у входа в банк.

– А ты знаешь, что там пишут? – спросила я Томаса.

– Я помогал их составлять. Я учился на юридическом в Принстоне.

– Да? – тут уже мои брови потянулись вверх. – Учился? Значит, бросил такой колледж?

– Да, – ответил он. – Год назад меня завербовала Корпорация. Принстон – их университет. Они уже две сотни лет отбирают себе там сотрудников. Из лучших.

Все же он зазнайка немного. Хотя я бы тоже на его месте зазнавалась.

– А твоя мама знает?

– Нет пока, – нахмурился он.

Видимо, его это удручало. А кого нет? Я вот тоже от своих все скрываю. Они думают, я подрабатываю няней: обычной, разумеется, – зарабатываю деньги, чтобы пробиться на Бродвей, и беру уроки танцев и пения. (За этим мы и рванули с Кэтрин в Нью-Йорк полгода назад.) На семейных вечеринках нам приходилось исполнять номер из «Кошек». Мы завывали «Мэкавети, Мэкавети» от всей души – так, что мои верили, а соседи пугались, что поблизости завелись дичайшие койоты.

Так что там Томас хотел сказать о контрактах?

– И что говорится о нарушении родительских инструкций? – спросила я.

- Неважно, - пробубнил он и встал, как будто чтобы размять ноги.

- Нет, важно.

- Да нет. Зря я поднял эту тему. Это не имеет значения.

- Эй, - я тоже встала. - Чего ты там темнишь?

Он обернулся, руки в карманах.

- В некоторых случаях... увольнение.

- Ничего себе! Как жестко! И ты это сост...

- А в некоторых - смертная казнь, - договорил он.

Я так и села. Меня могут казнить? Ну, там уж, наверное, я должна такое натворить! Так что ко мне это никакого отношения никогда иметь не будет. Спросила спокойно:

- А за что смертная казнь?

- В том числе за то, что ребенка унесут гарпии. Извини, я не хотел тебя пугать. - Он присел рядом и взял меня за руку. - Я ведь думал, ты и так знаешь, ты же подписала контракт. И ты так переживала, когда появились эти твари...

- Я испугалась за Петера!

Он погладил меня по руке:

- Извини.

- Да ладно уж.

Его ладонь была большая и теплая, и когда он задержал мою руку в своей, стало так спокойно и все страхи на свете исчезли. Вот странно.

- Ты передашь в агентство, чтобы они разыскивали Селию? - спросила я.

- Да, - ответил он.

Его ладонь ушла - он потер подбородок в задумчивости. Я вздохнула.

- С Селией Барментано и амброзией не все понятно, - произнес Томас, - зачем бы она оставляла бутылку, если забрала всю амброзию целиком? Зачем тратить время, переливать напиток в другую тару, когда в любой момент тебя могут застукать?.. У тебя никакая посуда не пропала?

Понимаете, я не стала рассказывать про сверток с деньгами. В событиях, о которых я сообщила Томасу, они не играли никакой роли. Да и вообще, говорить в приличном обществе о деньгах не принято, правда?

- У меня была одна кастрюля.

- Да? - оживился Томас.

- Она стояла в шкафу. Большая такая, с крышкой.

- Ну вот! - сказал Томас.

- Что - вот?

- Селия - если предположить, что это была она, - плеснула туда немного амброзии.

- Немного? Да в эту кастрюлю я войду! Если бы она взяла немного, выбрала бы тару помельче - у меня там набор пивных кружек стоял, с удобными захлопывающимися крышками!

- Ты так любишь пиво? - поднял он одну бровь.

- Да не очень-то. Это подруга подарила на день рождения.

Кэт всегда дарит подарки не раздумывая особо. Зато никогда не знаешь, чего ждать. На мое восемнадцатилетие она приперла непонятной формы лук со стрелами, сказала, что он называется арбамет или араблет (не помню уж точно) и что когда она его увидела, то сразу поняла: это именно то, что меня обрадует. Я и правда тогда обрадовалась - тому, что на этот раз это, слава богу, не

громадный расписной керамический горшок (который я передарила тете Маргарет, а она вкопала его в сад и посадила туда большой цветущий куст).

– Амброзию невозможно отлить в кружку, – сказал Томас. – Она как шампанское, которое хорошенько потрясли. Она разбрызгается на три фута вокруг... – Потом задумчиво добавил: – Значит, кроссовки ей понадобились для подросткового сына.

– Для Мосика? И швейцар их сказал, лет семи... Значит, она дала ему выпить ого-го сколько, если он так вырос!

– Амброзия действует по-разному – в зависимости от природы существа. Вампиру достаточно глотка, чтобы повзрослеть на несколько лет. Полубогу нужно пить ее несколько дней. А богу – и того дольше.

– Да? Ну... Если Селия взяла чуть-чуть, куда же делось все остальное? – спросила я.

– Не знаю, – Томас пожал плечами. А потом вдруг спросил с улыбкой: – А ты что, всегда проверяешь, на месте ли кастрюли, когда приходишь домой?

– Да, – сказала я, немного смутившись.

Томас раскрыл мобильник и нажал кнопку:

– Агент Томас Дабкин. Выдайте общий запрос о местонахождении супругов Барментано и их сына Микеланджело, по-семейному – Мосика. Так? – обратился он ко мне.

Я закивала. А он продолжил говорить в трубку:

– Да. Попросить не уезжать и дожидаться меня для беседы. Имеется информация, что Селия Барментано незаконно присвоила некоторое количество амброзии. Да, в Нью-Йорке.

Он положил телефон в карман пиджака, который лежал рядом на спинке дивана.

– Ты забыл объявить в розыск Гермеса Олимпуса, – сказала я и важно скрестила руки. А вы бы что чувствовали, подсказывая, что делать агенту 007?

– Официально он не пропал.

– А как же автоот...

– Запись на автоответчике могла быть шуткой.

– Но... – взвилась я.

– Нет, я-то понимаю, что он был абсолютно серьезен, – Томас поднял руки вверх, словно защищаясь. – Но. Официально до завтрашних, то есть уже сегодняшних, двух часов дня Гермес Олимпус имеет право быть где угодно. И никого, в том числе и тебя, это не касается.

– Значит, мы будем сидеть и ждать двух часов, а он в это время улетит... – я взмахнула рукой, – черт-те куда.

– Он и так уже черт-те где, – сказал Томас. – Не переживай ты. Не прижучим Гермеса, так у Петера еще и мать должна быть.

– А то я считала, что они размножаются делением, как амебы, – саркастично хмыкнула я.

Ну, вообще-то, до того, как Гермес мне сообщил, что у Петера один из родителей бог (что подразумевало наличие и другого родителя), у меня были сомнения, откуда берутся дети у богов. Ну, знаете, есть же всякие легенды – кто из глины кого-то лепил, кто еще как вытворял. Опять же Троица всегда меня запутывала – кто кому кто там есть? Если трое как бы едины... То похоже на деление, да?

– А кто, кстати, его мать? – спросила я.

– Гермес не сообщил эту информацию в агентство.

– Может, что-то тут нечисто? Может, он украл Петера у матери? – осенило меня.

– Зачем? – спросил Томас. – Петер и так принадлежит ему, в смысле, на равных правах с матерью.

– А вдруг его лишили родительских прав в... в... судебном порядке?

– Боги могут проиграть суд только таким же, как они, то есть – богам. У других нет никаких

шансов, – сообщил Томас и спросил: – Вроде в учебнике это было?

– В каком учебнике?

– Начальный курс для нянь.

– А-а, ну да...

Я отнеслась к новой работе очень ответственно и засела за чтение талмуда, который мне вручили в агентстве, в первый же вечер. Вступительная статья была о том, как нужен этот учебник каждой няне особенных детей. В этом авторам удалось меня убедить. А также в том, что учебники пишут зануды. Я просмотрела некоторые картинки (больше всего хотелось узнать, как выглядят инопланетяне – ну и насмешили они меня!), после этого талмуд был похоронен в шкафу под грудой одежды. А я решила облегчить жизнь последующим поколениям нянь, а также родителям особенных детей и написать для них «Руководство». Там будет только важное и ничего лишнего. Думаю, двух страниц хватит.

– Тем более это Гермес Олимпус, – продолжал Томас, – он и богам не проиграет, он известен своей хитростью. Читала мифы Древней Греции?

– А, мифы, – неопределенно сказала я и решила уйти от опасных тем: – А если выяснить, кто мать Петера, не удастся?

– Удастся.

– А если нет?

– Тогда Петера воспитает Корпорация. В любом случае тебе не придется взваливать заботу о нем на себя, – миролюбиво сказал Томас и снова взял меня за руку.

Но я выдернула ее:

– А я о себе и не беспокоюсь!

– Тш-ш, – сказал Томас и кивнул в сторону открытой двери спальни.

Я договорила уже тихо:

– Я переживаю за малыша – как он будет без родителей?

– Если так и получится – в чем я очень сомневаюсь, – Корпорация его не оставит, не бойся. Он будет расти в довольстве и роскоши. А потом останется работать в Корпорации.

– И будет там вкалывать всю жизнь?

– Нет, всего пятьдесят лет. Но большинство из них бессмертны, так что...

– А если кто-то не захочет остаться?

– Не имеют права отказаться. Контракт.

– Тоже ты составлял?

– Не подозревай меня во всех злодеяниях мира. Это очень старый закон. Ему лет пятьсот. И потом, любой бы душу продал за работу в Корпорации. Если бы знал о ее существовании.

– Возможно.

Томас сказал:

– Я сделаю все, чтобы найти Гермеса или его жену, обещаю.

– Хорошо, – я посмотрела в его глаза. А они у него такие... Синие!

Я быстро отвела взгляд. Томас и не заметил моего смущения, он зевнул и потянулся.

– Извини. Я так устал. Ты, наверное, тоже.

– Да, – сказала я, вставая. – Прилягу в спальне.

– А диван мой, – сказал он и хлопнул ладонью по сидушке. – Довольно мягкий.

– Спокойной ночи, – сказала я и зашла в спальню.

Петер тихонько посапывал, уткнувшись в подушку. Я поправила у него одеяло, улыбась и устроилась спать на второй кровати.

Глава 4

Проснулась я аж в девять часов (набегалась вчера предостаточно) – было совсем светло, Петер еще спал.

Никаких страшных птиц ночью не было слышно. Только раз я проснулась от глухого собачьего лая и сначала подумала, что это та собачка, которую я видела на руках у седовласой дамы. Но лай был низкий и хриплый, и собак явно было много. И что показалось мне самым странным – были они где-то за окнами. Помню, перед тем, как я снова провалилась в сон, в голове пронеслась бредовая фраза: «Стаю собак называют стаей, потому что они, как стая гусей, летают...» И чего только во сне не придумает. Смехота. Наверное, городские дворняги пробегали мимо гостиницы.

Позевывая, я вышла в гостиную. Томас, совершенно свежий, выбритый и при галстукe – будто встал давным-давно, – сидел в кресле у журнального столика, просматривал газету и пил кофе. Он поднял голову:

– Как спалось?

– Прекрасно, – я улыбнулась.

– Присоединяйся, – он указал рукой на столик – там были чашки, кофейник, бутерброды, джем.

Я беспокойно взглянула на окна – шторы раздвинуты, и светит тусклое октябрьское солнце. Он понимающе сказал:

– Гарпии не показываются днем. При солнечном свете они слепы, как кроты.

– И когда пасмурно?

– Да...

Я села на другое кресло.

– Что пишут? – я кивнула на газеты, типа я светская девушка и завожу по утрам светские разговоры вместо того, чтобы, ворвавшись в комнату, завращать глазами и закричать: «Поехали скорее в погоню за Гермесом или за его женой!»

– Сегодня ничего интересного, – ответил он спокойно и, сложив газету, бросил ее на стол. – Позавтракаешь, и я отвезу вас к тебе домой. – И, предупреждая мои вопросы, договорил: – ...А сам отправлюсь разыскивать Гермеса.

– Но если он «черт-те где», то как ты его найдешь?

– Есть место, где всегда знают, где он.

– И что это за место?

– Его работа.

– Он... – В памяти всплывало что-то, вроде бы какая-то незначительная смешная работенка, которую Гермес Олимпус назвал мне через дверь при нашем знакомстве. Ах, да! – Он сказал, что он посыльный. Обманул, наверное.

– Ты же знаешь, родители не имеют права врать при заключении договора с няней.

– Ну да, – сказала я неуверенно, потому что не помнила, кто на что там имеет право и когда.

– Он посыльный. У Зевса.

– Да? – Еще один бог майя? – А ты знаешь, где живут южноамериканские боги?

– Почему южноамериканские? – уставился он на меня.

О, черт, кажется, я ошибалась. Ну и ладно. Я что, обязана знать всех богов всех народов? Я не этот, как его... фиолог, телолог... ну, неважно.

– А что, нет?

– Греческие, – улыбнулся он.

Вот уж тем более! Где Греция и где мы! А где, кстати, эта Греция? Да нет, знаю я, что в Европе, за кого вы меня принимаете! Или ближе к Азии? А может, в самой Азии? Или на островах... Мои

лихорадочные вскапывания знаний по географии прервал голос Томаса:

– Это на юге Европы.

– Я знаю, – обиженно сказала я.

– Извини. Мне показалось...

– Значит, они живут в Греции?

– На горе Олимп. Только жить они могут по всему свету, а на горе Олимп работают.

Прикольно. Жить, к примеру, в Америке, а на работу к восьми утра являться в Грецию. Или вообще в Австралию! Я спросила важно:

– Ты полетишь в Грецию?

– Нет. Я постараюсь связаться с боссом Гермеса отсюда. По специальному каналу. Из центра.

– А-а.

Я пожевала хлеб со сливочным маслом. И вспомнила:

– Но если родители не имеют права врать, тогда почему Гермес сказал, что придет за Петером сегодня в два часа?

– Так и сказал? – прищурился Томас. – Дословно?

– Дословно я не помню. Хотя... – Что же он тогда сказал? – Вроде бы... э-э... Он спросил, может ли он оставить Петера на сутки. Да.

– Значит, он не врал. – Одна бровь-полоска поднялась. – Он просто не договорил. Например, на сутки... и еще двадцать лет.

Я возмущенно покачала головой:

– Вот обманщик!

– Да.

Допив горячий кофе, я отряхнула крошки с ладоней, заметила со вчерашнего дня оставшийся лежать на столе «Элль» и взяла его, чтобы сунуть в сумку и дома полистать на досуге. Из журнала выпало что-то, стукнулось об пол – да так, что во все стороны полетели разноцветные искры, – и укатилось под кресло, где сидел Томас. Я запищала от испуга, Томас соскочил с кресла, сказал:

– Не бойся.

Пошарил под креслом рукой, отодвинул его немного в сторону и вытащил из-под него маркер.

– Всего лишь маркер? – с сомнением спросила я, но ближе чем на два фута не приблизилась. (И ничего я не трусиха, но и маркеры ведь не должны плеваться огнями!)

– Точнее, небесный маркер. Я только читал о них. – Томас рассматривал находку с любопытством. Открыл колпачок и провел несколько линий... в воздухе. За маркером, словно след от самолета, повисли огненно-оранжевые полоски. Томас прикоснулся к ним пальцем – они подернулись рябью, подул на них – они превратились в дуги, но не рассеялись и не исчезли. А так и висели посреди комнаты.

– Ух ты, – сказала я. – А мне можно?

Томас протянул мне маркер:

– Сбоку кнопки – выбирай цвет.

Я нажала на зеленую, нарисовала в воздухе улыбающуюся рожицу и сама рассмеялась.

– Но зачем он нужен?

– Развлечение богов. Дорисовывать закаты, например...

То-то мне иногда казалось, что облака ну никак не могут сами по себе получиться такой забавной формы. Типа верблюда с вопросительным кошачьим хвостом.

- Не знал, что и у богов его класса они могут быть... - пробормотал себе под нос Томас. - Посылка, наверное.

- Какого класса?

- Гермес Олимпус - бог второго круга.

- Да?

- Угу. Бог - служитель богов.

- О, - сказала я. - А он может дослужиться до первого?

- Нет, - Томас засмеялся. - Боги не меняют своих... э-э... сущностей. Никогда. Хотя если случится большая заваруха. Революция, бунт...

- Все как у людей.

- Вернее, у людей все как у богов.

- Да какая разница.

- Боги были первыми... - удивился Томас моему безразличию. - Надо убрать следы.

Он вынул из кармана зажигалку, щелкнул ею и поводил огоньком по едва колыхавшимся в воздухе линиям. Огонек стирал их как ластик.

- Это журнал... Гермеса? - спросил Томас.

- А что?

Ну вот, сейчас заберет его как улику.

- Не знаю. - Томас взял журнал, стал его листать. - Мужчины обычно не читают такие журналы.

- Ну, может, боги читают.

- Ну да, - хмыкнул Томас. - Смотри-ка...

Он раскрыл страницу с портретом Вивиан Джеемисон. Обожаю эту актрису. Никто лучше нее не играет в романтических комедиях. Но Гермес явно терпеть ее не мог: на фото небесным маркером были пририсованы фиолетовые усы и борода, а в волосах торчали кривые рожки. Они переливались и горели огнем. Томас перевернул страницу, там была статья и около нее фотографии помельче. Их Гермес тоже не пощадил: тут был копыеносный хвост, там толстый зад, а одну, самую мелкую фигурку, неугомонный художник вообще повесил за шею на тут же сотворенную им ветку дерева.

- А Олимпус-то с фантазией, - сказал Томас.

- Да-а.

Больше ничего интересного в журнале не обнаружилось, и Томас отдал его мне с глупой наставнической фразой: «Никому не показывай».

- У него к ней определенно какие-то чувства, - сказал Томас.

- Да, она точно не его любимая актриса, - сказала я.

- Угу.

Меня осенило:

- Она знаешь, наверное, кто?! Его... нелюбимая жена. То есть когда-то любимая!

- Это вряд ли, - отмахнулся Томас.

Да, предположение выглядело неправдоподобно. Но я всегда думала: неужели есть простые смертные, которые женятся или выходят замуж за всех этих красавцев и красавиц? А теперь понятно: они выбирают себе в пары богов там всяких.

Томас сказал:

- А маркер я передам в Корпорацию.

– Зачем? – Я не спешила вытаскивать его из кармана – забавная все же штука. Можно детишек отвлекать от всяких глупостей.

– Затем, что он принадлежит не нам. А кому – можно выяснить.

– Знаешь, как говорят: что с воза упало, то пропало, – сказала я. Надоело мне во всем слушаться этого праведника и всезнайку.

Я думала, он начнет меня стыдить или угрожать не очень хорошими вещами типа казни, но он только сказал:

– Как хочешь.

На кровати, где заснеженными Андами громоздились подушки, Петера не было. Почему-то меня это уже не удивило.

Потолок – пусто. Под кроватями – никого. В ванной комнате и внутри самой ванны – ноль.

На подоконнике за шторами! Нет.

Я начала тихо нервничать. Вышла в гостиную.

– Томас, ты не видел Петера? – а сама быстро окинула взглядом и эту комнату.

– Нет, – он обеспокоенно вскочил.

Может, за телевизором? Я ринулась туда – пусто.

– Когда ты вышла завтракать, он оставался в спальне? – полуутвердительно сказал Томас.

– Ну да.

– Тогда зачем ты его ищешь тут?

– Потому что там его нет! – я почувствовала, что из моих глаз вот-вот брызнут слезы.

Томас ушел в спальню. Я за ним. Мы снова осмотрели каждый сантиметр спальни. Окна оставались зашторены и закрыты – с вечера.

– Наверное, он все же вышел из спальни в гостиную, – сказала я.

– Я бы не пропустил, если бы эта дверь открылась.

– А... А может, он просто пожелал очутиться где-нибудь, вот и все...

– Боги не могут просто желанием перемещать самих себя, только вещи... Твой? – Томас поднял с пола у окна полосатый шоколадно-синий шелковый шарф. – Ты вчера вроде была без шарфа?

– Не мой. Может, предыдущий жилец забыл.

– Нет, вечером шарфа здесь не было, – твердо сказал Томас. – Я осмотрел весь номер, прежде чем вы с Петером зашли.

Дрожащим голосом я сказала:

– Это же не гарпии?

– Конечно нет.

Томас сунул шарф в карман, присмотрелся к окну:

– Точно.

– Что? – Я подскочила к нему.

Он показал на поднятую вбок ручку:

– Окно всего лишь прикрыто.

Томас открыл створку, и мы выглянули наружу. Перед нами раскинулся Нью-Йорк. В утреннем светло-сером небе никого вроде гарпий или человека в сандалиях не было. Тихо жужжа, летел вертолет, перламутрово-синий, с золотой полосой вдоль корпуса, – он удалялся от гостиницы.

– Похитители могли быть на вертолете? – проговорила я.

– Могли. На крыше есть вертолетная площадка.

– Может, это они? – я показала в сторону уже скрывшегося за зданиями вертолета.

Томас не ответил, он размышлял о своем:

– Задвижку можно открыть только изнутри, а вчера она была заперта.

– И я ее не открывала.

– Естественно. Ее открыл похититель, но как он это сделал снаружи? – он осматривал раму.

– Что?

– Ничего. М-да.

Томас высунулся в раскрытое окно и, развернувшись, поглядел куда-то вверх:

– Ну надо же!

– Что? – обеспокоилась я.

– Веревоочная лестница, – сказал он, – которая заканчивается этажа на два выше нашего.

– И что это значит?

Он не ответил, вернулся внутрь комнаты, раскрыл телефон, щелкнул парой кнопок и быстро-быстро стал докладывать:

– Томас Дабкин. – Он вскинул руку с часами. – Между девятью и девятью тридцатью из спальни номера 1108 отеля «Ритц-Кристалл» был похищен полубог не более полугода отроду, около года по выращенности, Петер Гермес Олимпус. Обстоятельства: одно окно оказалось...

Он продолжал говорить и говорить и делать паузы, когда ему что-то отвечали, но я уже ничего не слышала, я просто сползла на пол и зарыдала. Бедный маленький Петер! Где же он теперь?! С кем?! Ах-хы-ы-ы...

Томас, докладывая в трубку, присел на корточки, обнял меня за плечи. Я уткнулась ему в плечо и вымочила слезами пиджак. Томас закрыл телефон, усадил меня на кровать, вытащил белый платок и вытер мне щеки.

– С ним не случится ничего страшного. Вот увидишь... Я – на вертолетную площадку. Вдруг там остались еще следы.

– Томас, – я схватила его за рукав, едва он встал. – А вдруг это его мать? Вдруг она его похитила? Если Гермес выигрывает все суды, то, может, это ее лишили прав на Петера? А она богатая и не может смириться...

– Ты о Вивиан Джеемисон?

– И на фотографии она какая-то грустная...

– Да, может, она вообще ни при чем! А Гермес просто ребячился! И потом, она публичный человек, всегда на виду. Будь у нее сын, это было бы известно. Да и беременность ее была бы засвечена во всех журналах!

– Но...

– Это маловероятно. – Томас снова достал мобильный, выбрал какого-то абонента: – Боб. Привет. Выясни, кто жена Гермеса Олимпуса.

Я дернула Томаса за рукав. Он договорил:

– Боб, ты можешь проверить, сталкивались ли когда-либо Гермес Олимпус и Вивиан Джеемисон? Да, она самая. Да. Хорошо. – Томас вышел, крикнул из гостиной: – Не уходи пока.

А я вспомнила, что Вивиан часто носит летние шарфы!

А еще Петер на нее похож: у него ее глаза – карие, большие и всегда будто слегка удивленные.

А еще. Что-то она исчезла из светских хроник в этом году, и я не слышала, что она снимается хоть в какой-нибудь картине! Где, спрашивается, она пропадала?

А еще!!! Петер заплакал, увидев Джемисон в рекламе! Не крем ему был нужен, а она!

Я собралась вывалить все эти доказательства на Томаса, когда он вернется. А пока можно пойти умыться.

Томас вернулся и сообщил, что на вертолетной площадке не обнаружил ничего интересного. Зато Боб раздобыл ему сведения (из диспетчерского компьютера!), кто за последний час улетел с площадки отеля. Один арабский шейх полетел по магазинам и один известный режиссер – а конкретно сам Ричард Швайгер! – приземлился, спустился в гостиницу, сразу вернулся, сказал, что ошибся адресом (он сам был за штурвалом или как там называется руль у вертолета), и тут же улетел. Куда – неизвестно.

Все мои доказательства насчет Вивиан Томас отменил не вполне убедительными контрдоказательствами, типа «Сотни тысяч женщин и даже мужчин на планете Земля любят полосатые шарфы», «У не менее многих карие глаза», «А в журналах она не появлялась потому, что просто ее рейтинг упал. И вообще, ты что, все без исключения журналы читаешь?» И «дети разве не плачут часто – по поводу и без?»

– Ну а у тебя-то есть какие-нибудь мысли? – надулась я в ответ на все это.

– Думаю, шарф обронил похититель, – сказал он.

Тоже мне новость!

– Шпингалет открыл снаружи непонятно каким образом, – продолжал Томас. – И зачем-то повесил лестницу, которой было невозможно воспользоваться, чтобы проникнуть сюда.

– Все «непонятно» и «невозможно», – сказала я язвительно.

– Именно так, – ответил он спокойно.

– А знаешь, – вдруг вспомнила я, – тут же Грыхоруу живет, он мог что-то видеть! Хотя ты его не знаешь...

– Знаю, – сказал Томас. – И я уже узнал, что он не живет здесь, просто останавливался на несколько часов вчера, чтобы порепетировать перед актерскими курсами. А после них уехал на работу.

Потом Томас сделал звонок и всегда-на-службе Боб выяснил, что шейх только что расплатился карточкой в «Тиффани», а режиссер неизвестно где, но едва объявится, Боб даст знать.

– Это не шейх, – сказал Томас, сложив телефон. – Никто не станет похищать полубога и отправляться разгуливать по ювелирным.

– Конечно, не шейх! – вскричала я. – Знаешь, у кого в знакомых ходят знаменитые режиссеры?

– Неужели у актрис? – без энтузиазма отозвался Томас.

Конечно, чего ему радоваться, когда такая блестящая идея пришла в голову вовсе не ему!

– Тебе не кажется, – сказал Томас, – что посылать знаменитость похищать сына – глупость? Его узнает каждый встречный! Не говоря уже о том, что знаменитость не захочет быть замешанной в таком скандале.

– Да они постоянно замешаны в скандалах!

– Но не в похищении ребенка. Это уже криминал.

– Но Джемисон его мать! Так что это никакой не криминал, а восстановление справедливости! А Швайгер – он, может, ее новый бойфренд, вот и согласился ей помочь!

– Ну да, – иронично сказал Томас. – А у Опри роман с президентом Трампом...

– Хм... Если предположить...

Томас оборвал мои слова:

– Тебе всюду мерещатся любовные интриги.

– Да на них мир держится!

– Смотри поменьше сериалов.

Я осмотрелась, ища, чем стукнуть его по голове. Но едва увидела подходящий предмет – вазу с

цветами, как у Томаса зазвонил телефон. Боб.

Томас выслушал, сложил мобильный и сказал:

- Знаешь, что подделывает твой Швайгер? Он в «Сезонах», обедает с шишками из «Уорнер Бразерс».

- Ну и что...

- А то. Что это явно не шейх и не Швайгер. Но я все же поговорю с ними, вдруг они что-то видели. А тебе лучше вернуться домой и ждать Гермеса.

- Думаешь, я когда-нибудь его дождусь?! Я поеду с тобой.

Он не сказал «Зачем?» или «Без тебя обойдусь». Он сказал:

- Хорошо, - и даже улыбнулся.

Почему?

Шейх оказался смуглым старым дядькой, завернутым в какие-то простыни. Около него толпились продавцы и телохранители, и я не представляла, как мы сможем не то что поговорить с ним, а просто приблизиться.

К нам подошел продавец и спросил, может ли он нам помочь. Я едва не сказала: «Нет. Мы просто зашли поговорить с мистером шейхом», но Томас ответил:

- Да. Я хотел купить подарок своей девушке, - и кивнул на меня.

Я заулыбалась, как последняя идиотка.

- Что примерно и на какую сумму? - спросил продавец довольно снисходительно, надо заметить.

Но ведь одеты мы были вполне! Я в новой куртке, между прочим - две недели назад купила! И джинсы на мне сидят, по-моему, вполне себе неплохо.

- Что-нибудь уникальное. - Томас вытащил из потрепанного портмоне какую-то сверкающую Визу и продолжил, постукивая ею по столу и многозначительно глядя на продавца: - Возможно, то, что вы и в витрине не выставляете.

Карточка превратила продавца в ручного зверька, он маслено улыбнулся, сказал:

- Конечно, сэр, у нас есть такие вещи. Секунду. Вы можете пока присесть, - и скользнул за дверь в глубине.

Не успела я спросить Томаса, зачем ему драгоценности, как он прошептал:

- Задержи дыхание на сколько сможешь.

Я кивнула, набрала побольше воздуха, он наполовину вытащил из кармана пальто какой-то флакон, брызнул несколько раз и проговорил:

- Томас Дабкин, владелец отеля «Ритц».

Уж не едет ли у него крыша?

Он кивнул мне - типа, можешь дышать - и с широкой улыбкой направился к толпе, окружавшей шейха, как раз в тот момент, когда за прилавок вернулся продавец с несколькими бархатными коробочками.

- А мистер... - огорченно начал он.

- Встретил знакомого, - сказала я и направилась вслед за Томасом.

Продавцы и телохранители стали восклицать:

- О, мистер Дабкин. Как поживаете, сэр?

На что Томас снисходительно кивал. Шейх развернулся и, увидев Томаса, улыбнулся и заговорил по-арабски. (Ну, наверное, по-арабски. Потому что шейхи же живут в Арабских Эмиратах... Вроде бы...)

И Томас по-арабски ему ответил! А потом они еще говорили с минуту, после чего Томас подошел ко мне и сказал:

- Ну, идем.

Продавец с коробочками тоскливо воззвал из-за прилавка:

- Мистер?..

- Извините, - сказал Томас. - Меня вдруг жадность одолела. Ты ведь простишь меня, дорогая? - обратился он ко мне, иронично подняв бровь.

- Никогда! - возмущенно сказала я и вышла из магазина, оскорбленно стуча каблуками - ну, в смысле, выразительно топая толстыми резиновыми подошвами кроссовок.

Томас выбежал следом.

Я стояла на тротуаре и смеялась. Здорово же мы все провернули!

- Год ношу ее с собой, - сказал Томас, - и ни одного цента с нее не снял. Она как пистолет-пугач.

Он вскинул руку, ловя такси.

- Это же какая-то особая кредитка? - сказала я.

- Да. Так называемая «грошовая» Виза. Их меньше дюжины в мире. Большая часть у наших.

- «Грошовая»? - удивилась я.

- Ну, название намекает, что для тех, кто в этом клубе, деньги ничего не значат.

- А что тебе ответил шейх?

- Ничего не видел, ничего не знаю. Но мне как владельцу отеля пожаловался, что полотенца недостаточно пушистые, а сегодня, когда они начали взлетать, на них едва не напоролся один дурак на своем вычурном вертолете.

- Вычурном?

- Боб сказал, что у Швайгера собственный Белл и окраска невообразимая, вроде павлиньего хвоста. Сине-зеленый, с золотыми разводами.

- И его пилот так плохо водит?

- Боб сказал, он обычно сам за штурвалом.

- А когда ты успел купить «Ритц»?

Какие же они бывают богатые, эти агенты!

Томас хмыкнул:

- Не умеешь задерживать дыхание? Ничего, минут через пять выветрится...

- Откуда?

- Из твоей головы.

Корпорация была поистине всемогущей: оказалось, в «Сезонах» у них зарезервирован столик. Неужели постоянно?

Нужна была приличная одежда, и мы зашли в бутик по дороге.

О, ненавижу платья. Оно струилось, мешало идти. А из-за неустойчивых шпилек мне весь путь от машины до столика пришлось висеть на руке Томаса. В общем, я подумываю носить их все время. Из-за моей ли походки или из-за неподходящей к платью потертой сумки из козжама (не оставлять же семнадцать тысяч в гардеробе!) - посетители на меня глазели. Я утешила себя тем, что вообразила, будто я известная личность, а они просто обалдели от радости и удивления.

Мы сели за столик. Взяли два меню и из-за них наблюдали за Ричардом Швайгером, сидевшим за столиком с двумя пожилыми мужчинами. Он был пьян, нагл и еще более белобрыс, чем на своих фото в масс-медиа. Он ущипнул официантку, которая была так вышколена, что и бровью не повела, тыкал сигаретой, безуспешно пытаясь раскурить ее, в зажженные на столе свечи, пока они все не погасли, и так размахивал вилкой с нанизанным на нее шампиньоном, что тот улетел и приземлился возле моей туфли.

Тут Швайгер развернулся, приложил руки к сердцу и крикнул:

– Пардоне муа!

Отчего все оглянулись в нашу сторону, а один из его сотрапезников тихо выругался в адрес знаменитого режиссера.

Я сдавленно кивнула Швайгеру и уткнулась в меню.

– Неудивительно, что он едва не сбил шейха, – заметил Томас.

– Да уж, – сказала я и спросила Томаса тихо, едва официант от нас отошел: – Мне что-нибудь заказать?

– Конечно, – сказал Томас и, понизив голос, добавил: – Хорошо, что ты поехала со мной. Одинокий мужчина выглядит более подозрительно.

Хм. Мило. Так, меню. Названия блюд мало что говорили. Выберу по цене. Скажу вам так: если вы в чем-либо совсем не разбираетесь, берите самое дорогое – оно всегда самое лучшее. Мне, правда, нечасто доводилось применять этот принцип в жизни, но когда применяла – он срабатывал на сто процентов. Помню, как я впервые зашла в нашу булочную на углу – когда только переехала в Бруклин, – там были десятки разных булочек, я выбрала самую дорогую и не пожалела. (Ну, если честно, выбрала не только из-за цены – просто ею был мой любимый круассан с шоколадом! Но ведь если бы я даже выбирала вслепую, как выбирают, например, подсолнечное масло в бутылках, то я бы не ошиблась!)

К тому же о деньгах сейчас можно не думать: еще в бутике одежды Томас сказал, что все расходы по расследованию несет агентство.

Не успела я выбрать что-то непроизносимое вроде «гастильоне креветьоне», как Томас проговорил:

– Я за ним.

Я подняла глаза и увидела, что наш режиссер нетвердой походкой направляется куда-то вглубь ресторана – видимо, в туалетную комнату. Томас пошел следом. А я – за Томасом.

Ох уж это узкое платье! И туфли! Зал ресторана я пересекла где-то за полчаса. Увидела две двери с соответствующими картинками и хотела войти, когда меня опередил мужчина, бросив на ходу:

– Женский слева, – и махнул туда рукой.

– Знаю, – сказала я и зашла следом за ним.

Он развернулся:

– Это мужской туалет.

– Знаю! – зашипела я. – Что вы ко мне пристали?

Мужчина отпрянул, как от ненормальной, и направился к кабинкам. А Томас, который расчесывался перед зеркалом, сказал:

– Лучше подожди меня за столиком, Алисия.

Застегивая ширинку, к раковинам подошел Ричард Швайгер.

– Алисия? – сказал он, намыливая руки. – Приятно познакомиться. Я извинился перед вами?

– Да, – сказала я.

– Перед красивой женщиной не грех и дважды извиниться. Так что...

– Мистер Швайгер, – сказал Томас. – Я Томас Дабкин...

– И что? – резонно спросил Швайгер.

– ...частный детектив.

– И что? – вид у Швайгера перестал быть дружелюбным.

– Вы сегодня приземлялись на крышу отеля «Ритц»...

– Вряд ли, – сказал Швайгер, бросая скомканное бумажное полотенце в ведро и собираясь выйти.

- Мистер Швайгер, - я схватила его за рукав.

- Что еще? - сказал он пренебрежительно.

- Мы знаем о вашей связи с Вивиан Джемисон, - я решила сразу припереть его к стенке, как делают опытные киношные детективы.

- Что?! - взъерошился Швайгер и вызывающе бросил мне в лицо: - Знать не знаю никакой Джемисон! Журналиги, рвачи!

Он пулей выскочил из туалета. Я рванула за ним, намереваясь сбить его с ног где-нибудь посреди зала и заставить говорить пинками или болезненными щипками за уши. Но с моей нынешней скоростью передвижения мне было за ним не угнаться.

Когда я выбежала в зал, его спина в темном пиджаке мелькнула у гардеробной. До двери на улицу я не домчалась, потому что мраморный пол и шпильки не созданы друг для друга: я шлепнулась, улетела под столик и притормозила о чьи-то черные ботинки.

- Очередная его девица, - глухо сказали наверху.

Вставая, я стукнулась затылком о стол, официант принес улетевшую метров на пять туфлю, а другой подал сумку. Тут появился Томас и взял меня под руку.

Нет, а почему он не участвовал в забеге?

Об этом я его и спросила, когда мы вышли из ресторана, так и не пообедав.

- Перекусим по дороге, - сказал он, проигнорировав вопрос.

- По дороге за Швайгером?

- Разве ты не поняла, он не намерен разговаривать.

- Ну, - сказала я уверенно, - можно же как-то на него надавить.

- Как ты? - иронично усмехнулся он.

- Да разве это давление?!

- Пытать его предлагаешь?

- Ну есть же у вас какие-то методы?

- Да. И правила. С невиновными только разговаривать.

- А если он виновен? - напирала я.

- Сомневаюсь.

- Он явно скрывает свои отношения с Вивиан.

- А мне плевать на их отношения. Они не имеют никакого значения для расследования.

- И что же тогда ты планируешь делать дальше? - язвительно спросила я.

- Отправиться в Калифорнию.

- К Вивиан Джемисон? - возликовала я.

- Нет, - слегка раздраженно ответил Томас. - В штаб-квартиру Корпорации. Надеюсь связаться с Олимпом и узнать, где находится Гермес или его жена. Если, конечно, к тому времени не появятся какие-то сведения.

- Наконец-то ты понял, что это жена - пусть даже она и не Вивиан - похитительница!

- Нет. Я обязан в первую очередь проинформировать родителей о том, что произошло.

Ладно. Когда мы будем в Лос-Анджелесе, я все равно уломаю его заглянуть к Вивиан. А пока я поинтересовалась:

- Боб закажет для нас билеты на самолет?

- Нет, самолет нам не нужен, - озорно ответил он.

Может, мы полетим на НЛО, которое Корпорация купила у инопланетян?

Глава 5

И вот мы мчимся в Калифорнию, догоняя клонящееся к закату солнце. Мчимся на ржавой старой машине, которую Томас с непонятной мне гордостью, но с вполне понятной иронией представил: «Мой бэтмобиль». Хорошо хоть, сиденья внутри этой жестянки оказались удобными и кожаными. Машину мы забрали из принадлежащей Корпорации мастерской – на вид она ничем не отличалась от мастерской обычной. Даже машину, как оказалось, отремонтировать не успели. «Верхняя скорость барахлит», – сказал Томас.

Когда мы заехали домой переодеться и взять кое-какие вещи, я засунула деньги из холодильника в сумку, в добавку к тем, что там были. Вдруг они пригодятся для расследования? Если же нет, все верну Гермесу. Плохая я оказалась няня.

– Почему Боб тебе до сих пор не звонит? – спросила я Томаса, сосредоточенно следящего за дорогой. Ох, больно уж он ответственный. Даже машину ведет так, как будто это минимум самолет. И самолет без второго летчика, без автопилота и даже, пожалуй, без крыльев. А скорость всего-то... Что там на счетчике? Четыреста?! Ой, нет, четыреста двадцать миль?! Да разве такие счетчики бывают? И за окном все как-то больно уж быстро мелькает...

– Значит, нет результатов, – между тем отвечал Томас.

– Что это за счетчик у тебя? Это мили? Откуда там такие цифры?

А он, не сводя глаз с дороги, сказал:

– Наша скорость.

– Ну да... Эта машина, это же «форд»?

– «Форд-Гранада» семьдесят пятого года, – улыбнулся Томас одним углом рта. – Слегка усовершенствованный.

Нам навстречу чуть не посредине дороги летел какой-то идиот, и Томас взял чуть вправо, чтобы пропустить его. А после паузы договорил:

– Думаю, ты догадываешься, кем.

– Грыыхоруу?

– Угу.

Ойой Грыыхоруу помешан на скорости. На машинах. На летательных аппаратах... Он инженер. И иногда начинает мне рассказывать о каких-то деталях, моторах, о какой-то гравитации или гравитонции – не помню... Да и вообще из его разговоров об инженерии ничего не понимаю. Но из вежливости всегда говорю, что мне ужасно интересно. И мистер Грыыхоруу начинает выдавать все более замысловатые термины, а мне все труднее становится изображать заинтересованность. Обычно положение спасают его двойняшки, налетающие на него с дикими воплями. (На их планете дети всегда рождаются по двое, поэтому сразу после рождения каждому инопланетянину делают что-то типа татуировки на лбу, чтобы различать их. Татуировка для них совершенно безболезненная вещь, ведь они – желе. Я бы тоже себе сделала татуировку – где-нибудь на коленке, например, – будь я из желе. Но при моей нынешней плотности очень уж всякие уколы болезненны.)

– Кстати, ты говорил, он на работу летает? – вспомнила я.

– Да, у него гравилет. Замаскированный под вертолет, конечно.

– А где он работает?

– На Аляске.

– На американское правительство? – спросила я. В кино всегда все супер-инженеры работают на правительство.

– Нет, – Томас усмехнулся. – На нашу корпорацию.

– Ты хорошо водишь, – сказала я, когда Томас легко увернулся от очередного идиота, буквально шедшего на таран.

– На малой скорости это нетрудно.

– Так мы едем на малой?

- Угу.

- А почему не на быстрой? - Да он меня разыгрывает!

- На больших скоростях я езжу один.

О. Не хочет мною рисковать. Как мило.

- Я не боюсь скорости. У одного моего друга был «Дукати». Я часто с ним каталась.

Вообще-то... я слегка преувеличила. Да, у меня был друг, и у него был... велосипед. И мне было семь лет, а другу восемь.

- Ну хорошо. Ты пристегнута?

- Ты уже спрашивал. Около мастерской, забыл?

Он усмехнулся:

- Да.

Томас дернул какую-то ржавую ручку, нажал на две красные кнопки, и... машиной будто выстрелили из ружья. Меня впечатало в кресло. И мне показалось, что мы едем не по дороге, а слегка над ней.

- Боже, - только проговорила я.

- Ты в порядке? - Томас бросил на меня быстрый беспокойный взгляд.

- В полнейшем.

- Будем в Эл-Эй через час.

- Чудесно.

Вообще-то страшновато. Что-то мелькает на дороге и возле. Я подозреваю, что это машины и строения. Но рассмотреть их невозможно. Представить страшно, что будет, если на такой скорости врезаться во что-то. Хотя представить вовсе не трудно. Мое воображение уже всюду рисует стопки разноцветных блинов, получившихся из нас и из деталей пейзажа. И мне уже представляется, как эти лепешки будут расфасовывать по гробам - скрутив рулетами, не иначе. Кошмар.

- Томас, знаешь, я никогда не была в этих краях. Мне бы хотелось полюбоваться окрестностями, а на скорости ничего не видно...

- Извини. - Томас снова нажал какие-то кнопки, и машина будто совсем остановилась. На самом деле, так понимаю, скорость просто стала прежней. - Я идиот. Очень напугалась? - спросил он виновато.

Но я оцетинилась:

- Вовсе нет! - За кого он меня принимает? За маленькую девочку, которая и темноты боится? - Мне нравятся... - я взглянула в окно, - кактусы.

Ого. Уже кактусы пошли.

- Да? - В его голосе мне послышалась ирония. - И чем же?

- Всем. - Нет, он определенно меня в чем-то подозревает! - Но если ты хочешь приехать в Лос-Анджелес побыстрее, включай, пожалуйста, эту свою скорость, я вовсе не против.

Боже. Боже. Хоть бы он отказался.

- Хорошо, - сказал он.

Я вцепилась в сиденье и, кажется, дышать перестала.

А он снова дернул за эту треклятую ржавую ручку... Я прикрыла глаза. Ничего, час я как-нибудь продержусь.

В этот раз в кресло меня не вдавило и машина в пулю не превратилась. Наверное, просто организм уже привык к перегрузкам. Может, меня уже и в космонавты могли бы взять. Вон я какая выносливая оказалась! Скорость биллион миль в час, а мне хоть бы хны!

- Вот черт, - сказал Томас между тем.

- Что случилось? - я открыла глаза. За окном неспешно проплывали дорожные столбы.

- Средняя скорость, похоже, тоже сломалась, - сказал Томас совершенно нерасстроенным голосом.

Уф. Слава богу и всем святым. В смысле - я что, выходит, вовсе не гожусь в космонавты? Впрочем, я никогда и не хотела быть космонавтом. Вот актрисой - да. Как Ванесса Джемисон. И чтобы в каждом фильме целоваться то с Крисом Эвансом, то с Райаном Рейнольдсом, то с Дэвидом Теннантом... А вдруг все бы они в меня влюбились? Как же я бы стала выбирать?..

А почему у Томаса такой хитрый вид? Он - что, притворился, что авто не тянет? Из-за меня? Да ну, не может быть.

- У тебя есть главный пропуск? - спросил он между тем.

- Какой еще пропуск?

Он взглянул на цепочку на моей шее:

- Это, по-твоему, что?

Я потерела в пальцах серебристый кружок, висевший на ней:

- Это... - Ну как же там... Всплыла фраза из короткой речи тетки в горошковом платье, которая вручала мне пакет после приема на работу: - Нажать в случае смертельной опасности.

- Да, - нетерпеливо кивнул Томас, глядя не на меня, а на дорогу. - Кнопка Хэлп. А рядом.

- Это. Да просто, - я засмеялась. - Брелок для красоты.

Томас оторвал взгляд от дороги и целых три секунды пялился на меня, как на сумасшедшую. Ну брелок, честное слово. Пластиковая ромашка с божьей коровкой на ней.

- Это пропуск, - четко проговорил он.

- Что - «это»? Ромашка или коровка?

- Всё вместе.

Я принялась разглядывать милое украшение. Сзади был выбит длинный номер. В остальном - брелок как брелок.

- Ты шутишь? - сказала я.

Он вытащил из-за ворота рубашки цепочку, на ней тоже висела кнопка Хэлп и брелок - но совсем другой. Обычный мужской брелок - какой-то металлический квадратик.

- Ну и? - спросила я. - Где ромашка? То есть пропуск.

- Ромашка, - бровь его насмешливо приподнялась, - на моей шее смотрелась бы нелепо, не находишь?

- Нет.

Ах, ромашки только для глупых девочек. А всяким агентам выдают brutальные квадратики. Хотя, если честно, квадратик этот абсолютно дурацкий и похож на тротуарную крышку от канализации. Куда милее красная букашенция. Но Томас пусть не выделяется и не считает свою канализационную решетку признаком крутости.

- Я хочу сказать, - продолжила я, так как он молчал и только улыбался углом рта, - что мне жаль, что вам, агентам, выдают такие ужасно безвкусные брелоки.

- Пропуска, - поправил он. - Но они у всех разные. Двух одинаковых нет.

Ух ты. У меня единственный в мире брелок-букашенция на ромашке. Это похоже на дизайнерскую вещь, выпущенную в одном экземпляре.

- А куда эти пропуска?

- В Центр. Ты что, плеер слушала, когда пакет получала?

- Нет. Просто та тетка, видать, забыла рассказать об этом.

- Джулия Сиеста? Она разговаривает с новичками.

- Не знаю. Наверное, она.

- Странно, - сказал он.

Нет, он будто мне не верит!

- Вот именно! - ответила я.

Ну и что, что я немного отвлеклась тогда на проходящего мимо лохматого волка высотой с человека, который мирно беседовал с желеобразным мужчиной в очках! А кто бы не отвлекся? Но это вовсе не значит, что именно в ту минуту эта самая Сиеста в горошек заявляла, что на нашу шею повесят пропуски!

Через полтора часа мы стояли в холле того банка, под который маскировался Центр Корпорации. Круто, ничего не скажешь. Мрамор и золото. Наш филиал в Нью-Йорке был куда скромнее - может, потому, что прикрывался вывеской «Туристическая фирма „Глобус“».

Интересно, если в этот «банк» заходили грабители, что с ними делали? Испепеляли, заколдовывали или сразу превращали в привидения?

Томас между тем улыбнулся служащему и показал ему свой брелок, потом потянул мой, так что моей шее и мне пришлось тоже потянуться следом. Будто я корова на поводке! То есть собака на привязи. То есть... Томас совершенно бесцеремонный тип, вот!

Служащий улыбнулся нам особенной загадочной улыбкой, какой охранники клубов встречают VIP-клиентов. Томас двинулся к двери в глубине зала, я протопала за ним. Он приложил свой брелок к какому-то блестящему устройству справа от нее, я сделала то же, дверь распахнулась и закрылась за нами, мы прошли по длинному коридору, а потом свернули к лифту. Нас никто не сопровождал, Томас явно был здесь не впервые и знал дорогу. Коридор был пуст, лифт тоже, но повсюду торчали камеры слежения.

Мы вышли на двадцать третьем этаже и очутились в полном людей и нелюдей бесконечном офисе. Стоял шум и гам. Отовсюду неслись разговоры, стучали и шуршали принтеры, сканеры, факсы. Поперек всего помещения висела широкая праздничная лента, которая гласила: «С 253-летием, Нед!»

Кто был этот Нед - вампир, инопланетянин или нечто еще более потустороннее? Может, это вон тот кривоzubый дядька, сражающийся с принтером? (Дядька и принтер насмерть вцепились в один и тот же лист бумаги с разных концов, и оба при этом клацали - дядька зубами, принтер крышкой - и рычали.)

Перед нами появился худой рыжий парень с гамбургером в руке и что-то радостно промычал с набитым ртом. Но Томас, видимо, понял, потому что сказал:

- А ты как, Джордж? - и хлопнул парня по плечу.

Тот опять что-то пробормотал, похоже задал вопрос.

- Нужно поговорить с Олимпом, - сказал Томас.

Рыжий кивнул, наконец-то прожевал, проглотил, потом поднял с ближайшего стола радиотрубку и четко сказал туда:

- Отдел связи? Запросите Олимп... - Он посмотрел на Томаса.

- Гермес Олимпус, если он там, конечно, - сказал Томас.

Рыжий повторил его слова в трубку. И положил ее на место.

- Только вряд ли сегодня получится... - хмыкнул он.

Брови Томаса знакомо вскинулись.

- С утра кто-то хотел с ними связаться, - пояснил Джордж. - Но поговорить так толком и не удалось: сильные помехи.

- Почему? - полюбопытствовала я.

Рыжий кивнул мне приветственно и ответил:

- Их босс не в духе. Мечет молнии. Какой-то ценный сотрудник у него пропал.

У меня появились кое-какие догадки, что за сотрудник это может быть. Но с чего ему с работы исчезать? Он что, так меня боится?

- Ясно. - Томас нахмурился. Похоже, подумал то же, что и я.

Центр связи был похож на Центр Управления Полетами в НАСА. Знаете, его еще по телевизору часто показывают. Ну один к одному. Может, это он и есть?

За длинными столами - за компьютерами - сидели сотрудники. Здесь было тихо, и каждый был занят делом. Рядом с нами, как только мы вошли, очутился мужчина в белой форме и в наушниках с микрофоном. Он постоянно отдавал какие-то команды в микрофон. Нас он жестом пригласил подойти к круглой стойке напротив центрального экрана. Томас поднялся на нее, я - за ним. Чуть не в лицо нам уткнулись большие микрофоны и совсем крохотные видеокамеры.

- Готово, - сказал человек в наушниках Томасу.

Экран озарился белым сиянием, а в следующий миг перед нами появилось бесстрастное лицо седой дамы в костюме от «Шанель».

- Олимп. Дора Фетаки. Чем могу помочь?

- Я бы хотел поговорить с мистером Гермесом Олимпусом, - сказал Томас.

При этих словах дама нервно потерела золотой браслет на запястье, а потом произнесла:

- Я не могу его пригласить. Сожалею.

- Дело очень важное, - сказал Томас. - Если вы не можете его пригласить, то сообщите нам, пожалуйста...

- Кто хочет видеть этого наглеца?! - раздался бешеный рык, на экране сверкнуло что-то, и вдруг возникло мужское бородатое лицо.

- Агент Томас Дабкин. Би-Би-Си.

Что? Какое еще?.. Я обеспокоенно оглянулась. Никто и ухом не ведет. Делают вид, что работают. И тут заметила мелкие буквы по низу экрана: «Корпорация бенефициарных биосущностей». М-да, как это я раньше не заметила, что название Корпорации складывается в такую знакомую аббревиатуру?

- Зачем он вам? - чуть тише прорычал бородач.

- Прошу прощения, мистер Олимпус. Это личное дело.

Олимпус? Он что, его родственник?

- Вы его родственник? - спросила я. Томас наступил мне на ногу, и я тихо ойкнула. Пнула его в ответ.

А бородач всмотрелся - будто я такая мелочь, что меня и не разглядишь! - и сказал:

- Я его папа, - и ухмыльнулся: - Зевс.

- О! Значит, мы можем вам сообщить...

- Да? - бородач подался вперед, и золотые кудри его волос и бороды разметались по экрану.

- ...что их сын Петер, то есть ваш, значит, внук... в общем... - начала я.

- Мы сообщаем только родителям, извините, - сказал Томас и мне, и ему.

- А-а, - безучастно сказал он. - Где Гермес?

- За этим мы и обратились к вам на Олимп, - сказал Томас.

- Напрасно, - сказал Зевс. - Его здесь нет.

- А где он может быть? - учтивым тоном спросил Томас.

- Не знаю! - Зевс снова разозлился и стукнул кулаком по столу перед собой. Из-под кулака во все стороны вылетели молнии, по экрану поползли цветные полосы, динамики затрещали.

- Мистер Зевс, - крикнула я, - а вы не знаете, где жена вашего сына?

Сквозь треск слышалось:

- И знать не хочу! Глупая дура! - Что-то грохнуло, и треск стал еще громче. Последняя фраза, которую можно было разобрать, была: «Все люди - свиньи неблагодарные». После чего раздался еще один взрыв грома, и вся радиорубка потонула в оглушающем треске.

Мужчина, который встречал нас, морщась снял наушники и проорал:

- Отключай уже, Тед, уши болят!

Стало тихо.

- А дедушкам не положено переживать за внуков? - прошептала я Томасу.

- Знаешь, есть такое выражение: «олимпийское спокойствие»? - проговорил Томас, спускаясь с трибуны. - Это о них. Они бессмертны, их не волнует то, что обычно волнует нас.

Эх, надо было мне спросить Зевса не где жена Гермеса, а кто она!

Ну надо же - Томас, кажется, сбил меня с толку своим скепсисом! Я ведь была уверена, что это Вивиан Джемисон. А теперь - даже не знаю!

- Да, что-то у них там неладно в датском королевстве, - сказал Томас, когда мы с ним вышли в коридор.

- Разве Олимп не в Греции? - Он же сам так сказал.

- Это из «Гамлета», - сказал Томас. - Загляни как-нибудь ко мне, дам почитать.

Ух ты. Он меня в гости пригласил, да? Хм. Только он же с мамой живет. И почему парни иногда бывают такие несамостоятельные?

Он добавил:

- Я, правда, собираюсь переезжать. Так что успевай до переезда.

- А куда ты переезжаешь?

- В Лондон. Там есть наш филиал.

В Лондон. Такая даль. Мне отчего-то стало грустно.

Томас раскрыл телефон:

- Боб, ну что там?.. Да что ты. А Джеми?.. Угу... Понятно. Извини, а ты можешь последнее повторить? - и он приложил трубку к моему уху.

Молодой голос оттарабанил:

- Нет ни одного свидетельства того, что мисс Вивиан Джемисон и мистер Гермес Олимпус знакомы. Судя по отчетам о рабочих командировках мистера Олимпуса и расписанию поездок и авиабилетам мисс Джемисон, они не пересекались ни в одном городе. Данные за последние два года.

Боб замолчал. Я протянула трубку Томасу.

- Спасибо, Боб, - сказал он и положил телефон в карман. - Ну? - спросил он меня. - Все еще будешь настаивать на своей версии?

- Но другой-то жены у него тоже не нашлось?

Томас нехотя сказал:

- Да.

Я с энтузиазмом произнесла:

- Мы все равно в Лос-Анджелесе. Давай просто заглянем к ней на минутку.

- Мы все равно в Лос-Анджелесе, давай лучше заглянем к Кристен Стюард, - сказал он.

- А она здесь при чем?

– А при чем Вивиан Джеемисон?

– Хорошо, я сама к ней зайду.

– Иди.

Я решительно зашагала по коридору. Обернулась:

– Какой у нее адрес, не напомнишь?

– Я не знаю, – Томас пожал плечами.

Ну и ладно. Справлюсь без этого задаваки. Заодно и Петера увижу. Сто процентов, он у матери!

Эта мысль меня еще больше приободрила, и я зашла в лифт, победно вскинув голову.

Нажала кнопку первого этажа. Где взять адрес Вивиан? Не в телефонной же книге! Может, в Интернете найдется?

Нет. Интернету доверять нельзя. Я нашла пять адресов – и все в Лос-Анджелесе!

М-да... Я так глубоко задумалась, переходя улицу, что мне изо всех сил засигналило резко затормозившее такси, а водитель высунулся и стал ругаться последними словами.

Вот кто должен все знать – таксисты.

– Эй! – крикнула я выражавшемуся таксисту – это был пожилой мужчина с густыми седыми бровями. Похоже, человек знающий. И я продолжила, пока он сделал секундную паузу: – Вы не знаете адрес Вивиан Джеемисон?

Таксист обалдело ответил только:

– Нет.

Я собралась сказать: «Тогда спасибо, возьму другое такси», но он очнулся:

– Беверли-Хиллз, может быть. Или Санта-Моника... А может, Малибу.

М-да. Не такой уж он и знающий. Я заглянула в листок с выписанными из Интернета адресами: а, нет, такой – два адреса были в Малибу. Ура, круг сужается.

– Отлично, – сказала я и уселась в машину. – Едем в Малибу.

– Будем искать дом? – спросил он.

– У меня есть адреса! – взмахнула я листком.

– А чего спрашивала?

– У меня их... два, – замялась я.

– Поклонница, что ли? – обернулся он и окинул меня насмешливым взглядом.

– Нет, я... Няня.

– На работу к ней устроиться хочешь?

– Нет.

– А чего тогда?

– Это... Личное дело.

– Ну да... – Он смотрел на меня с подозрением.

Я назвала первый адрес.

Таксист хмыкнул и тронул машину с места.

По широкому скучному серому шоссе через весь город мы поехали к побережью. Здания становились ниже, деревья – зеленее. Наконец по левую руку показался океан – узкая синяя полоса вдоль всего горизонта. Между ним и шоссе пролегалo белое песочное поле, местами утыканное нереально высоченными пальмами. Синяя полоса становилась шире, голубое небо над ней, с перистыми облаками, уходило в бесконечность.

Я открыла окно и любовалась синевой воды и неба, вдыхала запах океана. Мы съехали с шоссе в узкие кривые улочки, ведущие к виллам.

Возле первого дома из двух стояла стая дамочек разного возраста и скандировала:

– Стальной человек, мы любим тебя!

Нет, мне точно не сюда.

Поехали по второму адресу. Стоим на перекрестке, я глазею на смешного пуделя в розовых бантах, ну, и на его хозяина – двухметрового мускулистого красавца, и думаю: если пудель в бантах, имеет ли смысл строить его хозяину глазки?

Тут просигналила какая-то машина.

– Эй, мисс, – сказал водитель. – Смотри, машет. Тебе, что ли?

В соседнем ряду перед светофором стоял ржавый «форд». Томас жестом приглашал меня в машину.

– Лучше б пешком ходил, чем на такой колыхаге пилить... – заметил таксист.

– Точно, – сказала я. Расплатилась и вышла.

– Я бы и сама поговорила с Джемисон, – сказала я, усаживаясь на переднее сиденье «форда».

– Не сомневаюсь, – ответил Томас. – Я просто хотел составить тебе компанию.

Хм. Иногда он бывает милым.

– Хорошо, – сказала я.

– А зачем ты заезжала к Роберту Дони? – невинным тоном спросил он.

Нет. Только я подумала, что он милый, как он тут же норовит подколоть!

– Ты следил за мной! – я изобразила возмущение.

– Еще чего не хватало. Я узнал адрес Джемисон и поехал туда, подумал, ты уже обиваешь ее пороги. А ты в такси едешь в другую сторону – вот я и заинтересовался. Так что ты у него забыла?

– Просто ошиблась адресом, – буркнула я.

У меня появилось ощущение, что я отвечаю урок перед учительницей алгебры. А это ощущение мне никогда не нравилось!

– А где ты адрес Джемисон взяла? – продолжал он задавать свои вопросы.

– А ты где?

– В нашей базе данных.

Ну, его-то адрес правильный, сто процентов.

– Ну и прекрасно, – сказала я. – Далеко еще ехать?

Он, посмеиваясь, ответил:

– Уже.

Мы свернули к высоким белым решетчатым воротам. За ними тянулась аллея и зеленел парк. А возле ворот стояла будка с охранником. Я прошептала Томасу:

– Тот флакон еще с тобой?

Он улыбнулся:

– Здесь он нам не понадобится.

Он вытащил из кармана удостоверение, показал в камеру:

– Томас Дабкин. Мисс Джемисон ждет меня.

– Проезжайте, – сказал охранник и открыл ворота.

Вот это да!

– Значит, ты поговорил с ней? – нетерпеливо спросила я. – Значит, это она?! Петер у нее?

– Не знаю, – покачал головой он. – Если бы я упомянул имя Гермеса, а ребенок у нее и она хочет скрыть это от его отца – то она стала бы все отрицать. А так у нас есть шансы застать ее врасплох...

Мы медленно ехали по подъездной аллее, листья кустарника шуршали по окнам. Томас продолжил:

– Она как раз подыскивает себе замок – в Европе. Я сказал, что ее агент по недвижимости приболел и я его замещаю.

– И она так прям сразу согласилась встретиться?

– Она почему-то ищет его срочно. В хорошем состоянии. Чтобы сразу можно было жить. И я сказал, что буквально в эту минуту появилось одно настолько прекрасное предложение, что покупатели накинута на него, как пираньи...

– Я знаю, зачем ей замок. Она хочет скрыться там и спокойно воспитывать Петера. Чтобы не беспокоили журналисты.

– Вероятно, – сказал Томас равнодушно, взял с заднего сиденья папку и подал мне: – Ты будешь моя помощница. Это ребята в штабе распечатали. Фотографии замков.

Я кивнула. Интересно посмотреть, как он будет продавать ей замок и одновременно искать Петера... Ого! В трехэтажном особняке размером с тихоокеанский лайнер.

– Пока я буду ее забалтывать, прошвырнешься по дому, – сказал Томас и вышел из машины.

– Может, лучше я с ней поговорю?

– И нападешь на нее, как на беднягу Швайгера?

Нет, вы видали? Он же вообще не хотел к ней ехать! А теперь не даст мне ее допросить как следует!

– Хорошо, – сказала я.

Если не найду Петера в ее бесчисленных комнатах, схвачу Вивиан за горло и буду трясти до тех пор, пока не вытрясу всю информацию!.. Ух ты, какая я, оказывается, свирепая!

Дверь нам открыла пожилая мексиканка. Не успели мы поздороваться, как на лестнице, по округлой стене холла уходящей вверх, появилась Вивиан.

– Привет! – закричала она, улыбаясь.

Она выглядела старше, чем на экране. В углах глаз наметились мелкие морщинки... А может, она просто устала из-за перелета Нью-Йорк – Лос-Анджелес? И все равно она была великолепна: безупречного тона кожа, сияющие солнцем волосы, серьги (бриллиантовые?), симпатичная типа «домашняя» одежда – но сразу понятно, что стоят ее якобы простые демократичные брючки как весь мой гардероб или даже два.

Ни игрушки какой-нибудь, ни погремушки, ни коляски, например, или пачки подгузников – ни в холле, ни в гостиной, куда она нас провела, не наблюдалось.

Они с Томасом уселись на диван, я подала папку и прикидывала, как бы незаметно удалиться. Другого предлога, как «А где у вас туалет?», по-моему, человечество еще не изобрело. В самом деле, не можете же вы сказать: «Я проголодалась, можно пошариться на кухне?» или «А можно я вздремну на кровати, я что-то сегодня совершенно не выспалась?»

А если вы, не дай бог, воскликнете: «Ах, у вас такой красивый дом, могу я пройтись полюбоваться?», – то хозяин чуть не за ручку поведет вас по всем закоулкам, то ли боясь, что вы упустите из виду статуэтку, которая «куплена в Мадриде, знаете, чудесный магазинчик в переулке у старой крепости», то ли опасаясь, что вы ее как раз таки заметите и сломаете при самостоятельном осмотре.

Стоило, например, заглянуть к миссис Трюфельс за солью – и даже не нужно было просить об экскурсии. Без всяких побуждений со стороны гостя говорилось: «А эти чудесные вазочки мы привезли из свадебного путешествия – из Техаса. Их было две, но вторую, – тут глаза промокались платочком, – мистер Трюфельс, он иногда выпивал, и, сама понимаешь, ну вот, он и разбил...» (Сколько она с ним боролась, эта бедная миссис Трюфельс, – запирала его дома, отбирала все деньги, выливая спиртное в раковину. Бесплезно! Он все равно добился своего – допил до того, что умер. Это она мне сама рассказала, я-то в этом доме всего полгода живу. А она уже давно

овдовела.)

В общем, я спросила, что все спрашивают. Вивиан ответила любезно:

– Гостевой туалет вон там.

И указала на дверь у лестницы, которая прекрасно просматривалась отсюда. Ну и как я скроюсь в другом направлении?

Томас метнул мне, по его мнению, видимо, многозначительный взгляд. А по-моему, просто потаращил глаза пару секунд. Я отправилась к указанной двери, взялась за ручку. И тут в зале кто-то будто хлопнул в ладоши. Я оглянулась: Томас держался за щеку. Вивиан гневно крикнула ему:

– Да как вы смеете! – И вытерла губы платком. До меня ей явно не было дела. Я метнулась вверх по лестнице.

Хоть бы не столкнуться со слугами. Их здесь, поди, полно.

И что же Томас такого ей сказал?.. Или сделал?.. Ах ты... Я просто задохнулась от негодования. Он что, поцеловал ее? Все парни такие! Конечно, она актриса, красавица, вот у него слюни и потекли.

Я домчалась до второго этажа, как ракета. Остановилась. перевела дух. Прислушалась. Тишина. Снизу едва доносятся голоса, где-то далеко звякает посуда. Ну и пусть себе целуются! Найдем Петера – и до свидания. Больше не увидимся!.. Вот черт, он же живет в моем подъезде...

Я ступила на мохнатую дорожку коридора. Заглянула в одну комнату, в другую. Везде пусто, тихо, чисто.

Сколько у нее кремов на туалетном столике! А какие прекрасные вышитые подушки. О, ноутбук. Вот бы в него залезть. Уж там-то точно найдется какая-нибудь информация. Эх, флэшку с собой носить надо! Все шпионы так делают.

Ладно, просто посмотрю. Или лучше пробежаться по другим комнатам? Вдруг в одной из них в кровати мирно спит Петер?

Ничего, я быстро. Успею и то, и другое. Ага. И никаких паролей. Так, глянем почту. Тут-то ты и попадешься, милочка! Хм... Какие-то деловые письма. Съёмки, контракты, сценарии... М-да. Ничего. О. Да у нее два почтовых ящика. Адрес второго был совершенно неделовой: «золушка тридцать шесть». Вот тут-то и может быть любовная переписка!

Я открыла папку входящих. Название нескольких последних писем было одним и тем же: «Re: Сволочь!» Хм!

Едва я щелкнула по письму, как в коридоре послышались шаги. Я захлопнула ноутбук, не успев увидеть, что же там, в письме с таким замечательным названием, и в спальню зашла та мексиканка, что открывала нам дверь. В руках у нее была стопка выглаженного постельного белья.

– Ай! – сказала мексиканка, увидев меня.

– Хорошая спальня, – сказала я деловым тоном (вскочив с кровати, естественно), – мисс Джемисон хочет, чтобы в замке была такая же... Мы подыскиваем ей замок, – пояснила я.

Мексиканка только покивала в знак понимания. Но взгляд ее источал подозрение.

Я вышла. Попыталась успокоить стучащее в ушах сердце. Так. Пойду-ка я лучше на третий этаж, пока горничная шныряет по второму.

На третьем этаже обошлось без происшествий. Впрочем, как и без находок. Надо вернуться на второй. А ведь меня уже давно потеряли, наверное. А вдруг Вивиан так разозлилась на Томаса, что выставила его вон?

Я перегнулась через перила, вслушиваясь: Томас и Вивиан спокойно беседовали. Хорошо. Пойду на второй – пока этот агент развлекается вместо того, чтобы выполнять свою работу. Может, мне должность агента после этого расследования предложат?

Интересно, сколько они зарабатывают? Надо у Томаса разузнать. Хотя... это как-то неудобно. И почему вопросы о заработках считаются неприличными? Ты сто лет не видишь подругу, и первое, о чем она спросит, столкнувшись с тобой где-нибудь в супермаркете у кассы: «Встречаешься с кем-нибудь?» Спросила бы лучше: «Сколько ты зарабатываешь?», – но это же невежливо!

М-да... Выходит, деньги – более интимная тема, чем любовь.

Едва я повернула с лестницы на второй этаж, из ближайшей двери вышла мексиканка. Увидев меня, вопросительно вскинула выщипанные брови.

– Мисс Джемисон сказала... – Черт побери, что же она могла сказать? – ...Что здесь очень удобная гардеробная, она хочет такую же. В замке. Да.

– Я покажу вам ее, – сказала мексиканка сухо.

Пришлось снова идти в спальню Вивиан. Там женщина открыла двери справа за кроватью. Да. Шикарная гардеробная. Тут можно вечеринки устраивать. И стойка для украшений сгодится как бар.

А чей это пиджак? И брюки? И стопки рубашек?

Я так и спросила у мексиканки. Она нахмурилась. Сказала:

– Не знаю.

Вот странно.

– Мистера Олимпуса? – осторожно спросила я.

Мексиканка будто застыла и насупленно ответила:

– Спросите, пожалуйста, лучше у мисс Джемисон.

А ведь она не спросила, «кто это». Так-так. Похоже, я на верном пути. Что ж, бить так бить. «А Петера вы давно видели?» – хотела спросить я и уже открыла рот... И вдруг вспомнила усмешку Томаса, когда он сказал: «И нападешь на нее, как на Швайгера?»

– Мисс Джемисон выглядит такой... э-э... озабоченной... – решила я подъехать с другой стороны. – Вы не знаете, почему?

Мексиканка едва не отпрыгнула от меня.

– Вы, может, из полиции? – встревоженно сказала она.

– Нет-нет! Что вы!

Я улыбнулась как можно теплее, но на нее это не подействовало.

– Мне нужно прибираться на другом этаже, – сказала она и ушла вверх по лестнице.

Ладно. Зато теперь она не помешает мне заглянуть в остальные комнаты на этом этаже.

И как вы думаете, что я нашла за следующей дверью? Детскую – самую настоящую, с игрушками, кроваткой, манежем! Правда, никого в комнате не было. Но пусть Томас еще скажет, что нет никаких сведений, что у Вивиан есть ребенок! Значит, она прячет Петера с какой-нибудь няней-мексиканкой... в гостевом домике, например!

Я спустилась на первый этаж, выглянула из-за угла: Томас и Вивиан все еще болтали. Вернее, тараторил только Томас, о какой-то полностью замененной электропроводке и встроенной новейшей технике. Как только Вивиан в очередной раз заглянула в альбом с фотографиями, я вынырнула из-за угла. Подошла к ним.

Вивиан покосилась на меня, сказала:

– А вот и вы.

– Да, – сказала я и уселась в кресло.

– Килкенни в Ирландии, похоже, неплох, – продолжила разговор с Томасом Вивиан. – И вот тот, с зубчатыми башнями, в Уэльсе...

Томас кивнул:

– Билборнхилл.

– Да, – сказала Вивиан.

– А вы собираетесь одна переезжать или... – спросила я.

– Одна, – отрезала Вивиан. – Станные у вас вопросы.

- Почему же? Надо же знать, сколько э-э... спален нужно и нужна ли, например, детская...

Я ведь деликатно подошла к нужной теме, правда?

Вивиан взглянула на меня почти испуганно, но тут же взяла себя в руки и ответила:

- С чего вдруг мне понадобится детская?

- Ну... - Что же сказать-то? - А разве у вас нет детей?

- Нет, - холодно произнесла она.

- А для кого же тогда комна...

- Извините Алисию, - перебил меня Томас, - она у нас недавно работает и поэтому спрашивает черт-те что... - улыбнулся он насмешливо и до того обаятельно, что Вивиан улыбнулась в ответ и сказала:

- Ничего, бывает, мистер Дабкин. Я тоже как найму новую служанку, так пока ее обучишь делать все так, как надо, полгода уйдет. И нервов уйма.

Она меня со служанкой сравнивает! Да еще намекает, что я бестолковая! Никакого прежнего восхищения любимой актрисой во мне не осталось.

И Томас хорош. Предатель! Мы же в одной команде.

Я вскочила, произнесла:

- Знаете, я лучше по саду прогуляюсь. У вас тут душно и пахнет плохо.

По правде говоря, здесь только приятно пахло цветами, которые стояли в вазе на столике у входа, да еще духами Вивиан - классный аромат, мне бы такие.

- Не выдумывайте, - обиженно сказала Вивиан. - Я сама не выношу плохих запахов, и здесь их никогда не бывает.

- Да ну, - сказала я, - неужели вы даже никогда не пу...

- Подожди меня у машины! - рявкнул Томас.

Я бросила на него гневный взгляд - такой силы, что если бы я, как папа Гермеса, умела выбивать молнии, Томас испепелился бы вмиг. Вместе с диваном. И вместе с домом.

Выбежала на крыльцо. Справа от него садовник, лысый мужчина с черными вислыми усами, делавшими его похожим на русского казака, подстригал кусты.

Слева был фонтан. Я направилась туда. Села на деревянную скамейку около него и смотрела, как вода, рассыпая брызги, падает с неровных краев каменного блюда.

Было прохладно. Но в дом возвращаться не хотелось. Недалеко, на подъездной дороге, стоял ржавый «форд». Я забралась внутрь. Рассматривала кнопки разных цветов и прикидывала, стоит ли после столь грубого поведения Томаса сообщать ему о своих находках. Эх, знать бы пароль ящика Вивиан, можно было бы залезть в ее почту с другого компьютера.

Вот это - кнопка ускорения? И чего она не сработала?

Я дернула ее туда и обра-а... А-а! Машина влетела в кусты и врезалась в фонтан, меня бросило на руль, он так больно ударил под дых, что у меня искры из глаз посыпались.

На шатающихся ногах я вылезла из машины. Половина каменной чаши - видимо, державшейся уже непонятно на чем, - бухнулась на капот с оглушительным треском.

Из дома выскочили Томас и Вивиан.

- Мой фонтан! - взвизгнула Вивиан.

Надо признать, что Томас не кричал «Моя машина!», он вскричал «Алисия!» и, кинувшись ко мне, подхватил под руки.

- Вы как? - все же поинтересовалась Вивиан.

- Я в порядке. Извини, - сказала Томасу. - Я только хотела погреться в машине...

- Точно ничего не сломано? - с беспокойством спросил он.

Кажется, придется простить его за непростительное поведение.

- Ну... Да, точно.

А может, сказать, что у меня, кажется, рука сломана? И наслаждаться его заботой и нежностью...

- Что? - сказал Томас. - Ты так смотришь...

Кажется, представляя, как он будет нести меня на руках и шептать «Потерпи, милая Алисия», я смотрела ему в глаза.

- Как? - я отвернулась.

- Не знаю... - похоже, он был слегка смущен. - Надо посмотреть, что с машиной.

- Думаете, она на ходу? - скептически произнесла Вивиан.

Садовник помог Томасу убрать чашу с капота. На нем была лишь небольшая вмятина.

- Поразительно, - сказал садовник с акцентом (наверное, с русским). - Ведь такой камень! Вот раньше машины были - танки!

- Точно, - сказал Томас и подмигнул мне.

Грыхоруу, похоже, не только над скоростью поработал.

Решетка радиатора вообще оказалась целехонькой. Даже царапин не было. Да на этой машине можно сшибать ворота и без всяких приглашений в гости заезжать!

- Впечатляет, - Вивиан покивала головой.

- Мы поедem, - сказал Томас.

- Может, задержитесь, расскажете, как вы путешествовали по Ирландии? - торопливо произнесла Вивиан. - А вашей помощнице мы такси вызовем?

Да она ему глазки строит! А он разве не недвижимость должен был ей расписывать? Какие путешествия, а?

Я сказала Томасу:

- Нужно, чтобы ты срочно ознакомился с кое-какими э-э... - Что там у риэлторов бывает? - ... отчетами!

Томас взглянул на меня и, кажется, понял, обратился к Вивиан:

- Извините, миссис Джеемисон, надо бежать. Но, может, в следующий раз.

Вивиан только пренебрежительно пожала плечами. Как будто это не она приглашала его остаться, а он сам напрашивался. Класс! Мне бы так уметь!

Глава 6

– Итак, – сказал Томас, когда мы сели в «форд», – что за отчеты? Ты нашла какую-то комнату, похожую на детскую...

– Похожую? Это и есть детская, уж поверь мне – я няня как-никак. И это детская для совсем маленького ребенка!

– Ну и что? – сказал Томас, выруливая к побережью. – Может, к ней приезжают в гости подруги с детьми.

– Ну да, как же! – Я насупилась. – Там еще была куча мужских вещей.

– Меня бы удивило, если б у такой красивой женщины не было бойфренда, – сказал Томас.

– Или это вещи ее бывшего мужа...

– Зачем хранить вещи бывшего мужа? – пожал плечами Томас.

Это да. Верно.

– Зато служанка не удивилась, когда я спросила, не вещи ли это мистера Олимпуса! – выложила я свой козырь. – Она наверняка его знает!

– Или она тебя не поняла, потому что плохо говорит по-английски, – сказал Томас. – Ну, мы проверили твою версию. Теперь ты довольна?

«С чего мне быть довольной? – хотелось крикнуть мне. – Я нашла кучу улик, а тебе наплевать!»

Вместо этого я вспомнила кое-что еще.

– Я заглянула в ее ноутбук, – сказала небрежно. – И знаю адрес ее почтового ящика: «золушка тридцать шесть» на Яху.

– И зачем он нам?

Нет, он нарочно?!

– Потому что там про Петера сто процентов что-нибудь есть!.. Только... Я там немножко пошарилась... То есть открыла одно письмо...

– И не закрыла его.

– Не успела, – сказала я, зная, что тут-то я прокололась.

Томас нахмурил брови-полоски:

– Если она это увидит, сразу же уничтожит ящик.

Он резко нажал на газ. Мы промчались на красный, прошли впритирку к киоску на углу и процарапали несколько решеток, разделяющих полосы, когда обогнули семенящую по пешеходной дорожке старушку с черным догом на поводке.

– Надеюсь, то письмо было о том, что у нее есть сын Петер и она его украла, – процедил Томас.

– Я не знаю! – виновато выкрикнула я, вцепляясь в ремешок ручки над окном. – Я не успела его прочитать, там мексиканка носится по всему дому! Но знаешь, какая тема была у того письма? «Сволочь», вот!

– О! – скептически произнес Томас, лихо выворачивая руль.

– Куда мы? – проговорила я, подсакивая на каком-то ухабе.

– В Штаб. Ты ведь пароль от ящика не знаешь? Там его вмиг раскроют.

– Да? – меня ударило о дверцу на очередном повороте, отчего голос сорвался на писк. Когда я снова обрела равновесие, то смогла договорить: – Боб?

– Нет. Он же сидит в нью-йоркском филиале. – Томас бросил взгляд на часы на панели. – Джина. Распрекрасная Джина Рыжая.

– Прозвище, что ли, такое?

Мы затормозили прямо у стеклянных дверей в банк, испугав до смерти (фигурально, я имею в виду) прохожих.

– Фамилия! – крикнул Томас, выскакивая и моментально скрываясь в здании.

Я рванула застрявший ремень безопасности и помчалась за ним.

Когда я вбежала в холл, Томас уже исчезал за дверью в глубине. Я тоже метнулась к двери, но на моем пути возник служащий (не тот, что был с утра) – с улыбкой вежливой и в то же время грозной. (Нет, вы видели такое сочетание? Да они тут просто артисты!) Брелок, да. Черт, где же он? Кнопка Хэлп на месте, а милой ромашки как не бывало!

Служащий произнес:

– Могу я вам помочь, мисс? Ищете туалет или выход?

– Брелок, – ответила я ему. – Такую ромашку с божьей коровкой.

– Да что вы! Ценная вещь?

Вот притворщик! Я лихорадочно ощупала цепочку, запустила руку за шиворот, не обращая внимания на косые взгляды пожилой дамы, заполняющей бумаги за столом недалеко от нас, и сказала:

– Я с Томасом Дабкиным. Он только что вошел.

– Не понимаю, о чем вы, мисс.

Да куда же он запропастился! Я собралась уже расстегивать блузку, как вдруг служащий схватил меня за воротник и – едва я успела отвесить ему плюху (слабую, надо сказать) – произнес:

– Зацепился за локон...

Он потер свою пострадавшую щеку и по цепочке вывел в мое поле зрения из-за моей же шеи брелок. Неудивительно. Меня так бросало сегодня туда-сюда в машине – и это не считая аварии, – что он мог бы оказаться вообще в ухе.

– Спасибо, – сказала я. – И извините.

– Ничего, – произнес он буднично, будто ему каждый день раздают оплеухи.

Хотела было спросить у него, где мне искать Джину Рыжую, но побоялась выглядеть еще большей недотепой. И потери брелока достаточно.

В коридоре опять пусто. Они, что же, даже за кофе или булочками не бегают? Вот когда Кэтрин работала в офисе (секретаршей), она жаловалась, что они с коллегой так часто перекусывают в кафе, что она прибавила два килограмма. (И это всего за месяц работы! Потом ее и эту коллегу уволили, уж не знаю, за что.)

Поеду на двадцать третий, а там спрошу про Джину. А Томас хорош! Бросил меня одну, и иди куда знаешь!

На двадцать третьем по-прежнему кипела работа. Я оглянулась в поисках Томаса, но его здесь не было. Две дамочки болтали друг с другом на булькающем языке, на котором разговаривают соотечественники Грыхоруу. О, значит, не дамочки, а совсем наоборот.

Тот кривоzubый дядька снова сражался: на этот раз не с принтером, а с монитором – дядька стучал прям в жидкокристаллический экран подставкой для карандашей и кричал:

– Работай, балбес! Нашел время!

Экран не разбивался и оставался невозмутимо черным.

И Джорджа, который встретил нас утром, не видно.

Я обратилась к пареньку, задумчиво печатающему на компьютере за ближайшим столом:

– Извините, вы не знаете, где Джордж?

Он поднял глаза – они оказались у него фосфоресцирующего зеленого цвета – и ответил:

– Джина вон в том кабинете.

И указал на стеклянную дверь в нескольких шагах от нас. Откуда он узнал, что мне нужна Джина? Он что же, умеет мысли читать? Круто. Хотела бы я знать, о чем думает, к примеру, соседская собака перед тем, как меня укусить. Может: «Какая у нее классная клетчатая юбка! Отхвачу-ка кусочек – я как-никак шотландский терьер, должен же у меня хоть носовой платок быть в национальных традициях!» А может: «Если я ее не покусая, она перестанет меня уважать!»

Я подошла к стеклянной двери и попыталась разглядеть, что за ней, но она была матовой, виднелись лишь тусклые пятна света – видимо, от экранов компьютеров. Я стукнула разок по двери – для приличия – и вошла. Компьютеры у одной стены, диваны и кресла у другой. За машинами сидят несколько мужчин и одна огненно-рыжая девушка. Возле нее-то, склонившись к экрану, и стоял Томас.

На меня никто не обратил внимания. Я подошла к Томасу и заглянула через плечо девушки. Она подбирала пароль к ящику Вивиан: цифры и буквы мелькали в окошке маленькой программы в углу экрана, а в центре посекундно вспыхивала табличка «Пароль неверный. Повторите попытку».

– Может, это имя – Петер или Гермес? – говорю я.

– Или Ричард, – подхватил Томас и бросил мне: – Сразу нас нашла?

– Не подходит, – ответила девушка.

А я сказала Томасу:

– Да. Мне тут один этот, ясновидящий, помог.

– Ясновидящий? – удивился Томас.

– Ну да, который мысли читает.

– Телепат, что ли? – снова спросил он.

Вот непонятливый. И что за «телепат» такой? А Томас меж тем обратился к девушке:

– Джина, у вас кто-то новенький появился? Телепат?

– Нет у нас таких... – ответила Джина. – Что же за пароль у нее? Шифруется, как шпионка...

– Может, фамилия бабушки или матери... – предложил Томас.

– Уже проверила, – коротко сказала она и плавным жестом откинула на спину волнистую рыжую прядь.

– Какие у тебя волосы шелковые, – сказал Томас, улыбнувшись краем рта. – Особый шампунь?

А он, оказывается, бабник! То с Вивиан целуется, то волосы ему, видите ли, шелковые!

– Да не помню я, какой...

Не успела Джина договорить, как я выпалила:

– А зачем ты с Вивиан целовался?

Томас аж дар речи потерял:

– Я же... тебя прикрывал...

Джина, смеясь, оглянулась:

– Что, правда целовался? С самой Вивиан Джеемисон! Ух!

Лицо Джины показалось мне очень знакомым. Но откуда?

– Да ну вас, – отмахнулся Томас.

– А названия ее фильмов вы пробовали? – спросила я у Джины.

– Нет, – она моментально стала серьезной. – Посмотрим в ее биографии, – она открыла какой-то файл.

Хотела я сказать, что и по памяти все их перечислила бы. Но хвастаться, меня в детстве учили, нехорошо. А по-моему, люди и не подумают догадаться, какой ты замечательный, пока ты сам им не сообщишь!

Джина копировала названия одно за другим, вставляла их в строку пароля и жала ввод. Она дошла до половины внушительного, не менее трех десятков пунктов, списка. Но результата все не было.

«Моя жена – королева», – ввела она следующее название.

– Неправильно! – сказала я. – Фильм называется «Моя жена – не королева».

– Тебе не кажется, что так название меняется на совершенно противоположное? – с усмешкой сказал Томас.

– У них опечатка!

Уж мне-то не знать! Я смотрела фильм пять раз. Нет, даже раз двадцать, если считать те вечера, когда я ставила фильм фоном, а сама готовила ужин или укладывала спать какого-нибудь младенца.

Джина попробовала верное название. Ура! Почта открылась!

– Так, что тут у нас? – как ни в чем не бывало произнес Томас и всмотрелся в ряды названий писем.

Нет, вы видали? А восхищение? А «спасибо» за подсказку? А «Алисия, что бы мы без тебя делали»?

– И что бы вы без меня делали, – невинным тоном произнесла я.

– Да, – кивнул Томас, не отрываясь от экрана. И обратился к Джине: – Можно как-то спасти их от уничтожения?

– Без проблем. Поменяю пароль – и все дела, – откликнулась Джина и быстро-быстро застучала по клавишам. – Пока она разберется, почему не открывается ящик, мы успеем их сохранить.

– Смотри-ка! – сказал Томас удивленно. – Письмо называется «Милый божок»! Может, мы все же попали в яблочко?

Не мы, а я! Это я залезла в ноутбук, я нашла название ящика и я подсказала пароль! Да он мне должен половину своей зарплаты за этот месяц отдать! Впрочем, ладно. Он и так, поди, не шикует. Отдал все деньги за костюм и не может даже квартиру снять.

– Сколько у тебя зарплата? – спросила я.

Джина произнесла только:

– Хе-хе.

Томас ответил:

– Десять тысяч в неделю.

Ого. Это же... это же... полмиллиона в год! Может, все же намекнуть, что уже целый день я работаю за него?

– Ну, готово, – Джина была очень довольна собой. – Распечатать или с экрана читаете?

– С экрана, – сказал Томас.

Джина встала и потянулась:

– Садитесь, я пойду перекушу. Еще не обедала.

Томас опустил на ее место, я подтянула ближе соседний стул и тоже села.

– Посмотрим в последних, – пробормотал Томас.

Штук шесть отправленных писем были за вчерашнее число. (Те, одинаковое ругательное название которых я видела в ноутбуке у Вивиан.) Ниже были письма за август – то есть следовал перерыв в переписке почти два месяца. Томас открыл самое свежее письмо: оно содержало, похоже, всю переписку за вчера – в виде цитат лесенкой. Поэтому, чтобы понять, кто что на что говорил, читать надо было снизу вверх. Было там следующее:

«Немедленно верни его, сволочь!» (Писала Вивиан.)

И на это следовал ответ с мейла «Вашингтон 52»:

«Я лучше знаю, что ему нужно».

Потом подряд шло три письма Вивиан, с интервалом в несколько часов, – без ответа. В них требования переходили в угрозы всяческими расправами. Но не было ни имен, ни каких-то других указаний на то, кого именно она требует вернуть.

Затем адресат отвечал:

«Зато теперь ты совершенно свободно можешь устраивать свою личную жизнь».

Две последних записки были от Вивиан, в них она объявляла, что знает, к кому обратиться за помощью.

– Все понятно, – сказала я. – Сначала Вивиан просила вернуть Петера. Вчера! Значит, Гермес привез его ко мне сразу после того, как украл!.. А потом она заявила, что ей поможет кто-то... И этот кто-то Швайгер, который и помог – украл Петера сегодня!

Томас внимательно выслушал мою расшифровку и стал разбивать ее в пух и прах (по крайней мере, говорил он с таким видом, как будто разбивал):

– Во-первых, с чего ты взяла, что Вашингтон – это Гермес? Такой адрес заводят самые обычные люди.

– Он шифруется, ведь понятно! Джина может вскрыть его ящик?

– Почту олимпийцев вскрыть невозможно, – ответил он кратко.

– Ты же сказал, что это не он!

– Тогда тем более. К чему рыться в письмах не причастного к делу человека?

Ему бы в воспитательницы детского сада идти, а не в сыщики!

А «воспитательница» продолжила гнуть свою линию:

– Во-вторых, с чего ты взяла, что речь идет о Петере? Может быть, они не могут поделить любимую собаку!

Ну что тут скажешь? Может быть, конечно.

– Не видела я фотографий Вивиан с собаками, – только и оставалось пробурчать мне.

Томас не обратил не мое бурчание никакого внимания. Он отыскал письмо с темой «Милый божок» и открыл его. Письмо было не очень длинным, но очень сердитым. Вивиан говорила о том, что, если он еще раз позволит себе выкинуть такое, она его по стенке размажет, да еще и голову оторвет. И пусть попробует выжить после всего этого! (Похоже, название письма содержало сарказм.)

– Вот! – сказала я. – Она намекает на его бессмертие – значит, это Гермес!

– Да? Может, еще она намекает на то, что она не женщина, а робот-убийца? Вон что она собирается с ним сделать!..

Я угрюмо хмыкнула. Томас сказал:

– Лучше бы она вместо того, чтобы выразительно ругаться, назвала б его по имени хоть раз – Джоном там или Дени.

– И он бы стал ее слушаться? – с сомнением сказала я.

– Нет. Ты бы успокоилась, – веско сказал Томас.

– С чего ей называть его Джоном, когда он – Гермес?

– Вряд ли мы в этих письмах вообще что-то найдем.

– А вдруг?

– Хочешь, читай их сама. Мне надоело видеть эту бредовую ругань. – Он встал. – Ты не проголодалась? Сходим в кафе? Оно тут, на крыше.

Так вот почему они не бегают туда-сюда по коридору первого этажа. Они бегают по коридору последнего.

– Нет, – сказала я. – Я лучше посижу.

Я пролистала список писем до начала и открыла первое письмо. Оно было написано почти полтора года назад – в июне. Так вот почему Джемисон назвала ящик «золушка тридцать шесть»! Тогда ей как раз было тридцать шесть лет!

Это нехорошо, конечно, читать чужие письма. Но как еще убедить Томаса, что Вивиан – жена Гермеса и Петер сейчас у нее? А найти его – для нас самое главное.

Читать было удобно – не нужно было скакать к папке входящих и обратно к отправленным, потому что почти все письма Вивиан содержали цитаты из полученных.

Переписка велась всего с одним адресатом – все тем же Вашингтоном 52, – будто только ради него Вивиан и завела этот ящик. В отличие от яростных и нецензурных последних писем первые были вежливые и переходили в нежные. Похоже, они нашли друг друга на каком-то сайте в Сети. Мужчина подписывался Генри П. (Актрису он называл «Ви» или «моя милая продавщица» – значит, о том, кто она есть, Вивиан умолчала.) Я искала подпись «Гермес О.» или упоминания о сверхъестественной сущности Гермеса. Но ничего такого не было. Генри П. говорил о горах, о море, а больше всего о своих чувствах и о том, что не пора ли им встретиться. Вивиан все отказывалась – и по совершенно нелепым причинам вроде: «Сегодня так холодно» – это в Лос-Анджелесе-то, где даже снега не бывает! – или: «Мне бы хотелось надеть на встречу с вами самое красивое платье, но я как раз сегодня отдала его в химчистку». Станет, по-вашему, звезда встречаться с простым незнакомцем из Интернета?

– Похоже, этот Генри из Лос-Анджелеса, а не из Вашингтона, – пробормотал вдруг объявившийся за моей спиной Томас. – Готов встретиться в любой день.

Он протянул мне кружку с чаем и хот-дог:

– Не знал, что именно ты любишь. Взял обычный, с кетчупом.

– Спасибо, – сказала я, а желудок мой заурчал так громко, что пришлось прижаться животом к столу, чтобы Томас это не услышал. – А вдруг он просто может взять и прилететь сюда в любой день? – осенило меня. – И никакой он не Генри...

– ...а Гермес, – подхватил Томас.

Похоже, он не такой уж и непробиваемый!

Чай оказался горячим, а хот-дог – вкуснейшим. (В Корпорации, похоже, все без исключения неплохо устроено. Интересно, а для инопланетян и вампиров у них особые меню?)

– Они познакомились в Интернете! – сообщила я.

– Ребенка они тоже в Интернете сделали? – заметил Томас. – Ведь никаких сведений о том, что они встречались, как ты помнишь, нет.

Еще бы мне не помнить, когда он твердит об этом в сотый раз.

– Гермес летает по всему миру, почему бы ему не прилетать в Калифорнию, – сказала я.

– Но все его поездки фиксируются в ведомости на Олимпе. Бобу удалось раздобыть ее в скинутых в небесную канцелярию отчетах.

– Он мог приезжать к ней после работы! – крикнула я.

Томас пожал плечами.

– Смотри-ка! – удивленным тоном сказал он и ткнул в экран пальцем.

Я увидела строчку: «...я прилечу тотчас, на своих крылатых сандалиях».

– Это он! – завопила я.

Парень за соседним столом уронил пластиковый стакан с колой себе на колени и принялся тихо ругаться – на свои руки, видимо.

– Не обязательно, – сказал Томас. – Может, этот мужчина из тех, кто любит цветистые фразы. Но выглядит очень уж...

– Вот именно, – с торжеством сказала я.

– Но ты посмотри на ответ Джемисон!

«Спасибо, чувствую себя отлично, сын тоже...»

– Сын!!! – в один голос вскричали мы.

За соседним столом что-то брякнулось: парень уронил коробку с дисками и пополз их собирать. Он ругался, и, похоже, вовсе не на руки, а на каких-то двух диких ослов, которые кричат, как в джунглях. А разве в джунглях живут ослы? Но я ему ничего не сказала и слушать дальше не стала (хотя было жутко интересно, при чем тут ослы), а слушала я Томаса. Он говорил:

– Письмо написано около двух месяцев назад.

– Он поздравляет ее... – с недоумением произнесла я. – Ты же не думаешь, что он поздравляет ее с рождением Петера? Будто они чужие люди... И это не его сын родился.

– Они могли разойтись к тому моменту. И к детям у бессмертных совсем другое отношение, чем у людей, – сказал Томас, вставая и хватая свой пиджак со спинки стула. – Поехали-ка к ней снова.

Мы без всякого предупреждения заявили к Вивиан Джемисон – охраннику у ворот Томас сказал, что забыл в доме на диване какую-то папку. Охранник связался с Вивиан и тут же открыл ворота.

– Она же увидит, что никакой папки там нет, – сказала я, когда мы въехали внутрь.

– Почему? – сказал Томас. – Я и правда ее оставил. На всякий подобный случай.

Ничего себе. Вот это хитрости.

– Спасибо, мы тут как раз обещали завезти эти документы одному клиенту, – сказал Томас, когда Вивиан встретила нас у дверей и протянула синюю клеенчатую папку. – Гермесу Олимпусу.

У Вивиан тревожно забегали глаза.

– Кажется, он упоминал, что вы с ним друзья, – добавил он небрежно.

Лицо Вивиан будто окаменело.

– Он тоже собрался что-то покупать? – спросила она.

– Не могу раскрывать тайны своего клиента, – добродушно сказал Томас, не сводя с нее глаз. – Лучше сами у него спросите.

– Точно, – вдруг сказала она решительно. – Подвезете меня к нему?

И что нам теперь делать?

– Конечно, – ответил Томас. – Только я... адрес в конторе оставил. Не подскажите?

Они смотрели друг на друга, как те бараны на мосту.

– Вы не из агентства, – наконец сказала Вивиан.

– А Гермес Олимпус вам не друг, а муж, – в тон ответил Томас.

Нас оглушило тарахтение снижающегося вертолета.

– Нам лучше поговорить в другом месте, – торопливо проговорила Вивиан. – Через полчаса, в кафе «Джонни Бэнкс».

Вертолет сел где-то за домом.

– Это он, – зашептала я Томасу, – на вертолете...

Томас понял меня с полуслова, прошипел:

– Вертолет тут ни при чем, – и потом спросил Вивиан: – Кто к вам приехал?

– Это вас не касается. Уезжайте, – ответила она.

Томас отрицательно покачал головой и быстрым шагом направился в дом.

Вивиан метнулась за ним. А я – за Вивиан.

Навстречу нам в холл – видимо, из двери, выходящей во внутренний двор, – выбежал Ричард Швайгер со словами:

- Дорогая, я привез его!

Увидел нас и будто в соляной столб превратился. Закричал – при этом щека его нервно дернулась:

- Вы что тут делаете?! – Потом обратился к Вивиан: – Зачем тыпустила в дом этих папарацци?!

- Вы журналисты? – ужаснулась Вивиан, глядя на нас.

А я-то была права! Вивиан Джемисон и Ричард Швайгер вместе!

- Охрана! – завопила Вивиан.

- Мы не журналисты, – сказал Томас и сделал шаг к Вивиан. – Вы не должны...

Но он не договорил. Откуда-то возникли два молодца в темных костюмах и очках, один набросился на Томаса, другой практически деликатно скрутил мне руки.

- Эй! – закричала я. – Вивиан, только покажите нам Петера!

Томас между тем заехал своему противнику в рожу так, что тот улетел к лестнице. Не вставая, этот громил взял рацию и пробормотал туда что-то. Поди, подмогу зовет.

Томас сказал:

- Вивиан, вы не имеете права прятать Петера... Его отец...

И тут охранник снова сшиб его с ног. А второй поволок меня к выходу.

- Вивиан! – закричала я. – Вы имеете право, вы мать, но ведь я же беспокоюсь!

Нас с Томасом впахнули на заднее сиденье «форда». К этому моменту подоспели еще двое громил. Один из них сел за руль, выкатил за ограду, проехал до поворота на другую улицу, остановился у обочины, вышел, сказал:

- Удачи.

И ушел.

Томас молча пересел на водительское кресло. Я тоже уселась вперед.

- Как глупо все вышло, – с досадой сказал он, трогая машину с места.

Я вздохнула. Что тут скажешь. И правда. Мы даже не увидели Петера.

- Зато мы узнали, что Петер у нее, – сказала я.

- Мы узнали, что она жена Гермеса и любовница Швайгера... – хмуро сказал Томас.

Не могла я кричать: «А я ведь догадалась! Я – гений!» – он был слишком подавлен. Вместо этого я сказала:

- И что Швайгер привез кого-то из Нью-Йорка! Кстати, почему ты сказал, что вертолет ни при чем, когда похититель был как раз на вертолете!

- Потому что вертолет тебе не самолет. На нем невозможно смотаться в Нью-Йорк и обратно. И где ты такое слышала?

- Но как же...

- Швайгер в Нью-Йорке, скорее всего, арендовал вертолет, так как умеет водить. Прилетел сюда самолетом. И в аэропорту, вероятно, его ждал еще один вертолет. – И он пробормотал: – Может, он не любит ездить на машине?

- Ну, все эти подробности не важны, – заявила я. – Он водит вертолет и похититель был на вертолете. И Швайгер прилетел из Нью-Йорка не один!

- Не могу же я пойти и доложить, что, по всей вероятности, Петер у матери. У меня даже нет доказательств, что она вообще его мать!

Мы вернулись в Корпорацию. Джина ушла по каким-то делам, и Томас сам засел у компьютера и стал просматривать разные документы. Потом отодвинул от себя клавиатуру:

- Ничего здесь нет... – Он повернулся ко мне. – Ты говорила вроде, что в этом году у Вивиан не

вышло ни одного фильма?

Интересно, он запомнил, потому что у него профессионально хорошая память? Или он внимлет каждому моему слову? То есть уделяет мне повышенное внимание...

Я скосила на него глаза. Он сидел и смотрел на меня так внимательно... Ой, он же ждет, что я отвечу.

- Да, - ответила я. - А в прошлом году ее ни в журналах, ни в рекламе...

- К черту базы данных, нам нужен он! - вдруг произнес Томас. - Человек, который знает все про всех и пройдет куда угодно. - Томас поднялся.

- Человек-невидимка? - вскричала я.

- Сиплый Бизон!

- Кто-кто? - переспросила я ошарашенно.

- Никогда не слышала? Самый известный радиоведущий Эл-Эй. У него в знакомых все актерские агенты ходят, а также продюсеры и даже сценаристы.

- Что же ты раньше про него не вспомнил?! - я тоже вскочила.

Томас только пожал плечами.

Хотела я сказать: «Из-за тебя мы столько времени потеряли!» Но вдруг он расхочет, чтобы я и дальше участвовала в расследовании? А ведь без меня он и на шаг не продвинется!

И я только глубоко вздохнула. А Томас уже выбирал номер в своей сотке.

- Алло. Сиплый Бизон! Привет... Нормально... А ты как?.. Хых... Есть одно дело... Подъеду минут через десять?

Он сложил телефон и сказал:

- Посиди тут. Или в кафе на крыше. Я не больше чем на полчаса.

- Я с тобой.

Понимаете, я ни разу не видела Сиплых Бизонов.

- Нет, - сказал Томас.

- Почему это? - Я уперла руки в боки и приготовилась стоять насмерть.

- Потому что он, - Томас слегка понизил голос, - женоненавистник.

- Да?

- Неудачный развод... Так что остаешься тут, - он был категоричен. - При тебе он ничего не скажет.

Томас вышел в коридор, я - за ним.

- Ерунда, - сказала я. - Мы возьмем с собой этого... ну, как там, телепуна... Телепасю...

- Телепата? - Томас остановился. - Ты ошиблась. Джина же сказала...

- А это кто, по-твоему? - я указала пальцем на давешнего паренька.

Тот все так же сосредоточенно печатал на компьютере.

- Ты только посмотри, какие у него глаза! Бр-р! - прошептала я Томасу и, шагнув к парню, уже громко сказала: - Извините...

Он поднял голову - глаза сияли как желто-зеленые фонари. Томас разулыбался чего-то. А я сказала парню:

- Извините, вы ведь телепат?

- Нет, - ответил он удивленно.

Но я не отступила - меня скрытничеством не проведешь! - и спросила:

- Тогда как вы узнали, что я искала Джину?

- Вы же сами спросили...

- Что я спросила?

- Где Джордж...

- Извини нас, - сказал Томас и за локоток отвел меня в сторону. - Джордж - это и есть Джина.

- Что-о? - я вытаращила глаза.

- Ну, как доктор Джекил и мистер Хайд...

- Кто-о?

- В общем, меняется каждый час. То он. То она.

- Но как же он... живет?

Кажется, я вопрошала слишком громко, потому что на нас стали оглядываться, и Томас потащил меня к лифту. А я продолжала спрашивать:

- А у него есть муж или жена? А родители его знают?

- Они до сих пор думают, что у них близнецы - сын и дочь, - раздался за моей спиной голос Джинны.

Как неловко получилось!

- А свою вторую половину я до сих пор не встретил, увы, - она состроила печальную мину, а потом весело сказала: - Так что приходится встречаться со своим парнем только в девичьи часы.

- Он не знает? - не удержалась я.

- Я не люблю сложностей, - беззаботно ответила Джина. - Поэтому - конечно нет.

Понимаю. Я тоже не люблю сложностей.

- Продвигается расследование? - спросила она.

- Потихоньку, - ответил Томас.

- Обращайтесь, - она нам махнула и пошла к столам.

- А ты куда? - спросил Томас, когда я тоже вошла в лифт.

- К Бизону. Скажем ему, что я тоже из Джекилов-Хайдов, а значит, не совсем женщина.

- Ты не поедешь.

- Это дискриминация по половому признаку!

- Хорошо. Ты туда не поедешь, потому что ты няня.

- Это дискриминация по профессиональному признаку!

- Да, - сказал Томас и вышел из лифта, потому что мы уже приехали на первый этаж.

Глава 7

Когда мы ехали по городу, я увидела на автобусе плакат: Швайгер рекламировал какой-то банк. И на шее счастливо улыбающегося режиссера красовался тот самый шарф в шоколадно-синюю полоску! Я так сильно толкнула Томаса под локоть, что он едва не въехал в режиссерское лицо. Зато увидел. Произнес только:

– Надо же! – и нахмурил брови.

Этот самый шарф, а также разлохматившийся сверток с деньгами мы оставили в сейфе в Корпорации.

Бизона я представляла почему-то пожилым пузатым дяденькой, а он оказался двухметровым молодцем с небритой мордой. Женоненавистничество его проявлялось в том, что он буквально прожигал взглядом мои колени, будто хотел выжечь на них свои инициалы, например.

Он гоготал поминутно и одну за другой жевал сигареты. А голос его был таким сиплым, будто у него в горле застряла одна из них.

Представился он мне как:

– Джон-Бизон. – Тут же убежал обратно за стекло, где шел радиоэфир, прохрипел в микрофон: – Оставляю вас на Мерфи, мои козлятки, – и снова вернулся к нам.

Мерфи, здоровенный негр в клетчатом шарфе, энергично загомонил в свой микрофон что-то о вечной проблеме, с кем провести вечер, и о том, что у тех, кто сейчас на волне Радио Эл-Эй-Бизон, нет проблемы, что слушать, потому что он ставит самую хитовую композицию всех времен и народов и особенно нынешней недели... Тра-та-та, тра-та-та...

– Твоя подружка тебе совершенно не подходит, – заявил в это время Бизон.

Я спросила:

– Почему это?

А Томас ответил:

– Алисия мне не подружка.

– Тем лучше, – сказал Томасу Бизон, мой вопрос при этом проигнорировав.

Я собиралась было изобразить возмущение, мол, ау, я здесь, я тоже человек и могу быть собеседником! Но Бизон уперся в меня взглядом и с наглой ухмылочкой сказал:

– Тогда что ты делаешь сегодня вечером, крошка? У меня есть билеты. Пойдем?

Нет, ну до чего же сильные эмоции вызывают у меня вот такие наглецы – я просто таю. Да с ним хоть на край света!

– Куда билеты? – услышала я сердитый голос Томаса.

– Что? – переспросила я.

– В кино, театр... – не обращая внимания на Томаса, сверлил меня глазами Бизон: – Куда пожелаешь, Алисия.

Ах, как он произносит мое имя! И какой шикарный мужчина, боже мой. Как его глупая жена могла с ним развестись? Из-за чего? Он же безумно обаятелен!

– Отлично, – сказала я, чувствуя, что расплываюсь в улыбке.

– Вообще-то я сказал Алисии, что ты человек, который везде вхож, и поэтому можешь нам помочь...

– Так и есть! – сказал Бизон. – Вспомнил, сегодня вечеринка у Сары Джей. Ну как?

– У Сары Джей? – не поняла я.

– У Сары Джей Маркер, конечно же...

– Я не о том, Бизон, – строго сказал Томас.

– Зато я о том, – ответил прекрасный Бизон и подмигнул мне.

- Алисия, - воззвал ко мне раздраженно Томас. - Мы же пришли узнать о Вивиан Джемисон!

Ох. Совсем у меня голова закружилась! Что это я!

- Там и Джемисон будет, - сказал Бизон.

Я сделала как можно более серьезное лицо - и кажется, у меня что-то и получилось, потому что Бизон посмотрел на меня с недоумением, а потом спросил с сочувствием:

- Зуб заболел?

- Что? - сказала я.

- Я отвезу тебя к лучшему дантисту, детка. Прямо сейчас. Такое нельзя откладывать.

- Нет-нет-нет! - отмахнулась я испуганно.

- Не бойся. Я сам - только к нему! И смотри! - Он улыбнулся, демонстрируя бело-голубую, блестящую, как лучшая сантехника, улыбку. - Он лечит совсем без боли. Вот увидишь.

- Да не болит у меня ничего! - закричала я.

- Да не думай, я все оплачу, - слегка огорченно просипел Бизон.

Томас протяжно и обреченно вздохнул.

- Мы по делу, - сказала я твердо.

- Для тебя я наизнанку вывернусь, - пообещал Бизон и взял меня за руку.

- Вивиан Джемисон, замужество, ребенок, - проговорил мне на ухо Томас.

- Бизон, - сказала я. - Вы не знаете, у Вивиан Джемисон есть ребенок?

- Если и есть, - горячо заговорил Бизон, - то я тут ни при чем. У нас всегда были чисто дру...

- Я знаю, что вы ни при чем, - отрезала я. Ну до чего же он односторонне все воспринимает! Но, выходит, о ребенке он ничего не знает.

А Бизон между тем продолжал:

- Настолько дружеские, что почти всю первую половину этого года мы не виделись. Она сказала, что болеет какой-то свинкой-ангинкой или чем еще... Но, мол, для других это опасно... Я приходил ее проведать, а она мне и носа не показала. Зато я видел ее нового камердинера или как там их, дворецкого...

Мы, разумеется, не останавливали его, так как он наконец-то начал говорить нечто не просто разумное, а как раз таки самое нам интересное. А он - видимо, по привычке балаболить в микрофон с утра до ночи - и не думал сам останавливаться.

- Да только я сразу просек, что никакой он не дворецкий, - самодовольно сказал Бизон.

- А кто? - сорвалось у меня.

- Хы, ясное дело. Только я не понял, чего она его скрывает. Может, он из знати какой - английской там...

- Может быть, - так глубокомысленно сказал Томас, что мне сразу стало понятно: всего лишь притворяется, что версию Бизона воспринимает всерьез. А потом Томас небрежно добавил: - А как он выглядел, любопытно?

- Смазливый такой мужичок, - с презрением сказал Бизон. - Усики холеные, лицо загорелое, волосы светло-русые... Думаешь, усы наклеенные? - произнес он задумчиво.

- Вполне возможно, - сказал Томас, а сам посмотрел на меня и поднял брови.

Гермес жил у Вивиан. И Вивиан была затворницей, потому что скрывала свою беременность. М-да.

- Так ты пойдешь со мной на вечеринку? - Бизон все еще держал меня за руку, я и не замечала.

- Пойдет, - сказал Томас.

Что? Я округлила на него глаза.

- Отлично, детка, - Бизон поцеловал мне руку. - Куда за тобой заехать?

- Я завезу ее сюда, - ответил Томас.

- К девяти, - сказал Бизон. - Не люблю являться рано, когда все трезвые и скучные. Хы-хы.

Мило. Я почувствовала себя рабыней на невольничьем рынке. Хотя... рабынь не приглашали на голливудские вечеринки.

Когда мы вышли, я спросила Томаса:

- Почему ты сказал, что Сиплый Бизон ненавидит женщин?

- Потому что если б я сказал, что он их любит до умопомрачения, ты бы не поверила.

Мы сели в машину, Томас завел мотор.

- Так, - сказал он. - Тебе нужно вечернее платье. И, вообще - к стилисту.

- Да? Хорошо. А зачем я иду на вечеринку, не сообщишь? Вивиан меня съест.

- Не попадайся ей на глаза. А вот она, как и ее режиссер, должна быть в твоём поле зрения, в то время как я заберусь к ним в дом. И если они соберутся домой, ты постарайся их задержать.

Хотела я было сказать - почему бы не наоборот и почему ему достается самая важная часть работы? Но, положив руку на сердце, скажите, что бы вы предпочли: тусоваться на звездной вечеринке или залезать в чужой дом? Поэтому я смиренно ответила:

- Ладно... Ты что же, хочешь украсть у нее Петера?

- Да.

- Но она же его мама!

Томас сказал сухо:

- Формально у тебя, а значит, и у Корпорации, договор с Гермесом. Разумеется, если он забрал ребенка незаконно, предстоит разбирательство. Если Вивиан забрала ребенка незаконно, тоже требуется разобраться. В любом случае они не имели права вводить в заблуждение служащих Би-Би-Си.

Мы подъехали к Корпорации.

- Конечно, - сказал Томас, - лучше бы ты его забирала, меня он почти не знает. Разревется еще. Ну ничего. В Корпорации ты его встретишь.

Боже, боже мой. Я - под руку с самым шикарным мужчиной (а Бизон чудо как хорош в смокинге!) - захожу в самый шикарный дом на свете! Вокруг толпятся голливудские звезды... Не хватает только красной дорожки и вспышек фотокамер. И тогда я просто потеряю сознание от восторга.

А и правда, меня во всем блеске что же, никто не сфотографирует? Кэтрин же не поверит, когда я ей все расскажу. Хотя, пожалуй, поверит - она верит всем подряд! Был у нее как-то парень, который никогда за себя не платил: ни в кафе, ни в кино - даже попкорн не покупал (я уж молчу о том, чтобы он заплатил за нее). Объяснял он это тем, что ему его странная религия не позволяет пользоваться деньгами. И она платила за него полгода, пока однажды не увидела, как он покупает себе дорогущую игровую приставку! (Видимо, как раз на сэкономленные деньги.)

- А нас будут фотографировать? - спросила я у Бизона.

- Это частная вечеринка, - сказал он мне на ухо.

- И что это значит?

- Значит, нет... Ты гляди, какие у нее буфе... - он не договорил и виновато взглянул на меня.

- Мощные буфера, - сказала я.

- Извини, - сказал он. - Твои несколько не...

- Не надо, - я предостерегающе подняла руку. Не хватало только, чтобы он начал обсуждать мои анатомические особенности.

Мы прошли в высокие стеклянные двери, ведущие из холла в бескрайнюю гостиную. Здесь

толпились шикарные люди и звучала музыка.

Поснимать все это великолепие тайком на телефон, что ли? Так еще за папарацци примут. Я передернула плечами, вспомнив истошные вопли Швайгера.

Меня легко толкнули и произнесли:

– Извините...

Обернулась: с дамой в серебристом платье удаляется Орlando Брум.

– Бизон, ты видел? – прошептала я.

Но Бизона уже рядом не было. Гляжу, он как хвост прилепился к той грудастой блондинке и что-то плетет ей на ухо.

Так. Главное, не попасться на глаза Вивиан Джемисон или ее хахалю. Но где они? Пришли или нет?

Пройдусь оценю обстановку. Чувство, что я Золушка, попавшая на бал, сменилось чувством, что я шпион во вражеском стане. Ага. Вон за тем кустом можно надежно укрыться в случае чего. А по лестнице убежать на второй этаж от преследователей. Что там на втором этаже? Балкон. С него можно прекрасно нырнуть в бассейн, светящийся лазурью прямо под ним.

Я даже забыла, что плохо плаваю, а уж нырять, да с такой высоты, и подавно не смогу. Хотя что такое ныряние? Главное, плюхнуться в нужную точку – в данном случае не мимо бассейна. А так как он огромный, то это мне не грозит. Отлично. План бегства готов. Но от кого убежать-то? Что-то ни Вивиан, ни Швайгера не видно!

Заливисто смеясь, мимо прошла Кристен Стюард. Томас был бы счастлив. Интересно, как он там? Позвонить ему на сотку, что ли? Черт, телефон почти разрядился. Пожалуй, только на один звонок хватит... Ладно, он поди еще и внутрь дома не пробрался, а значит, новостей никаких нет. Позвоню попозже.

Знаете, что я поняла про шпионов? Они самые одинокие люди на свете. Вокруг сплошь знакомые лица: вон Антонио Банделос стоит у окна с бокалом в руке, вон прошли, болтая, Риз Уизерфорд с хозяйкой дома Сарой Джессикой Маркер и чуть не вприпрыжку (несмотря на его годы) промчался Стив Марчин, крича какой-то даме в розовом платье:

– Постой, Анабель!

И несмотря на то, что все они были знакомы мне, я не была знакома никому. И не с кем было даже обмолвиться словечком. Не подойдете же вы к Кэри Перри, например, со словами:

– Ты не представляешь, кого я сейчас видела!

А она в ответ:

– А ты не представляешь, кого я вижу двадцать четыре часа в сутки!

Ну и кто после чьих слов выпадет в осадок?

Я взяла бокал с шампанским у проходившего мимо официанта и, попивая, пошла вдоль огромных окон... И вдруг очутилась прямо перед полным яств столом: чего там только не было! (Ну, мне так кажется. Потому что понять, что это за еда, было невозможно – казалось, на блюдах выстроились миниатюрные игрушки. Но они были такие затейливо-разнообразные!) А я ведь с обеденного перекуса в Корпорации ничего не ела – и то это был один хот-дог! Бросила быстрые шпионские взгляды по сторонам: ни Вивиан, ни Швайгера. Можно спокойно пожевать.

Так, что это? Похоже на э-э... на бутон хризантемы. М-да. Я понюхала – и пахнет как хризантема... Ну что ж...

– Не ешьте, это украшение, – тихо сказал мне кто-то на ухо.

– Вообще-то здесь все как украшение, – машинально ответила я и обернулась.

Рядом стоял Роберт Дони!

– Это правда, – сказал он и положил себе на тарелку каких-то финтифлюшек. – Сам на этом не раз горел.

Он схрумкал одну финтифлюшку:

- Вполне съедобно. Похоже на соленое пирожное, - он еще пожевал. - С кусочками м-м... Какой-то рыбы... Или курицы?

Я хихикнула, нерешительно взяла финтифлю, подержала и положила на свою тарелку. Не жевать же при Роберте Дони!

Он накладывал себе разные закуски.

О чем бы с ним поговорить? В голове было абсолютно чисто, будто кто-то провел там генеральную уборку. О кино? О каком? О... э-э... «Человеке-муравье»? Нет, это не его...

Его тарелка была полна, и он, похоже, уже собирался удалиться.

- Не правда ли, сегодня хорошая погода? - сказала я первое, что пришло в голову. (Так разговаривала одна дамочка в фильме про английских аристократов.)

- Да, правда, - ответил он, усмехаясь.

В фильме дамочка потом сказала, что прекрасно было бы поиграть в крокет. Но сейчас, боюсь, это не подошло бы.

- Да, и это хорошо... - подхватила я. - Потому что иначе вашим поклонницам было бы тяжело ждать вас под дождем... - О, как я вывернулась! Ну, разве мы не разговариваем как старые знакомые? И я пояснила, видя, в каком замешательстве он на меня смотрит: - Я сегодня проезжала мимо вашей виллы...

- А-а, - сказал он.

- Они там стояли.

- Ну да.

Черт, что-то разговор не завязывается. Кажется, я готова скатиться к вопросам типа: «А где вы сейчас снимаетесь?» Нет, вот у дантиста же не спрашивают: «Над чьей челюстью вы сейчас работаете?»

- А где вы сейчас снима...

- Вивиан! - с явным облегчением воскликнул мистер Дони и махнул свободной рукой.

Что?! Вивиан? Я замерла.

- Привет, - раздался за моей спиной довольный голос Джеемисон.

Так. Надо потихоньку... Боком-боком...

- А мы тут тарталетки пробуем с мисс... э-э... - вопросительно посмотрел на меня Дони.

Сбоку подошел еще один проголодавшийся - неизвестный мужчина. Я оказалась заперта со всех сторон. Через стол, что ли, сигануть?

Дони все смотрел на меня, ожидая, что я назовусь. Вивиан дышала в затылок, ожидая, видимо, что я повернусь. Мужчина тянулся к столу, поглядывая на нас всех, его одеколон не давал дышать.

И я ускользнула... вниз - колени и так подгибались, осталось только дать им волю. Мой зад толкнул Вивиан, и она, взвизгнув, полетела вперед, а так как я метнулась под стол, она улетела на Дони.

Я, лихорадочно работая руками и ногами, на четвереньках уползала под столами все вперед и вперед. Проползла так стола три-четыре - и столы кончились. Я раздвинула складки скатерти и выглянула наружу.

Перед моими глазами были чьи-то брюки. Черт. Справа еще брюки. Слева - атласный голубой подол. Да у них что, дома еды нет? Пришлось ринуться между брюками и брюками.

- Ай, - обе пары брюк отпрыгнули в стороны. Я быстро поднялась на ноги и, не оглядываясь, едва не бегом отправилась прочь.

Господи, какой позор! Ой, еще и колготки разорвала! Знала бы, что мне предстоит, купила бы не платье, а солдатский наряд. Или как там у них называется - форму, вот. Мне бы пошел травянисто-зеленый цвет, кстати.

Дошла до колонны и только тут перевела дух. По крайней мере, Томас может спокойно бродить по их вилле - Вивиан домой пока не собирается. Я выглянула, как там обстановка. Ничего, Вивиан

хохочет вместе с Дони. Видимо, падение ее только обрадовало. Что ж, меня бы тоже обрадовало, учитывая плацдарм приземления.

А где же Швайгер? Я шла и вертела головой так, что через минуту у меня заболела шея. Позвоню-ка Томасу. Как он там?

Томас не брал трубку. Наверное, руки заняты – держит Петера. Перезвоню.

Вокруг раздались аплодисменты. Все смотрели в сторону небольшой эстрады. Да это же Швайгер! Вышел к микрофону. Рядом стоит и улыбается какой-то старый дядька со смутно знакомым лицом. На голове у дядьки ковбойская шляпа, в руках гитара, а костюм расшит блестящими узорами.

– Дамы и господа! – воззвал Швайгер. – Прошу приветствовать – Билли Тэксес!

Тэксес? Мама всю жизнь его слушает. На обложках ее пластинок он гораздо привлекательнее. И моложе. Видела бы она, какой он стал, может, перестала бы так его превозносить.

Все зааплодировали еще громче. Тэксес подошел к микрофону:

– Спасибо. Добрый вечер. Ваши аплодисменты – Швайгеру Ричарду, который сумел уговорить меня приехать.

Все снова захлопали. Я во второй раз набрала Томаса. Гудки, гудки...

– Да, – засмеялся Швайгер. – Билли стал домоседом и наотрез отказывался...

– Вначале даже послал его, – сказал Билли.

Все засмеялись. В телефоне наконец-то раздался голос Томаса:

– Да.

– Томас, – зашептала я и вышла из толпы. – Как дела?

– Отлично. За один рукав меня держит кухарка... Как вас зовут? Не хочет говорить... А за другой – охранник, кажется Дэйв... Ай! – И связь оборвалась.

Что? Он попался! Ох! Но почему? Он же агент! Он не должен попадаться!

В это время Тэксес говорил:

– Но когда он сказал, у кого будет вечеринка, – он чуть поклонился – видимо, там стояла Маркер, – предложил подвезти меня в аэропорт и из аэропорта на вертолете – лично... – Он покивал и пробренчал аккорд на гитаре.

Зал зааплодировал, кто-то засвистел с восторгом, кто-то крикнул:

– Давай, Билли!

– К тому же оказалось, – продолжал Тэксес, – что он не хуже меня хлещет ирландский виски... Я угостил его, да, несмотря на то, что он говорил, что ему предстоит деловая встреча... Ричард, встреча прошла нормально, а?

– Отлично! – пробасил Ричард.

– Я же говорю, он молоток!

Все засмеялись. Билли начал петь.

Погодите... На вертолете? Он привез Тэксеса, а не Петера?! Значит, Томас зря... Как вытаскивать Томаса?

Бизон. Где этот остолоп? Слава богу, с таким ростом его видно за версту: стоит прям возле эстрады в обнимку с блондинкой. Кажется, это он свистел и кричал.

Я проталкивалась через толпу к нему, бормоча «извините» и наступая на чьи-то ноги. И вдруг кто-то вцепился мне в плечо:

– А ты тут откуда?! – На меня тарашилась Вивиан. – Грязные журналисты!

Мне это надоело.

– Я не журналист! – сказала я, перекрикивая кантри. – Я няня Петера!

- Что? – удивилась Вивиан, округлив глаза еще больше, так, что наклеенные ресницы легли вокруг них, как лепестки ромашки. Потом она вскричала радостно: – Петер где-то здесь?

Ну вот, я же с самого начала знала, что она его мать!

- Его сегодня украли, – сказала я.

- Кто украл?

- Я думала, вы!

Ее рот вдруг плаксиво скривился и закричал:

- Гермес никогда не смотрит за ребенком! Идиот!.. – Дальше пошла сплошная нецензурщина. Лучше я вам скажу, что ее заглушила музыка Билли Тэксеса. Потому что часть слов, которые выкрикивала Вивиан, я даже не знаю.

Вивиан потащила меня в сторону холла.

- Это гарпии? – вдруг страшным голосом завопила она.

По-моему, нас и в зале слышали.

- Нет, нет, – успокоила я ее. – Точно не они. Это днем было.

- Это ты его проглядела?

Черт.

- Да. – Я отвернулась.

- Глупая мартышка! И тебе доверяют детей!

Она права. Возможно, если бы я была опытнее или внимательнее...

- Мы его ищем, – поспешила сказать я. – То есть, агент Дабкин.

- Дабкин? Это который с тобой был утром?

Ой. Я же забыла о Томасе. Его там, наверное, совсем прибили.

- А он сейчас у вас в доме, – проговорила я. – Мы думали, там Петер...

- И хотели его выкрасть?!

- Ну... Вы не могли бы сказать своим охранникам, чтобы они его отпустили?

- Еще чего. Поехали. Пусть он мне все расскажет.

У нее зазвонил телефон. Она приложила трубку к уху:

- Алло. Дэвид... Да, да... Я уже знаю... Нет. Не звоните в полицию. Ждите меня. Я сейчас приеду.

Мы ехали в ее новехонькой крутой машине.

- Выходит, все, что вы смогли придумать, – это что Петер у меня?

- Да, – я виновато потупила голову. Но тут же воспрянула духом. Передо мной человек, который может дать важные показания. – У вас или у мистера Олимпуса есть враги?

Вивиан обдала меня ледяным взглядом:

- Насколько я поняла, ты всего лишь нянька? Да еще и нерадивая. Так что нечего изображать из себя детектива. – Она вынула сигареты из сумочки и закурила, приоткрыв окно.

Томас сидел на высоком барном табурете на кухне. Под глазом у него расплывался кровоподтек. Бедняга.

Он увидел меня и Вивиан, и его брови-полоски удивленно вскинулись.

- Идемте в гостиную, – сказала ему Вивиан.

Охранник, сидевший на стуле у стены, поднялся.

- Нет, - движением руки остановила его Вивиан. - Не беспокойтесь, Дэвид. Ваша помощь не понадобится.

- Как же ты попался?! - шепотом спросила я Томаса, когда мы шли по коридору за Вивиан в гостиную.

- Мой сотовый зазвонил, когда я пробрался на второй этаж.

- Да что за идиот... - сказала я и осеклась. - Извини, я...

- Сам виноват. Надо было его выключить.

- Глаз очень болит?

Он осторожно потрогал щеку:

- Ничего...

Мы с Томасом уселись на тот же диванчик, на котором сидели утром. Вивиан никуда не села, она встала напротив, переплетя руки на груди, и спросила:

- Как пропал Петер? И где Гермес?

Томас поднялся, подошел к ней и сказал тихо:

- Миссис Джемисон, Гермес исчез. Оставил Петера няне и сбежал в неизвестном направлении. Петера похитили из гостиницы, из закрытой комнаты на одиннадцатом этаже.

Вивиан как подкосило, она плюхнулась в ближайшее кресло.

- Кто же это мог быть? - зарыдала она.

- Не думаю, - сказал Томас, - что обычным людям удалось бы отследить перемещения Гермеса Олимпуса, а значит, и Петера. Это мог сделать или кто-то из особенных, или человек, знавший Олимпуса досконально - его привычку останавливаться в «Ритце», например.

- Гермес ни с кем из людей не водился, - сказала Вивиан.

Томас покивал.

- Похититель потерял шарф, такой, какой у мистера Швайгера на плакате, - в коричнево-синюю полоску. Он, случайно, не пропал?

Вивиан сначала пожала плечами, потом вскочила и побежала к вешалке у двери. И вытащила из рукава светлой замшевой куртки тот самый шарф.

- Значит, купил такой же, - сказал Томас.

- Вы подумали на Ричарда всего лишь из-за шарфа? - пренебрежительно подняв верхнюю губу, произнесла Вивиан.

- И из-за вертолета, - сказал Томас виновато.

- Но он же сказал вам, что не был в «Ритце»! - возмутилась она.

Томас сказал:

- Кто-то хотел, чтобы мы думали на Швайгера. Кто-то, у кого много денег и, скорее всего, есть сверхспособности.

- От ваших предположений легче не становится, - сказала Вивиан.

- Извините, - сказал Томас.

- Он очень успел его вырастить? - спросила Вивиан.

- Простите? - не понял ее Томас.

- Этот мерзавец хотел вырастить Петера поскорее. Пичкал его амброзией, как у них принято.

- Когда мистер Олимпус привез Петера, ему было полгода. И я дала ему амброзию один раз - ему

стало где-то год, – ответила я.

Вивиан вздохнула:

– А я хотела, чтобы он подольше оставался маленьким... – Она снова зарыдала.

– Поэтому он его у вас... забрал? – спросил Томас.

– Да. Вчера ночью. И я ничего не могла поделать. Ведь за ним ни один детектив не угонится.

– Но почему он оставил Петера няне и сам сбежал? – задумчиво проговорил Томас.

– Не знаю, – сказала Вивиан удрученно. – Он почти ничего о своих делах мне не рассказывал. А на работе его тоже нет?

– Нет, – ответили мы хором.

А я добавила:

– И его отец очень злится.

– Зевс, – хмуро кивнула Вивиан.

– Он вас, кажется, не очень любит, – сказала я.

– Он злится, что я хочу воспитывать Петера не по их правилам.

– А мне показалось, что ему на Петера наплевать, – сказала я и обратилась к Томасу: – Помнишь, когда мы ему сообщили, что Петер пропал?

– Угу, – подтвердил Томас.

– Богов не поймешь, – неприязненно передернула плечами Вивиан.

Мы услышали, что к дому подъехала машина.

– Это Ричард, – сказала Вивиан. – Он не в курсе, кто Гермес на самом деле, так что...

Томас и я кивнули.

– Ох, ну я и дура, – вдруг спохватилась Вивиан. – У меня же есть... Куда же я его задевала? – Она вскочила и побежала по лестнице.

В холле хлопнула входная дверь, и раздался голос Швайгера:

– Дорогая!

Режиссер появился в проеме и увидел нас:

– Вы?! Опять? Какого черта?

– Нас пригласила ваша жена, – сказал Томас.

– Мы же с ней договаривались! – вспыхнул Швайгер. – Где она сама?

– Ушла на второй этаж... – сказал Томас.

– ...за семейными фотографиями, – договорила я.

– А фингал у тебя откуда? – спросил Швайгер Томаса, по-хозяйски устраиваясь в кресле.

– От верблюда, – ответил Томас.

В этот момент на лестнице показалась Вивиан. В руках она несла старинный телефонный аппарат, на лице ее была довольная улыбка:

– Он оставил его на тот случай, если срочно понадобится. Сказал, и под землей, и в небесах...

Она поставила аппарат на кофейный столик.

– Вивиан, мы же договаривались, что не будем делать прессе никаких заявлений о нас... – сказал Швайгер.

– А мы и не делаем, – сказала Вивиан. – И они – вовсе не пресса.

- Тогда что здесь происходит? - вскричал Швайгер.

- Можно, я объясню тебе все позже? - мягко сказала Вивиан.

- Нет, - сказал Швайгер.

- Как хочешь, - спокойно сказала Вивиан.

И стала крутить диск.

Швайгер посмотрел на нее, как на сумасшедшую:

- Ты не хочешь подключить его к сети? - спросил он.

И правда! Но ведь у телефона и провода никакого не видно! Чем подключать-то?

- Он беспроводной, - сказала Вивиан.

- Хм... Почему нет, - тут же успокоился Швайгер и стал рассматривать аппарат. - Любопытная модель...

- Алло, - произнесла тут Вивиан, и все мы трое наострили уши, как собаки на охоте.

А из телефона вдруг выдвинулся вверх небольшой плоский экран.

- Отойдите, отойдите, - зашептала Вивиан, махая на нас рукой.

Томас утянул меня, Вивиан пнула под колено непослушавшегося Швайгера - он отпрыгнул, ругнувшись.

А из аппарата раздался знакомый голос Гермеса:

- Вивиан... Что случилось?

Вивиан положила трубку и сказала в экран:

- Ты где?

- Ты одна? - прозвучало в ответ настороженно.

- Да, - ответила Вивиан.

- Что тебе нужно?

- Петера похитили у няни, которой ты его отвез, - сказала Вивиан.

- Что?! - разлетелся по комнате истеричный вскрик, но потом Гермес более спокойным голосом спросил: - Откуда ты знаешь?

- Алисия тут, - и Вивиан сделала мне знак.

Я подошла: на экране был бледный Гермес. В какой-то комнате с полосатыми обоями. Непохоже, чтобы это было «на небесах или под землей».

- Когда? - спросил Гермес.

- Сегодня утром, - ответила я.

- Было уже светло? - спросил он.

- Да, - я поняла, что он подумал про гарпий.

- Корпорация уже его ищет? - спросил Гермес.

- Да. - Томас обогнул столик и заглянул в экран. - Здравсьте.

- Да ты совсем не одна, Вивиан, - сказал Гермес.

- Вот именно, - к экрану вышел и Швайгер.

- Все еще с этим хмырем? - процедил Гермес.

- Послушайте, - сказал Томас Гермесу. - Сейчас не об этом. Кто мог позариться на способности Петера?

- Да кто угодно, - ответил Гермес.

- Кто о нем знал? Кого из знакомых вы встречали в последнее время? - спрашивал Томас.

- Если это они, - еще более встревоженно пробормотал Гермес сам себе, - то они бы со мной давно связались. Иначе какой резон...

- О чем вы? - Томас склонился к экрану.

- Эта телефонная частота тайная. Но кто знает... Поговорим лучше при встрече, - сказал Гермес. - Где было наше первое свидание, Вивиан.

- Что? - возмущенно закричал Швайгер. - Еще чего не хватало!

Но Гермес только чуть поморщился, вынул из кармана и развернул большую бумажную таблицу. Пару секунд она закрывала экран, потом Гермес отбросил ее в сторону и досказал:

- Через полтора часа. Думаю, господин из Корпорации сможет это организовать.

Томас кивнул.

Рука Гермеса протянулась к самому экрану - видимо, чтобы выключить. Потом на секунду задержалась.

- Смотрите, чтоб за вами не было хвоста, - сказал мистер Олимпус, после чего экран погас.

В тот момент когда Гермес приблизился к экрану, на его старинном шейном платке, завязанном непонятно каким пышным узлом, сверкнул зажим для галстука с розовыми бриллиантами.

- Первое свидание, - проворчал Швайгер. - Что за корпорация?! ФБР? - он повернулся к Томасу.

- Вроде того, - сказал Томас. - Полагаю, мистер Швайгер останется дома? - Он внимательно посмотрел на Вивиан.

Не успела та ничего ответить, как Швайгер категорично заявил:

- Без меня Вивиан к нему не поедет.

- Когда на человека сваливается много лишней информации, он, бывает, не может ее переварить, - сказал Томас, как бы ни к кому не обращаясь.

Но я поняла, что этот намек адресован Вивиан.

- Мы с мистером Швайгером помолвлены, - сказала она.

- Тогда понятно, - сказал Томас.

- Я же просил пока не разглашать этого, - накинудся на Вивиан Швайгер.

Вивиан только холодно пожала плечами.

- Куда мы едем? - спросил ее Томас.

- Да, где, интересно, проходило первое свидание с этим твоим эксом? - спросил Швайгер. - В какой-нибудь киношке?

- На Эйфелевой башне, - ответила Вивиан и с сомнением обратилась к Томасу: - Это возможно? Всего за час?

Томас подумал с секунду - пока Швайгер скрипел зубами - и сказал:

- Да.

- Интересно, как? - спросил Швайгер. - Может, мы на НЛО полетим?

Швайгер угадал.

Ну, почти.

Глава 8

Потому что до станции НЛО еще надо было добраться.

– Сначала на Аляску, – объявил всем нам Томас.

Я сразу поняла, о чем он. Вивиан привыкла ничему не удивляться. А Швайгер спросил:

– И что вы там забыли?

– Так быстрее доедем, – сказал Томас.

– До Парижа? – уточнил режиссер.

– Ну да, – сказал Томас.

– Только надену более удобные туфли, – сказала Вивиан и переобулась в туфли на точно таких же шпильках. Ну разве что в более темные.

– В Париже может быть прохладно, – сказал ей Швайгер.

Аляску он, видимо, не принимал во внимание, приняв за шутку.

Вивиан взяла трикотажную кофту с комода. Потом взглянула на меня, стянула с рогатой вешалки джинсовый жакет и кинула мне:

– Дарю.

– Спасибо, – пробормотала я смущенно.

Томас первый, спеша, вышел из дома, мы последовали за ним.

– Может, я поеду и возьму билеты на самолет? – предложил Швайгер.

По лицу Томаса я увидела, что его одолевает искушение ответить «да» и тем самым избавиться от ненужного попутчика. Но слишком Томас порядочный.

– Спасибо, – сказал он. – Но на самолете будет слишком долго.

Он подошел к своему ржавому «форду» и открыл дверь:

– Прошу... – И пояснил мне: – Механики в Корпорации закончили ремонт двигателя. И теперь он работает во всю мощь – все три скорости в нашем распоряжении.

– Мы поедем еще быстрее, чем утром? – с опаской спросила я, даже не решаясь залезть внутрь.

– Гораздо! Мы просто полетим! – довольно крикнул Томас, завел мотор и включил фары, которые высветили каждый лист кустарника, росшего у сломанного теперь фонтана.

О боже. Я уселась рядом с Томасом. Пристегнула ремень. Проверила его раза три – крепко ли пристегнут.

Швайгер, сидевший рядом с Вивиан на заднем сиденье, сказал:

– И куда мы едем? В аэропорт?

– Я же сказал – на Аляску, – отозвался Томас и дернул красную ручку.

Я зажмурила глаза, потому что не хотела видеть, как на меня летит забор. И жмурила их долго, наверное минут пять, – в полной тишине, почему-то царившей в салоне: в смысле, никаких испуганных охов и ахов позади не слышалось – то ли у людей искусства железная выдержка, то ли они перепугались больше моего и валяются в обмороке. Но тут Томас сказал:

– Приехали.

Слава богу, не заработало. Не дочинили они там чего-то в Корпорации. Вот молодцы!

Но вместо двора Вивиан Джемисон вокруг была припорошенная снегом равнина с редкими пучками сухой травы, а на горизонте виднелись малиновые от заката горы. (И это уже третий закат сегодня! Как быстро мы успеваем переместиться – быстрее солнца!)

– Ну ни фигя себе! – раздался позади крик Швайгера.

Не в обмороке. Видимо, они просто не успели напугаться за эти несколько минут.

– Ну как? – спросил меня Томас.

– Не понимаю, – растерянно сказала я. – Это волшебство?

– А как тебе больше нравится? – спросил он.

– Не знаю.

– Это антиграв, антигравитационная скорость, – пояснил он. – Почти телепортация. Но действует только над ровными твердыми поверхностями, над шоссе к примеру.

– Мы промчались по шоссе?! – не поверила я.

– Над шоссе. Метрах в трех над землей. Удобно, если не хочешь столкнуться с другими машинами. – Томас покрутил какие-то регуляторы, снял с крючка теплую куртку. – Сидите, я включил печку. А я сейчас.

– Я с тобой, – сказала я.

– Ты замерзнешь, – ответил Томас. – Я только скажу, чтобы открыли ворота.

Он ушел, снег скрипел под подошвами его ботинок. Окна уже запотели, и я, наклонившись, потерла стекло с водительской стороны, чтобы посмотреть, откуда тут возьмутся ворота, – но Томас будто исчез, только снег и снег, и камни отбрасывают сизые тени.

Вокруг совсем тихо. И в машине молчание. Мне это не понравилось. Я повернулась к Вивиан и Швайгеру с намерением поболтать о том о сем и начала:

– Скажите, мне вот всегда хотелось знать, почему известные люди всегда скрывают свои отношения?.. Ну, что они там помолвлены или встречаются?

– Потому что у Ричарда есть невеста, – сказала Вивиан.

Ого. Ну что тут скажешь. Я молча отвернулась. И зачем я подняла эту тему?

Зато Вивиан продолжила:

– И он ее боится. Да, милый?

А это что-то. Я посмотрела на Швайгера. А он сказал:

– Я никого не боюсь.

– Кроме Мици, – сказала Вивиан.

– Она драчунья, – пробормотал Швайгер.

Вивиан усмехнулась.

Наконец совсем рядом раздался звук шагов, это был Томас. Он сел за руль, включил дворники. И я увидела всего в нескольких шагах слева ворота – красивые, чугунные, со всякими завитушками. Они стояли сами по себе, в чистом поле. Ни за ними, ни вокруг ничего не было.

Когда мы повернули влево и подъехали к ним, они распахнулись.

Томас притормозил, обернулся назад.

– Мистер Швайгер, – обратился он серьезно и официально, – вы увидите много вещей, которые вас удивят... нет, шокируют...

– Чтобы не свихнуться, – сказала Вивиан, – можешь представить, что это сон.

– Эй, – сказал Швайгер, – за кого вы меня принимаете? За истеричную девочку? Я снимал фильм, где весь мир должен был взорваться через пять минут, и только главный герой Джон Ридли, в прошлом десантник Морских Сил США...

– Отлично, – сказал Томас.

И мы проехали через ворота. А за ними оказалось... бесконечное летное поле с серебристым покрытием, расчерченное пунктирами на дорожки. С одной из них взлетела серебристая огромная тарелка. Другая тарелка, маневрируя, выворачивала на прямую – видимо, готовясь к взлету. И

целая их стая висела совсем низко над землей у стеклянного круглого здания, они шевелились и медленно продвигались туда-сюда, как живые.

В общем, за воротами оказалось совсем не то, что виделось снаружи.

– Как же это? – обалдела я.

– Маскировка, – пояснил Томас. – Визуальный эффект-обманка. Видела фокус с говорящей головой на столике?

– Вот это декорации! – вскричал Швайгер, крутя головой по сторонам. – Сколько ж денег они угрохали?!

– Много, поверьте мне, – сказал Томас.

– А кто продюсеры? – не унимался Швайгер.

– Это нервное, – спокойно пояснила Вивиан и обратилась к Швайгеру: – Дорогой, если тебе проще думать, что это кино, то пожалуйста.

– Это и так кино, глупышка, – сказал Швайгер. – Хотите заполучить Вивиан на главную роль, хитрецы? Но забирать ради этого ее сына – это уже перебор! Она бы и просто так согласилась – на безрыбье, как говорится... Знаете, этот брак с Олимпусом и декретный отпуск совсем вышибли ее из всех списков... Да с таким-то бюджетом вы бы звезд пачками могли скупить... – И с еще большим оживлением он спросил: – А режиссер у вас, ребята, есть?

– А хотите почитать сценарий? – повернулся к нему Томас.

Ничего не понимаю. Зачем это он?

Мы уже обогнули взлетное поле и остановились у расходящихся автоматически дверей. Какие-то люди (или вовсе не люди?) в оранжевых комбинезонах заносили внутрь коробки.

– Конечно хочу! – ответил Швайгер.

Томас кивнул, вышел из машины, потом снова заглянул внутрь:

– Вы чего сидите?

– Ты же ничего не сказал, – ответила я, выходя.

Ох и мороз! Я запахнула джинсовый жакет, обхватила плечи руками. Томас накинул на меня свою куртку:

– Бегом внутрь. Вивиан, Ричард, вы тоже.

Но их и просить было не нужно. Они уже мчались в помещение, обгоняя нас.

Внутри не было ничего необычного: скромный провинциальный аэропорт. Если бы не три лиловых желеобразных фигуры, разговаривавших у дальней стены. Томас их тоже заметил и поспешил загородить от Швайгера.

– Ричард, – сказал Томас, – я провожу вас в кабинет, чтобы вы смогли спокойно, в тишине ознакомиться с текстом. А мы с девушками пока заглянем в кафе...

А, теперь понятно, зачем он придумал про сценарий. Побоялся, что Швайгер в припадке натворит дел, и решил его изолировать. Интересно, он ему снотворное подсунет?

Но Швайгер, казалось, не слушал его. Он хмуро и задумчиво оглядывался.

– Кажется, все это меня слишком огорошило, – наконец сказал он. – Где мы?

Вивиан заботливо взяла его под руку.

– На базе особых летательных аппаратов, – сказал Томас.

– Каких еще?... – не понял Швайгер.

– Наша корпорация сотрудничает с гостями с другой планеты, – сказал Томас. – Это совместная база.

– С другой планеты? – переспросил Швайгер и посмотрел на него, видимо все еще не веря.

- Вы все увидите сами. Только всю оставшуюся жизнь вам придется держать язык за зубами, - Томас усмехнулся.

- А ты, - Швайгер посмотрел на Вивиан, - для тебя это не сюрприз, я так понимаю?

- Нет, - сказала Вивиан.

Швайгер глядел на нее во все глаза.

- Твой бывший, он что... он... инопланетянин?! - вскричал он в ужасе.

- Нет, - Вивиан засмеялась.

- Подождите меня здесь, - сказал Томас. - Я договорюсь о корабле.

Томас ушел. Швайгер заметил людей-желе.

- Это они? - голос его дрогнул.

- Да, - сказала я.

- Хочешь, присядем? - спросила Швайгера Вивиан, указывая на кожаный синий диванчик.

- Да брось, - ответил он. - Выходит, Стивен был неправ... Они не маленькие и не сморщенные...

- Он знаком со Спилбергом?! - прошептала я.

- Нет, - сказала Вивиан, - но ему нравится называть его по имени.

Если не считать первоначальной невменяемости, Швайгер воспринял новости о мире спокойно. Он мог бы у нас работать.

Вот меня только поэтому и взяли - из-за толерантности. (Я это слово потом в словаре нашла и наизусть выучила, потому что - да, я именно такая! Терплю «всяких разных», как моя мама все время говорит. Типа: «И как ты только терпишь Шона - я бы ни за что не стала встречаться с человеком, у которого в ухе три серьги!» Но, скажу я вам, Шон тоже не стал бы встречаться с той, которая думает, что «Линкин Парк» - это название заповедника лосей в Новой Зеландии.)

Но я была еще спокойнее Швайгера! Они так и сказали: «Такое редко встречается!» И взяли меня без всякого экзамена.

А дело было так. Я уже полгода работала няней - у обычных детей. Пошла в супермаркет за продуктами. Качу себе тележку, в которой сидит моя четырехлетняя воспитанница Хлое, кладу рядом с ней всякие продукты, а навстречу катится другая тележка - в ней тоже сидит малыш, а катит ее женщина, очень суровая на вид. Она все время говорила ребенку:

- Цыц. Сиди как человек. Я кому сказала.

Я тогда еще, помню, подумала: «Бедный малыш! Как же тебя муштруют!» И не успели мы поравняться, как этот малыш зарычал очень и очень дико, клацнул челюстями, волосы его вздыбились, и он весь оказался покрыт шерстью. А потом он выпрыгнул из корзинки прямо в нашу сторону. Я перепугалась за Хлое, схватила его за загривок и закричала ему:

- Ну-ка стой! Бандит!

Он, видимо, не ожидая такой строгости, стал превращаться обратно в человека. Хлое заревела от страха. Женщина взяла оборотня на руки и сказала:

- Сиди тихо, Оливер. А то я сейчас твоей маме позвоню и скажу, что ты сделал.

Я в это время успокаивала Хлое, а когда подняла голову, женщины уже и след простыл. А вечером мне позвонили из Центра Корпорации. Вот так я и стала особенной няней.

Интересно, Грыыхоруу сейчас на работе?

- Скажете Томасу, что я скоро вернусь, - сказала я Вивиан и Швайгеру. - У меня тут один друг работает. Проведаю его.

Они кивнули. Уходя, я услышала, как Швайгер в некотором замешательстве спросил:

- Да кто она такая?..

У кого бы спросить дорогу? На диванчиках сидело несколько по-деловому одетых, плюс

куртка-«алюска», мужчин и женщин. На коленях у некоторых были раскрытые ноутбуки. Похоже, это пассажиры. Надо поискать персонал.

Те трое инопланетян уже куда-то делись. А никаких стоек регистрации, охранников или таможенников – или кто там еще торчит в аэропортах – не было.

Я оглянулась: Вивиан и Швайгер оживленно болтали. (Даже, пожалуй, слишком оживленно – Швайгер размахивал руками, как Грыхоруу. Наверное, возмущается, что Вивиан все от него скрывала.)

М-да. А если кто-то из моих друзей узнал бы все, он бы злился? Вот Кэт, наверное, обиделась бы. Шли мы с ней как-то по Атлантик-авеню, и мимо проехал автобус с плакатом нового фильма про вампиров. Кэт с придыханием сказала:

– Какие лапочки. Я была бы не против, если б кто-нибудь из них меня съел.

Я чуть было не отозвалась: «Да стоит тебе увидеть их жуткие клыки, ты убежишь на другой край света!» Но промолчала. Сроду у меня не было столько секретов от всех, как теперь!

Я прошла по стеклянному широкому коридору, поднялась по бетонной лестнице и тут увидела двух инопланетян – они сидели за круглым столиком и пили из белых чашек. На них была какая-то форма со всякими нашивками, а рядом на столе лежали фуражки.

– Здравсьте, – сказала им я. – Извините, вы не знаете, где я могу найти мистера Грыхоруу?

– Здравствуйте, – сказали они.

Желейная кисть одного (ой, вернее, одной – никак не привыкну к их своеобразию) медленно поставила чашку, потом так же медленно поднялась и указала вперед:

– Пройдете двери, а там сразу подниметесь в башню. Он там.

– Спасибо, – сказала я. – Приятного аппетита.

Они медленно кивнули. Я направилась к голубоватым матовым дверям. Они бесшумно разъехались, я прошла наверх по лестнице и очутилась на площадке с несколькими дверями.

Одна была открыта, в комнате с мигающими лампочками и непонятными приборами два пришельца и два человека резались в карты. Но Грыхоруу среди них не было.

Я заглянула в следующую комнату. Вот он – на этот раз в своем обычном инопланетном облике. Но в земной одежде: они страшные модники, эти инопланетяне! И любят вписываться в общество, в которое попадают, – это мне Грыхоруу объяснил. Сейчас он был в мини-юбке и последнем пiske сезона – жилете из искусственного лохматого меха.

Грыхоруу, вздрогнув, обернулся на звук открывшейся двери и быстро спрятал что-то в ящик стола. Причем мне показалось, что это что-то было живым: оно трепыхалось, как птица.

– Здравсьте, мистер Грыхоруу! – улыбнулась я.

– Алисия! Приветствую вас!

И почему наши слова звучат у них так мелодично? Может, потому, что инопланетяне говорят очень медленно? (Или потому что все время жуют эту антикислородную штуку?)

– Ну, вот мое место работы, – сказал Грыхоруу, плавно разведя руками.

Кабинет имел три окна под углом друг к другу, как в эркере. Перед нами открывалось взлетное поле.

– У вас здесь классно, – сказала я. И, памятуя о том, что у них принято из вежливости никогда не задавать вопросов, сама рассказала: – А я собираюсь лететь в Париж на вашей «тарелке».

– Здорово, – сказал Грыхоруу, – надеюсь, тебе понравится полет.

– Спасибо, – сказала я. И, представляя, о чем бы спросил меня Грыхоруу, имея он земное воспитание, ответила на этот воображаемый вопрос: – Я не одна, с Томасом Дабкиным и... знакомыми.

– О, – сказал Грыхоруу. – Томас отличный пилот.

– Что? – поразила я. – Он и НЛО умеет водить?

– НЛО? Ах да, наши корабли. Конечно.

А есть хоть что-то, чего Томас Дабкин не умеет? Честное слово, рядом с ним я начинаю себя чувствовать совершенной неумехой. Хм. «Рядом с ним». Звучит приятно. Будто мы вместе, пара и все такое...

А что Грыхоруу спрятал в стол? Он же не знал, что это я вхожу, и мог спрятать какую-нибудь сентиментальную вещицу – может, он самолично рисовал открытку жене на день рождения... Или вязал ей модный земной шарф.

У нас, землян, слава богу, кодекса умалчивания вопросов нет.

– А что вы спрятали в стол, мистер Грыхоруу?

Я, может, не на сто процентов научилась разбирать эмоции инопланетян, но тут ошибки быть не могло – Грыхоруу испугался. Мелкая рябь пробежала по его гладкой... коже?.. Ну, поверхности, в общем... Будто ветер подул.

– Я не могу вам сказать, – ответил Грыхоруу.

– Секретная технология? – подмигнула я.

Его аж всего передернуло.

– Алисия... – умоляюще сказал он. – Не спрашивайте меня.

Мне стало его жалко. Бедные вежливые инопланетяне. Вопросы не задают. Врать не умеют. Как же на их планете, должно быть, скучно!

– Какой красивый чертеж! – сказала я, чтобы сгладить неловкость, и подошла к большому чертежному столу, который стоял прямо перед окном.

Я соврала, разумеется. Ничего красивого в паутине черточек, циферок и стрелочек я не заметила. Аккуратно, конечно, ничего не скажешь. Я бы так не смогла. Ну так я не инопланетный инженер!

Грыхоруу кинулся в промежуток между мной и столом так быстро, что несколько капель его фиолетового желе сорвались на пол.

– Простите, – сказал он срывающимся голосом. – Вы не должны это видеть! – И он зашуршал бумагами, сваливая их поверх чертежа.

Да я все равно ничего в этих каракулях не понимаю! И вообще, знаете, если это секретная мастерская или что-то подобное, могли бы так на двери и написать! (Я, правда, не помню, что там написано.) Или не пускать сюда никого! Но не пугать весьма дружественного посетителя прыжками и дрожанием!

Я молча отступила назад.

Грыхоруу с несчастным видом, в отчаянии глядел на меня. Потом скрестил руки на груди (довольно высокой – Бизон был бы в восторге) и сказал миролюбиво:

– А я бывал в городе Париже всего раз.

На этот раз он решил сменить тему. Что ж, мило. По крайней мере, мне не пришлось молча и обиженно уходить из его кабинета (с риском лишиться целых двух подопечных, между прочим!).

– А я вообще ни разу, – ответила я. – Мы летим туда на встречу с одним человеком... И знаете, кто мои знакомые? – Ну хотя бы инопланетянину похваюсь! – Сама Вивиан Джемисон и режиссер... Ричард... этот... Швайгер.

– Джемисон! – поразился Грыхоруу.

Да такого удивления я не могла ожидать даже от Кэт! Ну Грыхоруу! Успел всего земного набраться! Даже поклонения актерам!

Я разулыбалась:

– Да! Она самая!

– А с кем вы там встречаетесь? – говорит он.

И тут пришла очередь моей челюсти отвиснуть от удивления. Грыхоруу! Задал вопрос! Ну дела! Кэт бы тоже сразу спросила, к кому я лечу вместе с Вивиан Джемисон! Может, к Джонни Деппу.

Ах, милый чудак Грыхоруу! Да ты совсем как моя подружка!

– К ее бывшему, – сказала я, понизив голос.

Мой сотовый возопил: «Веришь ли ты в любовь с первого взгляда? Я знаю, веришь!..»

– Алисия, ты где? – возмущенно гаркнул мне в ухо Томас.

– У Грыхоруу... Они тебе не сказали, что ли?

– Нет... Потом объясню, – сказал Томас. – Выгляни в окно.

– Можно, я подойду к окну? – обратилась я к Грыхоруу – вид у него, надо сказать, был ошалевший.

– Конечно! – сказал он.

– Ты спрашивала у Грыхоруу позволения подойти к окну? – удивленно сказал Томас.

– Потом объясню, – передразнила его я. Ой. – Что это за желтая каракатица посреди поля?

И почему я подумала, что, хотя все поле усеяно непередаваемо прекрасными серебряными тарелками, мы полетим именно на этом чудовище?

– Исследовательский бот номер пятнадцать, – сообщил между тем Томас. – И мы уже тут. А тебя все нет. Впрочем, если хочешь, можешь оставаться.

Что? А кто, по его мнению, Петера будет спасать?!

– Еще чего! – взревела я, выбегая из комнаты. На полпути обернулась и крикнула Грыхоруу: – Не волнуйтесь! Я никому не расскажу про... все...

Я выскочила на площадку, вопя в трубку:

– Я уже бегу!

– Про что ты там не расскажешь? – раздался в ответ спокойный голос Томаса.

Я просто выключила связь, досадуя, что не сделала этого раньше.

Я помчалась как бейсбольный мяч, сшибла по пути четырех инопланетян – хорошо, что они не могут сломать кости, так как костей у них нет, – а на выходе так ударила локтем о дверь, что из глаз искры посыпались.

Каракатица стояла (ну то есть висела) совсем рядом. Она была похожа на шестеренку с кубом посередине. Дверца была открыта – вверх. Внутри приглашали две ступеньки откидной железной лесенки. Я шагнула на них – бот покачнулся, как лодка на воде. Я ухватилась за поручень. Не очень-то удобно, скажу я вам, забираться в НЛО в вечернем платье. Грыхоруу как инженер – и как любитель носить узкие юбки – мог бы что-нибудь уже усовершенствовать!

Внутри, в кресле перед панелью управления, сидел Томас.

– А вот и я, – сказала я.

Он обернулся, кивнул мне. Я залезла внутрь и только тогда увидела Вивиан и Швайгера – они валялись сзади на полу, как тюки с мукой. Ну, то есть не совсем на полу – там были какие-то пуфы или подушки.

– Что с ними?! – вытаращила глаза я.

– Садись, – Томас указал на кресло рядом с собой и закрыл дверь.

Я села.

– Они навалились на охрану. Те их нейтрализовали, – он включал приборы.

– Охрану? – ужаснулась я. – А разве здесь есть... Я ничего не заметила...

– Потому что ты не пробиралась в рубку управления полетами, не лезла за пульт и не дралась со служащими, когда они тебя не пускали.

– Они все это сделали? – ужаснулась я.

– Швайгер. Вивиан пострадала за компанию.

- Но зачем Швайгеру...
- Не знаю. Спросим, когда проснется.
- Они проснутся?
- К сожалению, - он улыбнулся.

Хорошо, что Грыыхоруу не позвал охрану! А ведь я раскрыла секретность его работы! Может, меня мало было бы нейтрализовать, и пришлось бы начисто стереть память! Ой, мамочки!

- Взлетаем, - сообщил Томас и двинул вперед какую-то ручку.

Кораблик наш задрожал, запыхтел, фыркнул и потом неожиданно плавно взмыл вверх и вперед.

- Полетели, - обрадовалась я.
- Угу, - отозвался Томас.

Серебристое поле исчезло. Перед нами были только облака и голубое-голубое небо.

Вдруг что-то затарахтело, и нас стало подбрасывать, как будто мы ехали по рытвинам на тележке. Я уперлась руками в панель, чтобы не улететь в лобовое стекло. Боже! Дурацкая каракатица! Ее, поди, давно списали с полетов. А Томас, со своей любовью к старью, выбрал именно ее! Интересно, если мы погибнем, что напишут в газетах? «Вивиан Джемисон и Ричард Швайгер были похищены и в бесчувственном состоянии погружены на инопланетный корабль. К сожалению, он оказался неисправным».

- Сейчас настрою, - Томас быстро нажимал кнопки.

Кораблик снова выровнялся.

- Почему ты не взял хороший корабль?! - сказала я.
- Он хороший. Просто слегка устаревший. У них раньше нестабильно держалась совместимость полей. Зато разве он не симпатичный? Дизайн под семидесятые, и панель управления чудная - ты посмотри на эти лампочки!

А я о чем? Он ненормальный!

- Опять! - закричала я.
- Что? - Томас удивленно на меня посмотрел.
- Это тарыхтение!

Томас обернулся назад и засмеялся:

- Это Швайгер храпит.

Я тоже обернулась: точно, режиссер уперся носом в пух и издавал такие звуки, будто изображал истребитель на взлете.

- Так почему ты не взял новый корабль? - снова повторила я.
- Почему нам не дали новый корабль, - уточнил он. - Потому что мы далеко не VIP-персоны.
- Кто это тут не VIP? - заворчал проснувшийся - видимо, от собственного храпа - Швайгер. - Я очень даже VIP!
- Не у нас в Корпорации, - ответил Томас.
- Черт, - сказал Швайгер, взлохмачивая свою и без того странную прическу. - Голова гудит... А где это мы?
- В НЛО, - сказал Томас.

Но Швайгер его не слышал, потому что заметил Вивиан.

- Что с ней?! - Он потряс ее за плечи, но безрезультатно. - Вивиан!
- Пусть спит, очнется, когда закончится действие препарата, - сказал Томас.

- Эти свиньи... - пробормотал Швайгер, - они вкололи нам что-то! Я вспомнил!.. Да я на них в суд подам!

- Интересно, в какой? - спросил Томас.

- В американский! - рявкнул Швайгер.

- Вы лучше скажите, зачем вы полезли в рубку? - сказал Томас.

- Просто... хотел осмотреться. Когда еще попадешь на инопланетную базу?.. - Швайгер, пошатываясь, подошел к нам, оперся на спинки кресел.

Пахнуло виски.

- О, - только и сказал Томас.

- Скоро прилетим? - спросил Швайгер.

Томас постучал по какому-то стеклянному кругу, стрелка забегала туда-сюда. Сказал:

- Минуты через две.

- А где мы приземлимся? - спросил Швайгер. - В Париже тоже есть их аэродром?

- Есть площадка, - коротко ответил Томас.

Послышался стон Вивиан. Швайгер кинулся к ней:

- Ты как?

Она села на пуф-подушку и объявила:

- Ричард, ты дурак.

Я едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Томас в такой же попытке свел брови, но углы рта у него поползли вверх.

Швайгер насупился, потом достал из кармана фляжку и предложил Вивиан:

- Виски хочешь?

- Давай, - сказала она.

- Держитесь, - сказал в этот момент Томас. - Идем на посадку.

Мы прорезали подсвеченные золотом рассвета облака, проплыли над лесом и снизились над замком, который выглядел будто из заставки Диснея. Несколько секунд тряски, и мы приземлились рядом с черным длинным лимузином.

- Минутку, - сказал Томас.

И взял чуть правее - видимо, не желая оцарапать престижную машину дверцей своей каракатицы.

- Пересаживаемся! - объявил он, открыл дверь и вылез наружу.

- Куда? - крикнула я вслед.

Вышла - а он уже садится за руль лимузина. О, так в нем поедem! Неплохо.

- Можешь оставить куртку в боте, - сказал Томас мне.

Какой шикарный салон! Никогда не ездила в лимузине! Все было скромным, но - сразу видно - ужасно дорогим. Бежевые кожаные диваны, уходящие в бесконечность, бар из полированного дерева. Единственное, что отличало этот лимузин от тех, что я видела по телевизору, - между шофером и салоном не было перегородки. Я уселась на длинный диванчик с того края, что ближе к шоферскому креслу - в нем уже устроился Томас.

Швайгер плюхнулся на диван в конце салона. Вивиан задержалась на улице и спросила:

- А этот замок не продается?

- Вряд ли, - сказал Томас.

- Мне он нравится, - сказала Вивиан, усаживаясь рядом со Швайгером. - Далеко мы от Парижа?

– В десяти километрах, – ответил Томас.

– Отлично, – сказала Вивиан.

– Да, до обговоренного времени пятнадцать минут, – сказал Томас. – Мы как раз успеваем.

– Я не о том, – отмахнулась Вивиан. – Хорошее месторасположение. Так его не собираются продавать?

Томас сказал:

– Хорошо, я узнаю.

Мы выехали с брусчатки, прокатились вдоль каштановой аллеи – несколько спелых плодов щелкнуло по крыше – и покинули поместье через большие кованые и, по-моему, точь-в-точь такие же, как на Аляске, ворота.

– Пристегнитесь, – сказал Томас.

Я нашла ремень где-то между спинкой и сиденьем. Швайгер лишь пожал плечами и открыл минибар:

– Хм... чипсы... А чего-нибудь повкуснее тут не найдется?

– Дайте мне, – попросила я, и Швайгер кинул шуршащую пачку.

– На башне вроде есть ресторан, – сказал он.

– Да, но сейчас он еще закрыт, – сказал Томас. – Перекусим где-нибудь в кафе поблизости... Ваше свидание с Гермесом проходило в этом ресторане? – обратился он к Вивиан.

– Нет, – сказала она. – На смотровой площадке третьего этажа.

– Ясно, – кивнул Томас.

Швайгер яростно разорвал пачку орешков. Они стрельнули во все стороны, покатались по полу.

– Держитесь, – предупредил в этот момент Томас.

Колеса взвизгнули. Машина мчалась через кусты, перепрыгивала заборчики и заборы, скользила на двух колесах меж какими-то камнями.

– Сократим путь, – сообщил Томас.

Швайгер как упал при первом прыжке на заднее стекло, так и полулежал там, раскорячившись и держась непонятно за что. Чипсы выпадали из пакета в моей руке, как я его ни поворачивала, – потому что машина меняла точку опоры еще быстрее.

Когда мы ворвались в город, стало еще хуже: иногда мы даже проносились по стенам, будто всего лишь въезжали на тротуар. Особенно жутко было, когда маневр этот Томас проделал в узком-преузком переулке, который предназначался для пешеходов. Вернее, для одного пешехода, потому что двое толкались бы локтями. А потому машина бы ну никак не прошла. Горизонтально. А вертикально – пожалуйста.

Швайгер каким-то чудом сполз на сиденье и теперь пытался пристегнуться, но никак не мог найти, где защелкнуть карабин.

Не знаю, что подумали бедные парижане, буднично спешившие на работу, и полусонные растерянные туристы. Может, что это какой-нибудь богатенький сынок возвращается пьяный с вечеринки? А может, что они пропустили объявление о «Формуле-1», нынче проходящей прямо внутри их города? Хорошо хоть, мы никого не сбили и нас не остановила полиция – может, у нее здесь рабочий день начинается как у всех, в девять утра?

– Уф, – сказал Швайгер, приладив, наконец, ремень безопасности.

А лимузин остановился. Прямо под Эйфелевой башней. Ну, вернее, мне так показалось. Потому что она нависала над нами бесконечным башенным краном. (Интересно, можно ли использовать Эйфелеву башню как кран? Или как гигантские качели, например? Ну, добавить недостающие для этого детали...)

Томас уже спешил ко входу, я бежала за ним, за мной бежали Вивиан и Швайгер. Как же я устала ходить на каблуках! Это пытка какая-то! Где мои кеды, любимые, разношенные кедикки? Последний

раз я в вас топала по бутику в Лос-Анджелесе, где выбирала эти дурацкие туфли!

– Томас, – сказала я, – где мои кеды?

– Остались в «форде».

– Они были в «форде»?! Почему ты не сказал!

Он посмотрел на мои туфли:

– Извини, не подумал.

Как мило. Я ожидала, что он скажет: «А я-то при чем. Ты сама их туда бросила вместе с джинсами».

Мы же всё мчались и мчались куда-то сломя голову. Я и подумать не успела о том, чтобы переодеться.

А Вивиан – ничего, держится, хотя шпильки у нее еще выше. Привычка, наверное.

На башню пускали только с полдесятого, а сейчас было без пятнадцати восемь. И что же мы будем делать? Вон охрана, вон полицейский поблизости околачивается.

Но Томас смело пошел вперед, прямо к охраннику, а по дороге тихо спросил у нас:

– Кто-нибудь знает французский?

Томас – и чего-то не знает! Вот это да! Эх, жалко, я по-французски совсем ни бэ, ни мэ, а то сказала бы так небрежно: «Да, я знаю». Он бы дико удивился и спросил: «Но откуда, Алисия?!» А я бы ответила: «Ну, отдыхала я прошлым летом на французской Ривьере...» (Вообще-то прошлым летом я отдыхала на ферме в Техасе, у бабушки с дедушкой, но Томас-то об этом не знает!)

Оказалось, ничего подобного – никакой переводчик Томасу не нужен: когда Вивиан и Швайгер ответили, что понимают немного по-французски, он сказал:

– Ясно. Когда я скажу, задержите дыхание.

А, понятно, флакон для вранья.

Едва мы приблизились к насторожившемуся охраннику, Томас бросил через плечо:

– Сейчас.

Его рука с флаконом выскользнула из кармана и прыснула жидкостью за его спиной.

– Бонжур, – сказал Томас охраннику и продолжил быстро-быстро лопотать на французском.

Охранник кивнул, сказал слово вроде «Бьясьюр» и еще что-то – при этом обратился к нам «Медам-месье», – и повел нас к лестнице. Томас сообщил нам:

– Он сказал, что лифты в это время не работают и нам придется подниматься по лестнице.

Охранник провел нас ко входу в одну из четырех гигантских башенных «ног», отпер двери и показал нам, куда идти. После чего вернулся обратно на свой пост.

Мы поднимались все выше и выше, и все больше открывался нам Париж – отсюда он был великолепен: желтеющие осенние деревья, река, рассвет и стада светлых старинных зданий. Дух захватывает.

Швайгер по пути придирчиво осматривал железные конструкции, щупал металл и ковырял ногтем краску. Потом сказал:

– Вам не кажется, что здесь пыльно? А значит, они нарушают инструкцию номер... Какой номер, Томас?

– Дышите глубже, Ричард, – посоветовал Томас. – Это скоро пройдет.

Наглотался Швайгер, значит.

– Ты сказал, что мы типа инспекция по чистоте? – спросила я Томаса.

– Ага, – ответил он. – Комиссия по оценке санитарного состояния городских памятников.

– А такая бывает? – спросила я.

- Не знаю, - сказал Томас.

- А в тот раз, - сказала Вивиан, оглядываясь по сторонам, - была ночь и все было каким-то другим, будто нереальным.

- Когда это - в тот раз? - сердито спросил очухавшийся Швайгер.

- Когда я тут встретила с Гермесом, - ответила она.

- И что же, тебе пришлось карабкаться на первое свидание, как на вершину Эвереста? - ехидно спросил Швайгер.

- Нет, - сказала Вивиан. - Мы встретились внизу, он поднял меня на руки и взлетел на площадку... - Лицо у нее стало мечтательным.

Швайгер шагнул к Вивиан, подхватил ее на руки.

- Ай! - пискнула она и обняла его за шею. - Ты надорвешься, Ричард. Отпусти...

Но он, кряхтя, понес ее по лестницам дальше.

Я украдкой взглянула на Томаса. Он посмотрел на меня и усмехнулся.

Черт. Конечно, я ему не невеста. Но было бы так чудесно, если бы вдруг он поднял меня на руки... Пожалуй, он меня понесет, только если я вывихну лодыжку. Или даже две. Ну чтобы я уж точно не могла стоять на ногах. Ни на одной из них.

Ричарда с Вивиан мы обогнали и вышли на верхнюю площадку первыми.

Поначалу я никого там ни увидела. А потом из тени, отбрасываемой конструкциями башни, вышел Гермес Олимпус. Выглядел он неважно: бледный, растрепанный, усы - и то печально поникли.

- Привет! - поднял он руку.

- Доброе утро, - сказал Томас.

- Здравсьте! - сказала я со значением.

Гермес взгляделся в меня, потом произнес с неловкостью:

- А, няня. Здравствуйте, - и добавил, виновато разведя руками: - Видите, как вышло.

- Нет, - сказала я. - Я ничего не понимаю. Почему вы бросили Петера?

Позади раздалось пыхтение. Швайгер со своей ношей с невероятным усилием одолел последние две ступеньки. Вивиан спрыгнула на землю. Вернее, Швайгер ее практически скинул.

- Бросил Петера?! - закричала Вивиан.

Ох. Вообще-то я не хотела выяснять это при Вивиан и Швайгере. Потому что мне стало жаль Гермеса. Видно же, что у человека, в смысле, бога, и так неприятности.

- Я его не бросал, - ответил Гермес насупленно. - Я оставил его высококвалифицированной няне из Корпорации.

Впервые кто-то, кроме меня, назвал меня высоко-ке-кве-ква-ли-фицированной! (Ну ладно, я себя таким сложным словом не называю. Но имеется в виду суперпрофи, так?) Я все больше склонялась на сторону Гермеса.

- Так зачем ты его оставил? - рявкнула Вивиан.

- Чтобы обезопасить, - сказал Гермес. - За мной начали охотиться, не мог же я допустить, чтобы сын...

- Чудненько, - язвительно сказал Швайгер. - Если за тобой охотились, зачем ты забирал его у Ви?

- Потому что когда я его забирал, я еще не знал, что эти тюхти окажутся такими... воинственными! Теперь я даже не могу летать, как привык, - их приборы моментально обнаруживают, где я! Мне пришлось лететь самолетом!

- Несешь какую-то ерунду, - сказал Швайгер, по-видимому не пытавшийся даже вникнуть в проблемы Гермеса.

– Зачем ты его привела? – бросил Олимпус Вивиан. – Это его не касается.

– Я сам решаю, что меня касается, а что нет, – привыкший к себе режиссер.

– Мистер Швайгер теперь в курсе всего, – сказал Томас Олимпусу. – Миссис Джемисон так пожелала. Говорите, что с вами случилось и кто мог выкрасть Петера. Это могли быть «тюhti»?

– Я проигрался им в покер, – еще больше побледнев, сказал Гермес.

– Бывает, – сказал Томас. – Кто они?

В этот момент за сеткой, поднимавшейся над перилами, в воздухе, будто ниоткуда, с громким стрекозиным стрекотанием вдруг возник человек. – На лыжах, в кожаном шлеме и в очках как для подводного плавания. Одет он был в немыслимые розового цвета галифе и кожаную куртку, сидевшую на нем пузырем. Но даже в ней он выглядел до невозможности щуплым. В руках у него что-то засверкало, оглушительно затарахтело, и в направлении нас вдруг посыпались блестяшки.

– Ложись! – закричал Томас и уронил меня на холодный железный пол.

Гермес ринулся за стенды с фотографиями, Вивиан и Швайгер на четвереньках ползли назад к лестнице. А блестяшки... как только касались чего-то, таяли, будто снежинки.

Я, смеясь, хотела подняться, но Томас схватил меня за плечо:

– Назад!

– Но они же безвредны! – возразила я.

– Они усыпляют мгновенно. И не факт, что вообще проснешься, а не превратишься в зомби.

Ну нифига себе! Я впечаталась в пол.

Лыжник, смешно перебирая лыжами в воздухе, перелетел через перила и поплыл куда-то влево. Оказывается, Гермес продвигался за щитами в ту сторону, и лыжник пытался не упустить его из виду.

– Корпорация Би-Би-Си, – раздалось рядом.

Томас стоял во весь рост и держал в поднятой руке какую-то металлическую блямбу. Он с ума сошел!

– Томас! – крикнула я, схватила его за щиколотку и потянула, чтобы он упал вниз и в него не попали ужасные снотворные блестяшки.

Но он только дрыгнул ногой, чтобы я отцепилась. А блестяшки перестали вдруг лететь. И стало слышно, как, приближаясь, в городе поет полицейская сирена. Шустро охрана отреагировала.

– Эта биосущность под нашей защитой! – крикнул Томас.

Биосущность? Это он о ком?

Лыжник завис прямо над нами и вертел головой, разглядывая нас.

– Ха-ха, – раздался из-за стенда истеричный смех Гермеса. – Все, что вы смогли, – это норвежские лыжи! Ха-ха-ха...

Лыжник тараном пошел на так опрометчиво высунувшегося из укрытия Гермеса и буквально свалился ему на голову.

– Отдай нам технологию! – на удивление тонким голосом сказал лыжник. В руках его появился маленький фонарик.

– Отдайте мне сына!!! – придушенно прокричал Гермес, косясь куда-то в сторону.

– Да мы... – начал было лыжник, но в этот миг ему на голову свалился моток кабеля.

Так вот куда Гермес косился! Пожелал бы еще, чтобы этот кабель замотал розовоногого. Но лыжнику удар по голове, похоже, не причинил никакого вреда.

Томас кинулся к лыжнику, вцепился в него и стал выкручивать руку с фонарем. Лыжник двинул Томасу этим фонарем в лицо.

Из-за моей спины выскочил Швайгер и тоже кинулся в бой. Через мгновение он уже оседлал

лыжника, который, несмотря на свою щуплость, умудрился прижать к полу и Томаса, и Гермеса. Гермес, похоже, после какого-то удара вообще потерял сознание. Вот странно: какой-то летучий лыжник отправил в нокаут бога. А может, это Швайгер его отправил? Потому что лупил он, мне показалось, больше Гермеса, чем лыжника (Ну, по крайней мере, поровну обоих.)

И вот что не давало мне покоя во все этой картине: где-то я видела эти розовые штаны. Шикарные модные штаны со стразами. Женские. Я бы и сама их купила. Да, точно, когда я их видела в прошлый раз, то так и подумала: «Я бы сама их купила... Если бы они стоили хотя бы в десять раз меньше, а лучше – в двадцать...» Только сидели они на ней ужасно, я еще подумала: «Ну и фигуру он выбрал, совсем не разбирается в наших земных...» Ой...

– Мистер Грыыхоруу! – закричала я.

Лыжник отреагировал на мой крик странно (Может, это и вправду Грыыхоруу?! А может, лыжник решил, что это такой боевой клич и что я сейчас ринусь в бой и снесу ему башку?) – в общем, он стукнул Томаса кулаком в челюсть и дал деру – вверх. Наполовину вырубленный Томас только и успел что ухватиться за лыжу. А Швайгер уцепился за ногу Томаса. Лыжник лягался, как верблюд. Но скинуть гирлянду из двух человек ему не удавалось.

Несколько секунд их носило туда-сюда над площадкой, лыжник поднимался все выше и выше – и вот они уже над ограждением.

– Держись, Томас! – завопила я.

Если Томас сейчас сорвется... То они оба вместе со Швайгером полетят... с какого тут этажа? Швайгер, висевший на ноге Томаса, умудрился ногами зацепиться за ограду. Да он просто акробат!

– И-и-и!!! – раздался рядом со мной визг Вивиан. Она стояла, прижав ладони к щекам. Выглядело это драматично и великолепно, как в кино.

Лыжник стукнул лыжей Томаса по лицу и наконец оторвался от него. А Томас упал вниз! Я бросилась к перилам.

Томас висел на одной руке, ухватившись за железный край пола за парашютом. Швайгер карабкался по нему наверх. А в другой руке Томаса была лыжа!

Лыжник, оставшись на одной лыже, вертолетиком падал вниз.

Я просунула руки сквозь железную решетку и схватила Томаса за пиджак. Руки Вивиан появились рядом и тоже схватили Томаса. Он зашвырнул лыжу на площадку и держался теперь за прутья обеими руками. Швайгер тоже дотянулся до прутьев. Оба они стали подтягиваться наверх – с нашей с Вивиан помощью. И вот уже переползли через решетку и приземлились с этой стороны.

– Лыжник на втором этаже! – прохрипел Томас и бросился по лестнице вниз, крикнув мне: – Подбери лыжу!

Швайгер в горячке кинулся вслед за Томасом.

Я подобрала лыжу, и мы с Вивиан тоже побежали вниз.

– Что ты крикнула этому налетчику? – спросила Вивиан.

– Да так, мой личный боевой клич.

– М-да? – она посмотрела на меня, как на чокнутую.

Не стану же я говорить ей о своих бездоказательных (кажется, я слишком долго общаюсь с одним бывшим юристом) подозрениях. Грыыхоруу мой друг, и я не хочу его очернять. Узнала-то я не его, а штаны!

– Ой! – вдруг вспомнила я. – А как же Гермес?! Вдруг он ранен? – И я ринулась обратно наверх, цокая каблуками по железу.

Каблуки Вивиан, как эхо, цокали позади.

Но на третьем этаже никого не оказалось. Гермес не лежал там, где остался на поле битвы, не полз куда-нибудь и не прятался – мы заглянули во все углы.

– Он улетел, – сказала Вивиан.

– Он же был без сознания, – сказала я.

- Или притворялся, что без сознания.

- Но зачем?

- Может, чтобы улизнуть незамеченным, пока все дерутся? – пожала плечами Вивиан и хмыкнула: – Он любит исчезать.

- А может, он улетел за лыжником, на второй этаж! – возразила я и снова бросилась к лестнице, ведущей вниз.

Вивиан не выказала такого же энтузиазма и, хотя двинулась за мною следом, вскоре осталась далеко позади.

Так, еще пару пролетов... Мне навстречу из-за поворота вырулил полицейский. Увидел меня, удивленно нахмурился и сказал:

- Мадемуазель, тра-та-та-та-та-та...

Ну, в смысле, для меня это звучало как нечто подобное. Он же, естественно, говорил что-то вполне содержательное, и содержание, судя по выражению его лица, было приблизительно такое: «Какого черта вы тут забыли? И кто вы вообще такая? Не вы ли тот злобный террорист, что стрелял где-то наверху и которого мы сейчас поймаем, посадим за решетку на двадцать лет и отрубим голову гильотиной?» (Смотрела я как-то кино про их королеву...)

Поэтому я сказала испуганно:

- Нет-нет-нет, это не я! – и подняла руки вверх.

Он удивился еще больше и вдруг улыбнулся совершенно по-дурацки. Смотрел он при этом куда-то поверх меня.

А, это Вивиан спускается.

- Бонжур, – сказала она, ослепительно улыбаясь.

- Бонжур, – ответил он и проговорил, все еще ошеломленно: – Мадам Джемисон, – с ударением на последний слог. И опять залопотал что-то по-французски, на этот раз, похоже, что-то вроде: «Я от вас без ума, готов хоть сейчас с этой самой башни сигануть».

Я решила потихоньку пройти мимо, пока он занят. Но он преградил мне путь рукой и выговорил с трудом по-английски:

- Что это у вас?

- Лыжа, – сказала я. Ну разве не видно?

Хорошо, что Вивиан не растерялась и пришла мне на помощь. С невероятно очаровательным видом она что-то сказала француззу. Он с виноватым видом быстро шагнул к ней и подал руку, чтобы она оперлась. Ясно: она попросила об этом и, видимо, пристыдила его, что он был таким негалантным.

Обо мне он на этот раз совсем забыл, и я побежала вниз.

Слышу, как полицейский заботливо говорит Вивиан по слогам:

- Вь-и ра-нен?

Вивиан что-то там ответила, но я уже была на втором этаже. И там было совершенно пусто и тихо. Куда все делись?

Снизу на этаж забежал табунчик из трех полицейских. Вот черт. Но один из них, рыжий и самый носатый, спросил:

- Мадемуазель, вы тоже из комиссии?

Ура всем святым, Томас и меня выгородил.

- Разумеется, – важно сказала я. – А где мой шеф?

Думаю, Томасу польстило бы, если б он это слышал.

- Внизу. И ваши два коллеги тоже, – сказал этот полицейский. – А террори... Тот пиф-паф, еще там? – показал полицейский наверх.

- Нет, - сказала я. - Он давно уже тю-тю! - показала я вниз.

Француз посмотрел на меня хмуро и участливо - видимо, решил, что у меня от страха в голове помутилось, - и сказал:

- Не бояться, внизу нет. Нет террорист. Там полицейские... Медицина... - Потом он обратился к молодому копу: - Фабьен, проводить мадемуазель.

- Не надо, - сказала я. - Я и сама.

Но Фабьен подхватил меня под руку, - оставалось только смириться.

А тот рыжий взял пистолет наизготовку и стал подниматься на третий этаж. Второй полицейский двинулся за ним.

На лестнице нам встретились еще несколько бегущих вверх полицейских.

У башни уже собралась куча народу.

- Он убежал, - сообщил Томас, едва Фабьен, проявив вежливость и настырность, вытолкнул меня за полицейское оцепление. - Мы не успели даже увидеть, куда.

- Шустро же они, - я ошеломленно оглядывалась.

К башне никого не подпускали, полицейский кричал что-то в рупор. Штук десять машин светили мигалками в лицо.

Стоявший поблизости толстяк посмотрел на меня и, смеясь, сказал что-то по-французски. Томас повернулся к нему и по-французски же ответил. Тот снова что-то сказал, Томас ответил быстро:

- Мерси.

И стал проталкиваться куда-то через толпу. Я следовала за ним. Вивиан и Швайгер топотали позади.

- Томас, что он тебе сказал? - спросила я его спину.

- Спросил, это новый вид спорта - катание на одной лыже? - ответил Томас через плечо.

- А ты?

- А я спросил, не видел ли он нашего коллегу.

- Лыжника?

- Угу. Однолыжника.

Мы уже выбрались из толпы.

- И он сказал, - сообщил Томас, - что тот направился в сторону моста Альма. Это там, - указал он в какую-то рощицу рядом с башней. - Ждите меня у машины.

И помчался по тропинке между деревьев. Я побежала за ним. Не знаю, зачем. Я вовсе не чемпион по бегу. А потому через две минуты уже задыхалась и хваталась за бок. Я потеряла Томаса из виду и шла себе вдоль высокого прозрачного забора, надеясь не пропустить этот мост... как там его.

До моста оказалось идти недалеко. Подошла к нему, и откуда ни возьмись - навстречу идет Томас.

- Исчез как сквозь землю, - развел он руками. - И никто его не видел.

- Может, хоть Гермес его догнал? - сказала я.

- Может быть.

Мы пошли обратно, к башне, где оставили машину.

- Почему Гермес не пожелал, чтобы блески перестали лететь? - спросила я. - Он же бог, его желания...

- Местный, земной бог. И может воздействовать на земные предметы. А это искромет.

- Кто?

- Оружие, наши так прозвали. И оно...
- Инопланетное? - воскликнула я. - Я ведь тоже подумала...
- Что подумала?

Я замялась и вместо ответа спросила:

- Значит, лыжник - инопланетянин?
- Не обязательно, - сказал Томас. - Ведь они могут им тайно приторговывать...
- Тогда, может, и не он, - пробормотала я себе под нос.

Томас меня не услышал, он размышлял о своем:

- И эти штаны...
- Что штаны?
- Розовые. Тебе не показалось, что они...
- Модные, - сказала я.
- Я хотел сказать, не похожи на мужские.
- Еще бы! Они женские!

Нет, он совершенно равнодушен к вопросам одежды. Хотя одевается очень прилично. Может, его понимание моды распространяется только на деловые костюмы и рубашки?

- Точно? - спросил Томас.
- Да я мечтала о таких!
- Да? - удивился он.
- Конечно, - сказала я. - Это же Дольче и Габбана.
- Тогда это дорого.
- Иначе я бы сейчас была в них.

Он глянул на меня:

- Так неудобно бегать в платье?
- Да нет! Просто они красивые!
- Может быть, - пожал он плечами.

Глава 9

Вивиан и Швайгер ждали нас возле лимузина.

Томас открыл машину, вытащил свою сумку и вынул из нее телефонный аппарат, по которому Вивиан в Лос-Анджелесе связывалась с Гермесом.

– Но как же он ответит? – спросила я. – Ведь он же летит где-то.

– Если там, где он летит, есть зеркало, или вода, или любая поверхность с мало-мальски отражающим свойством, то ответит, – объяснил Томас, накручивая диск.

И точно. Экран выдвинулся. И Гермес вовсе не летел. Он стоял на месте, его было смутно видно, и его окружали какие-то люди, которые стояли совсем бездвижно – да это же манекены! Гермес отражается в витрине бутика одежды!

– Вы его нашли? Вы где? – шепотом спросил Томас.

– Да. Гермес, – прошипел Гермес и отключился.

– Похоже, Олимпус боится себя обнаружить, – сказал Томас и поставил телефон на сиденье.

– Это модный бутик, – сказала я.

– Но их тут тысячи, – отозвался Томас и пробубнил про себя: – И зачем он назвал свое имя?.. Придется снова ему звонить... – он нехотя поднял телефон и накрутил диск.

Но экран оставался темным. Гермес не отвечал.

– С ним что-то случилось, – ужаснулась я.

– Почему? – удивился Томас. – Просто не берет трубку.

– А как он ее берет? – спросила я. – Я думала, он просто отражается и...

Вивиан усмехнулась:

– У него серьга в ухе. Стоит на нее нажать – и ты на связи.

– Понятно, – сказала я.

Все же надо было почитать тот скучный учебник. Чтобы не чувствовать себя такой душой. Хотя вряд ли там говорилось про уши мистера Олимпуса.

Спрашивать о том, как Гермес узнаёт, что ему звонят, – ну, может, серьга светится или позвякивает – я уже не стала. Понятно, почему.

– А когда кто-то звонит, серьга начинает больно колотиться, – наклонившись ко мне, прошептал Томас.

– Как чудесно придумано, – сказал Швайгер, который это подслушал. – Позвоню-ка я ему. Что надо набирать?

– Попросите Вивиан, – сказал Томас. – Она вам наберет.

– Я вспомнила юбку! – завопила я.

– Ты о чем? – недоуменно спросил Томас.

– О юбке в витрине! Я видела эту оранжевую юбку в журнале! Это Гермес!

– Мы все узнали этого придурка, – сказал Швайгер.

– Она о фирме! – воскликнула Вивиан и, нахмурившись, сказала Швайгеру: – И он не придурок.

– Ты сама его по-другому и не называешь! – сказал Швайгер.

– Погодите, – поднял руки Томас. – О фирме? Так он не себя назвал, а бутик!

– Бутиков «Гермес» в городе два или три. Один как раз в той стороне... – сказала Вивиан, махнув рукой туда, откуда мы с Томасом прибежали. – На авеню Георга Пятого.

Забавно. Гермес в бутике «Гермес».

И вот мы снова мчимся на нашем лимузине. Через мост, потом прямо, по улице. На этот раз мы ехали потише, но на обычную езду это тоже было мало похоже – мы непонятно как (то есть понятно – полувертикально) пролетали между машинами, обгоняя их в мгновение ока. Зонтики летних кафе покачивались, провожая нас.

Швайгер в этот раз благоразумно пристегнулся. Я села впереди, рядом с Томасом, – но зря: отсюда кульбиты, которые выписывали стены домов и мостовая, выглядели куда страшнее. Думаю, полиция нас не останавливала только потому, что не могла ни угнаться, ни успеть увидеть номер. Но оказалось...

– Хорошо иметь президентский номер на машине? – улыбнулся мне Томас.

Я хотела крикнуть: «Лучше смотри на дорогу! Мы же по дому едем, а там – окна!» Но только кивнула. Интересно, если ты висишь в воздухе чуть не вверх ногами, то, чтобы кивнуть утвердительно, в какую сторону надо махать головой? Но, похоже, Томас понял правильно, потому что удивленного вопроса «Почему же нет?» не задал.

Мы припарковались не у самого бутика, а неподалеку.

Томас сказал:

– Чтобы не спугнуть.

Но пугать, похоже, было уже некого. Зато следы пребывания неких немирных существ были налицо: перед бутиком валялись на тротуаре раскуроченные кадки с деревьями. Около них стоял полицейский и записывал в блокнотик то, что говорила ему девушка в наимоднейших шмотках.

– Сидите, – скомандовал Томас, вышел из автомобиля и направился к бутику.

Вивиан взяла старомодный аппарат и стала накручивать диск. Но Гермес не отвечал.

Маршрут Томаса между тем был весьма странным. Сначала он приблизился, как бы гуляя мимо, к разговаривавшим. Покачал головой при виде лежащих на боку каменных кадок, сказал что-то полицейскому. Тот не обратил на него внимания. А девушка что-то ответила. Томас спросил ее о чем-то, и девушка снова что-то сказала, на этот раз жестикулируя, будто описывая что-то. Полицейский тоже заинтересовался, записал в блокнот и спросил ее. Она, отвечая, повернулась, показала рукой куда-то в нашу сторону.

Я посмотрела вправо: там на стене был натянут огромный плакат с модной сумкой из кожи страуса. Ужас эта кожа страуса, я вам скажу: ну как живая кожа, и понятно, что из нее перья повыдергали. Бр-р, словом. Никогда бы себе эту шкуру не купила! Видимо, кто-то чувствовал то же самое и выразил это тем, что оторвал чуть не половину этого плаката.

Полицейский спрашивал дальше, а Томас уже отошел от них. Сунулся в бутик – но не зашел туда, потому что вдруг что-то заметил на тротуаре – на стоянке велосипедов. Направился к ней, подобрал это что-то с земли, посмотрел на стоянку и стал звонить по сотовому. Интересно, кому?

В это время полицейский вместе с девушкой направились к велосипедам. Едва они стали приближаться к тому месту, где стоял Томас, как он кинулся к ним наперерез. Вцепился в один из велосипедов и давай его дергать и тащить – как будто не знает, как отцепить. Полицейский приостановился – и Томас, похоже, воззвал к нему о помощи. Полицейский, маша рукой с авторучкой, что-то ему объяснил, Томас покивал и снова стал беспомощно дергать велосипед. Полицейский кричал что-то. Девушка рассмеялась. Тут Томас полез в карман за телефоном. Взял его, ответил. И, оставив велосипед в покое, сказал что-то полицейскому и девушке, будто бы виновато. Девушка рассмеялась еще больше, полицейский покрутил пальцем у виска, едва Томас отвернулся.

А Томас поспешил обратно к нам.

Когда он открыл дверцу, чтобы сесть за руль, я прошептала, умирая от любопытства:

– Что там было?

Томас молча достал из кармана и протянул мне на ладони маленькое серебристо-белое перышко. Вивиан и Швайгер придвинулись к нам, чтобы тоже рассмотреть.

– Перо от его сандалий! – сказала Вивиан.

– Ну и что, – небрежно бросил Швайгер. – Ну пролетал он здесь, и что?

– Точнее, – сказал Томас, заводя мотор и выруливая на другую улицу, – прилетал. Но не улетел.

- Почему? - воскликнула Вивиан.

- Он здесь? - одновременно с нею сказала я.

- Нет, - ответил Томас. - Его уволокли. И пристегнитесь.

- Уволокли? - ужаснулась я. Бедный Гермес. Значит, его усыпили этими блестками!

- Томас, не cedите в час по чайной ложке! - произнес Швайгер недовольно.

Хи-хи. Что есть, то есть - любит Томас навести тумана.

- Хорошо, - сказал Томас, рванул машину с места и прокричал всем: - Расскажу, когда будет время.

Вот поросенок!

- Куда мы мчимся? - жмуря глаза, когда на меня надвинулась и вдруг перевернулась набок какая-то арка, крикнула я.

- На площадь Пантеона! - сказал Томас.

- Зачем?

- За нею! - ответил он возмутительно коротко.

- А зачем ты отдирали от столба велосипед?

Выпытаю у него все своими методами, помаленьку - зато узнаю все, что хочу!

- Чтобы отвлечь полицейского на то время, пока Жюстин уничтожает данные из базы по аренде велосипедов, - сказал Томас, вписывая машину между афишей и чугунным столбиком, преграждающим проезд машинам - с нашей этот номер у него не прошел, как видите.

- Они арендовали велосипеды? - Кажется, от быстрой езды я быстрее соображаю. Вот это да!

- Да, - сказал Томас, кивнув одобрително. - Только не они, а она!

- Кто - «она»? - пискнула я.

- Девушка с лыжей! - сказал Томас.

- Это была девушка? - крикнул Швайгер. - Не может быть! Она лупцевала нас как терминатор.

Я тоже с трудом поверила в это. Хотя, из-за мешковатой куртки и искр, кто там, было не разглядеть.

- Так что насчет штанов ты была права, Алисия, - сказал Томас и продолжил: - Эта девушка взвалила Гермеса на багажник и увезла на площадь Пантеона. По крайней мере, там она сдала велосипед. По кредитной карте на имя Виктора Гюго, - усмехнулся он.

- Ненасущее имя, - догадалась я. Где-то я его слышала. Это кто-то очень известный, точно.

- Ну да, - сказал Томас и быстро глянул на меня.

- Это французский писатель, - сказал Швайгер позади.

- Я знаю, - обернулась я.

Но Швайгер сказал это Вивиан. Ой.

- Это Жюстин тебе сообщила? Это ей ты звонил, да? - повернулась я снова к Томасу.

Он кивнул.

- Жюстин - это местный Боб? - догадалась я.

- Верно, - сказал Томас.

- И как это тебе продавщица все рассказала? - спросила я.

- Опять какое-нибудь вещество распылил? - насмешливо предположил Швайгер.

- Нет, - ответил Томас спокойно. - Я спросил, что за силач смог уронить такие тяжелые кадки. Никак слон из зоопарка сбежал. А продавщица сказала, что это была девушка. И она дралась с мужчиной. Я сказал, ну ничего себе! Девушка! И дралась! И без оружия? А продавщица сказала... -

И Томас изменил голос: – «Ой, я вспомнила, у нее было оружие!» «Какое?» – спросил я. «Она выстрелила в мужчину хлопущкой, новогодними блестящими конфетти», – сказала продавщица.

– И что полицейский? – поинтересовалась я.

– Записал в свой блокнот: «вооружен хлопущкой», – торжественно ответил Томас и улыбнулся.

– А почему продавщица потом смеялась, ну, когда ты отрывал велосипед? – спросила я.

– Потому что я сказал, что я провинциал и никогда не брал велосипед напрокат, ведь у меня есть свой – хоть и довоенный, и к тому же дамский... но зато я могу на нем ездить в длинном пальто.

Мы с Вивиан рассмеялись, Швайгер усмехнулся тоже.

– А знаешь, – сказала я, – когда ты ушел, полицейский повертел пальцем у виска. – Я изобразила.

– Да? – хмыкнул Томас. – А-а... Жюстин позвонила и сказала, что все сделала, и я сказал им, что это звонили из моего лимузина. «Совсем забыл, я же на лимузине сегодня!»

Мы притормозили на широкой улице с каменными бежевыми зданиями, возвышавшимися, как скалы, по обеим ее сторонам. Справа была парковка, но все места на ней были заняты. Томас просто поставил машину вдоль, вплотную к носам припаркованных в ряд авто, и выскочил из машины. Мы вышли и направились за ним к тротуару.

Но нас задержал окрик:

– Эй!

У крохотной, размером с пони, желтой машинки, которую мы «заперли» на парковочном месте, стоял маленький, под стать машине, человечек в полосатом свитере и кричал нам, маша руками.

Томас крикнул ему в ответ, указав на Швайгера, потом перевел Швайгеру:

– Я сказал, ты хозяин этого паровоза. Освободи проезд, ладно? А то он грозит пойти на таран.

– Ладно, – буркнул Швайгер, ловя кинутые Томасом ключи и возвращаясь к лимузину.

Вивиан пошла с ним.

Мы с Томасом поднялись на тротуар.

Томас показал рукой на большое здание слева, через дорогу:

– Это Пантеон.

– А, – сказала я. Что за «пантеон»? Наверное, какое-нибудь государственное учреждение, судя по куполу с колоннами.

– А вон и стоянка велосипедов, – сказал Томас, махнув рукой вперед.

Стоянка тянулась перед длинным бежевым двух- или трехэтажным строением, начинавшимся через улочку.

– А что там, в этом доме?

– Одна из библиотек Сорбонны, – Томас слегка нахмурился.

Чего это он?

– А плакат? – вдруг вспомнила я. – Возле бутика продавщица почему-то показала на плакат...

– А плакат лыжница оборвала и завернула в него Гермеса! Нетривиально, да?

– Ага.

И что значит «нетривиально»? Наверное, «жестоко»?

– Может, и вправду это они, – произнес Томас тихо.

Он про инопланетян? Но я не успела спросить, потому что, когда мы дошли до улочки, Томас вдруг схватил меня за руку и потянул назад, прошептав:

– Он там!

Мы затаились за углом здания, вдоль которого шли.

– Тс-с, – сказал Томас, подняв руку.

Вижу: девушка в шлеме и розовых штанах, с перекинутым через плечо и будто ничего не весящим бумажным рулоном, спокойно так себе открыла створку воротца в железном, из пик, заборе и зашла в зеленый садик с розами.

Едва она скрылась за кустами, мы перебежали улочку наискосок и осторожно прокрались вдоль стены библиотеки до начала забора. Лыжница, которую было едва видно за густыми высокими кустами и деревьями, прошла по дорожке до высокого современного крыльца, поднялась на него и зашла в здание.

Ну, мы отправились следом.

– Это служебный вход, – сказал Томас.

– Может, Сорбонна – на самом деле инопланетная база?

– Не-ет, – рассмеялся Томас тихо, – я бы знал.

Все-то он бы знал!

– Тогда она здесь работает, – предположила я.

Томас пожал плечами:

– Не обязательно. Если знать входы-выходы, всюду можно пройти беспрепятственно.

И он был прав. Мы тоже спокойно зашли внутрь, и никто нас не остановил. Прошли высокий и полутемный коридор, поднялись по ступенькам.

Томас ориентировался уверенно, как будто был здесь раньше.

– Ты был здесь? – спросила я.

– Да, – сказал он и – больше ничего.

– И что ты тут делал? – не отставала я.

– Да так.

Мы свернули куда-то, потом еще.

– Ты прям как дома, – сказала я.

– У меня здесь один друг работал, – нехотя ответил он.

– Может, и сейчас работает?

– Надеюсь, что нет.

Наверное, они поссорились.

Мы подошли к какой-то арке, за ней была винтовая лестница. Томас приложил палец к губам, заглянул вверх. Слышались тихие удаляющиеся шаги. Томас показал мне знаком, чтобы я оставалась здесь. Но не успел и подойти к лестнице, как из боковой двери вышла девушка в очках и свитере. Сначала она с удивлением взглянула на Томаса, а когда он обернулся – как завопит:

– Тома!

Я аж подпрыгнула от страха. А девушка бросилась ему на шею и впилась в губы! Так вот о каком друге он говорил!

Наконец она отпустила его и тут заметила меня, нахмурилась и спросила Томаса по-английски:

– Ты приехал ко мне?

Он не знал что ответить, закусил губу, потом произнес:

– Да. И... моя коллега.

– Сбежали с вечеринки юристов? – спросила девушка, бросив на меня, вернее, на мое красное

декольтированное платье подозрительный и неприязненный взгляд.

А я-то думала, в сочетании с джинсой оно будет казаться менее вечерним!

- Вроде того, - сказала я.

- Ей нужны книги по старинному французскому праву. Она увлекается историей.

- И знаете французский? - хмуро спросила меня девушка.

- Нет, - сказала я.

- Поэтому я взялся ей помочь, - сказал Томас, отклоняясь при этом к лестнице и прислушиваясь. Но услышать, видимо, ничего не удалось, и он с обреченным видом повернулся к незнакомке.

- Ее зовут Алисия, - сказал Томас, указывая на меня. - А это Полин, библиотекарь, - сказал он мне. - Полин, милая, может, ты ей пока покажешь книги, а я... - он оглянулся на лестницу, - кое-что в машине забыл. Вы идите, я мигом...

У Томаса что, был роман с библиотекаршей? Хотя от него разве можно ожидать другого - у него только учебники на уме.

- Хорошо, - сказала Полин недовольно и направилась к той двери, из которой вышла. - Только я собиралась в кафе купить что-нибудь перекусить. Так что купи мне пано чоколя (Вот такое она и сказала. Я так поняла, шоколад какого-то французского сорта.) и кофе. Надеюсь, помнишь, какой?

(Шоколад с кофе - это ей не слишком будет? Она и так перевозбужденная какая-то!)

А Томас сказал:

- Разумеется!

И, только библиотекарша повернулась к двери, энергично подергал рукой - ну, видимо, подавал мне знак, чтобы мы выметались поскорее.

Я буквально толкнула библиотекаршу в открытую дверь и влетела следом. Оглянулась, когда дверь закрывалась, - Томаса уже и след простыл.

Что там будет, когда Томас догонит розовоштанную? Жив ли Гермес? Ой, конечно, жив, он же бессмертный...

А мы прошли еще один коридор, свернули куда-то, там остановились перед небольшой деревянной дверью, и библиотекарша открыла ее ключом. Но запирать на замок снова не стала - видимо, оставила открытой для Томаса.

Следуя за новой знакомой, я прошла через просторный кабинет - со старинным столом и шкафами у стен. Потом, через другую дверь кабинета, мы вышли в помещение, вдоль и поперек перегороденное стеллажами с книгами. Три высоких арки вели из него в практически бесконечный библиотечный зал.

Библиотекарша стала расхаживать от стеллажа к стеллажу и выуживать книги одну за другой. Я стояла, не зная что делать и едва решила сбежать от нее к Томасу, как она, отобрав с десятка самых толстых книг, подхватила всю эту стопку и с грохотом бросила ее на один из длинных столов, сказав:

- То, что вас интересует. Пожалуйста, сидите, сколько вам будет угодно.

Я улыбнулась как можно любезнее и уселась за этот стол. А Полин упорхнула, чтобы, наверное, повисеть на шее у Томаса пару недель, пока я буду корпеть над этими талмудами.

Ну, и что делать? Томасу, может, моя помощь нужна, он, может, опять болтается где-нибудь на краю крыши, держась одной рукой за парапет! Но я не хочу снова попасться на глаза этой библиотекарше - а другой дороги к лестнице не знаю!

Скажу ей, что забыла тетрадку в машине.

Я вскочила, и тут мне по башке заехали стопкой книг. Мне что, надо было просигналить, что я выворачиваю из гаража? Несутся сломя голову эти фра...

- Миссис Барментано! Алисия! - воскликнули мы одновременно с Селией. Но совсем не с радостью.

- Вы украли амброзию, и из-за вас все случи... - закричала я.

- Как ты посмела сдать нас этому старикашке?! - перебила меня Селия.

- Потихонечко! - раздался вдруг грозный голос. Полин выглянула из своего кабинета: видимо, чтобы проверить, не вырываю ли я страницы из ее бесценных потрепанных книг!

Потом Полин вдруг исчезла, и перед тем, как она прикрыла дверь, я услышала, как ее голос, резко став нежным, проговорил вдалеке:

- Как я скучала по тебе, Тома...

Томас уже вернулся? Неужели розовоштанной удалось улизнуть? А Гермес как же?

А Селия уже клала зубы.

- Какому еще старикашке? - не поняла я. Она сбрендила, эта вампирша?

- Не отпирайся! - рыкнула Селия. - Больше никому.

Неподалеку что-то звякнуло, и раздались шаги - по красной дорожке к нам подошел уборщик с ведром и шваброй.

- Дорогая... - сказал он.

Да это же мистер Барментано! Я чуть со смеху не покатила. Я видела его всего раз - они с Селией приходили знакомиться со мной и решать, можно ли мне доверить их отпрыска. Было утро рабочего дня недели - а он был во фраке! (Ну, таком пиджаке со смешным коротким передом и хвостом, как у ласточки!) И даже бутон розы краснел на лацкане!

И вот сейчас... Он в синей потертой куртке и таких же штанах, а на голове - дешевая китайская бейсболка. Я бы захохотала, если бы не его лицо, которое просто перекосило, когда он меня увидел.

- Алисия, - он обнажил клыки.

Две вампирьих пасти нависли надо мной. Может, не зря я всегда не любила книги и уж тем более библиотеки? Может, это внутренний голос говорил, что они меня к чему-то нехорошему приведут, типа смерти?.. А Томас занимается непонятно чем - вместо того, чтобы меня спасти!

- Я не понимаю, за что вы на меня злитесь, - пискнула я почти неслышно.

- За то, что мне приходится торчать тут целыми днями, выискивая изображения придурка в сандалиях! - прохрипела Селия и с ненавистью швырнула несколько книг со стола на пол.

Я вообще ничего не понимала. Эти вампиры чокнулись? Я даже разозлилась:

- Какого придурка? Я-то при чем!

- Ты разве не сдавала нас Зевсу? - Селия слегка отступила - видимо, удивленная моим тоном.

- Нет!

- От кого еще он мог узнать? - сказал Барментано.

- Что узнать? - Нет, эти вампиры меня уже достали. Мелют какую-то чушь.

- Ну, - слегка замялась Селия, - что мы... взяли немного амброзии...

- Всю бутылку, вы хотите сказать, - сердито сказала я. Потому что не возьми они всю бутылку, я бы не позвонила Гермесу. А не позвони я Гермесу, я бы не узнала, что он хочет сбежать. А не узнай я... Короче, Петер был бы сейчас со мной. Ну, или в Корпорации, по крайней мере. Я так думаю.

- Всего несколько глотков! - закричала Селия. - Я бы так тебя не подставила! А ты! Пожаловалась Зевсу!

- Да не жаловалась я!

- Но он нас ищет! Он пообещал стереть нас с лица Земли! - с отчаянием проговорила Селия.

Муж обнял ее и утешительно погладил по голове.

- Из-за амброзии? - не поверила я. У богов что, амброзии так мало?

- Чтоб другим не повадно было, - чуть не плача, сказала Селия. - И мы теперь должны...

- Что должны? Сидеть в библиотеке?

Ну, знаете, может, это магическое здание, типа, неприступное для греческих богов.

- Я помогаю искать в книгах того придурка в сандалиях... - сказала Селия.

- Помогаете? - пробормотала я, совсем сбита с толку. - Кому? Зачем?

- За то, что они нас охраняют, - ответила грустная Селия. - Джузи пришлось устроиться мыть пол, чтобы быть рядом.

Барментано (а Джузи, или Джузеппе, - это он) хмуро проворчал:

- Не хватало только рыться в пыльных книжонках, как школьнику!

- Кто-то охраняет вас от богов? - догадалась я.

- Это же олимпийцы, - всхлипнула Селия. - Вампиры против них ничего не могут.

Барментано нахмурился и проговорил недовольно:

- Только чужие им не под силу...

- Какие чужие? - не поняла я.

- Будьте добры, не отвлекайтесь, Селия! - к нам подошел мужчина атлетического сложения - ну просто копия Сталлоне-Рэмбо, даже повязка по лбу. - Книг здесь великое множество.

- Я иду, - сказала Селия и покорно двинулась за ним.

Селия - и покорно? Я сплю?

- Они, - кивнул в сторону атлета Барментано и с поникшим видом взял ведро и швабру.

- А кто он? - спросила я его.

- Миссис Грыыхоруу, - сказал Барментано.

Я была так шокирована, что осталась стоять столбом. Миссис Грыы... И инопланетное оружие? И лыжница в штанах от «Дольче и Габбана» - таких же, как у самого Грыыхоруу. Вернее, это и был сам Грыыхоруу в своих же штанах! Жена Грыыхоруу тут, Грыыхоруу убежал наверх, неся на плече рулет, начиненный Гермесом. И поймал ли его Томас - неизвестно!

Я бросилась к аркам, оттуда - к двери в кабинет библиотекарши... А дверь вдруг распахнулась, и наружу вылетел Томас. Волосы его были ужасно взлохмачены. Он увидел меня и сказал виновато:

- Полин... она...

- Шоколада объелась? - предположила я.

- Что? - растерянно сказал Томас. - А, нет, она про еду забыла...

Ах, из-за нас дамы даже про еду забывают! Какие мы прям Дон-Жуаны!

- Ты поймал Грыыхоруу? - процедила я.

- Грыыхоруу?

- Значит, не поймал.

- Я не поймал ту девушку. Не хотел познакомиться ей на глаза. А она оставила завернутого Гермеса на чердаке и куда-то улизнула. Но с чего ты взяла...

- А Гермес? - перебила я.

- А Гермес сейчас отдыхает на диване... в кабинете Полин.

- Что-о?

- Я его туда перетащил. Не оставлять же его на чердаке. Он до сих пор без чувств.

Интересно, что он наплел Полин, когда приволок к ней в кабинет бесчувственное тело вместо кофе.

- Здесь Селия с мужем, - сказала я. - И жена Грыыхоруу.

- И жена Гры... - Томас осекся. - Ясно... Они тебя видели?

- Да. Но жена Грыыхоруу меня не знает... Я разговаривала с вампирами, - сказала я. - Они скрываются от Зевса.

- А инопланетяне их охраняют? - полуутвердительно сказал Томас. - Петер у них?

- Не знаю... - растерялась я. Столько событий и новостей свалилось на мою голову, что я даже не успела сообразить, что те тюhti, о которых говорил Гермес, - это инопланетяне, точнее, Грыыхоруу с женой.

Томас кивнул, сказал:

- Я поговорю с Мье. Она самое спокойное создание во Вселенной.

- С кем поговоришь?

- С миссис Грыыхоруу. - И он направился к одной из арок, ведущих в главный зал.

Я, как всегда, - за ним.

Селия и миссис Грыыхоруу, стоя у одного из столов, перебирали книги. Барментано мыл пол в метре от них. Рядом с Селией за столом сидела и рисовала девчушка лет шести-семи, с огромным розовым бантом. Лицо у девчушки было таким знакомым, и эти уши оттопы... Неужели это Мосик?

Томас шагнул было в зал - но тут же отпрыгнул обратно за арку: между столами, по ковровой дорожке, шагала лыжница с одной лыжей в руке. Без очков и шлема, тонкая, модельной внешности блондинка в розовых штанах... и с едва просвечивающей сквозь кожу татуировкой на лбу! Да я этот иероглиф столько раз видела!

- Грыыхоруу, - выдохнула я беззвучно. На этот раз красавицей обернулся.

А Грыыхоруу взял под локоток свою мускулистую жену, отвел в сторонку и стал что-то говорить с озабоченным видом.

- Я сейчас, - сказал Томас и побежал назад в кабинет.

Миссис Грыыхоруу между тем в ответ на речи мужа кивнула, глаза ее стали колючими, потом она побежала к выходу из зала.

Томас вышел, таща за собой воркующую библиотечаршу.

- А где Мье? - растерялся он.

- Ушла, - ответила я. - После того как Грыыхоруу ей что-то рассказал.

Томас кивнул.

- Ты ее знаешь? - спросил он у библиотечарши, указывая на мистера Грыыхоруу.

- Да, - кивнула библиотечарша и добавила с легкой неприязнью: - У них разрешение от самого... - и она мотнула головой вверх.

- Президента?! - ужаснулась я.

- Мэра, - небрежно сказала она и залопотала уже по-французски, обращаясь к Томасу.

Будто бы меня здесь нет.

Томас что-то сказал ей тоже по-французски. Она направилась в зал к группке наших знакомых.

- Она приведет Грыыхоруу сюда, - ответил Томас. - Если мы выйдем в зал, он снова удерет. А ты вообще спрячься и не попадись ему под руку.

- Еще чего, - сказала я и осталась рядом.

Мы отступили вглубь за стеллажи. Меня мучило любопытство: о чем говорила библиотечарша и что сказал Томас. Я повернулась к нему, чтобы спросить, но увидела на его шее след от бледно-розовой губной помады. (Я еще всегда думала: ну кто покупает такую, ее же почти не видно - что есть, что нет! Оказывается, библиотечарши!) И спрашивать Томаса мне почему-то совершенно расхотелось. Более того, захотелось взять самую толстую книжку и надавать ею Томасу по голове. Даже не знаю, что вдруг на меня нашло. Ведь не ревность же, правда? С чего мне вдруг его ревновать, мы и знакомы всего два дня...

Вместо вопросов и тумачков я просто пробурчала:

– Наверное, она прыгнет ему на шею, и он от радости пойдет за ней куда угодно... – «Прям как ты, теленок», – чуть не договорила я, но решила остаться в дипломатических границах.

– Вообще-то, с точки зрения Полин, он – девушка.

Не успела я ничего ответить – а что тут ответишь-то? – как услышала приближающееся щебетание библиотекарши и краткие мелодичные реплики Грыыхоруу.

– Эта книга абсолютно уникальна, в ней содержатся репродукции утерянных во время Второй Мировой войны картин из частных собраний Европы...

Они подошли совсем близко, и я затаила дыхание.

Библиотекарша была намного ниже Грыыхоруу-блондинки и, оборачиваясь к нему, задирала голову и каждый раз поправляла очки. Они дошли до дверей кабинета.

– А вот и книга, – сказала библиотекарша. И юркнула в кабинет.

А в лицо Грыыхоруу ткнулся талмуд, протянутый длинной рукой... Томаса.

– Только спокойно, – сказал он. – Мы всего лишь хотим поговорить...

Я тоже вышла из-за стеллажа. Грыыхоруу взглянул на Томаса, на меня и опустил глаза. Вздыхнул глубоко и протяжно, прижал руки к своей высокой груди и едва не рыдающим тоном произнес:

– Друзья мои! Простите! Простите меня, что я подверг вас опасности, что я применял оружие возле вас... Ах, ох...

Он вытащил платок и стал реветь во весь голос.

– Тс-с, – сказал Томас. – Тихо, прошу, успокойся...

Грыыхоруу кивнул так неистово, что светлые волосы взметнулись волной и, упав, закрыли его лицо. Он стал отплевываться от волос и убирать их с лица, задел план пожарного выхода на стене, тот упал и разбился вдребезги. Эхо ухнуло куда-то в потолок, разбрызгалось по помещению и ушло в читальный зал.

Из кабинета высунулась библиотекаршина голова, сердито зыркнула на нас:

– Что тут происходит? Томас!

– Все в порядке, – ответил Томас, схватил меня за плечи и толкнул к Полин: – Алисия, помоги Полин прибраться в кабинете, мы с Грыыхоруу поговорим там.

– Что? – обалдела я. Я няня, а не уборщица. И вообще, я же начало разговора пропущу!

Томас буквально запихал меня и Полин в кабинет:

– Нам же с мистером Грыыхоруу и сесть будет некуда. Ты хоть с дивана все скинь.

И закрыл за нами дверь. А! На диване же Гермес!

– Что вы тут с Томасом затеяли? Что это за игра? – возопила библиотекарша, вперив в меня свои окуляры.

А почему она Томаса об этом не спросила? Некогда было? Все лезла с объяснениями?

Она выдвинула новое подозрение:

– И вы, девушка, не похожи на юриста!

(Ну и слава богу, я вам скажу. Вы юристок видали?)

А Томас уже стучал в дверь и спрашивал:

– Мы можем войти?

Черт! Я ухватила Гермеса за ноги, намереваясь вытащить его через другую дверь в коридор. Библиотекарша демонстративно скрестила руки на груди – типа, не собираюсь участвовать в ваших грязных делишках. Ну, она где-то права.

Тогда я сгребла какие-то рулоны со стола – библиотечка только тихо пискнула что-то протестующе, но остановить меня не успела – и набросала их на Гермеса. Рулонов оказалось маловато, я стала сгребать их с верхних шкафов и тоже кидать на Гермеса, пока диван не стал похож на огромную мусорную корзину, где ничего кроме бумаг и нет, тем более бесчувственного тела.

Томас стукнул еще раз, я крикнула:

– Можно!

И они с Грыыхоруу зашли в кабинет. Томас незаметно задвинул защелку двери, бросил взгляд на диван и прикрыл глаза, потом обратился к своей библиотечке:

– Ты не могла бы прогуляться...

Он скользнул к другой двери и, открыв ее, сделал приглашающий жест.

– Что-о? – возмущенно завопила та. – Знаешь, Томас, всему есть предел!

Хоть я и злилась на нее, но понимала: кому бы понравилось убираться из собственного кабинета и оставлять в нем Томаса с двумя девицами, по крайней мере одна из которых была сногшибательной красавицей. Я о Грыыхоруу. А вы что подумали?

В дверь, закрытую на защелку, постучали вежливо и сказали басом:

– Дорогая, ты здесь?

– Это жена, – сказал Грыыхоруу Томасу.

У библиотечки глаза за стеклами очков так округлились, что она стала похожа на стрекозу.

А Грыыхоруу договорил виновато:

– Я сказал ей, что ты за мной гонишься вместе с этим олимпийским богом...

Томас схватил ничего не понимающую библиотечку за плечи, произнес:

– Я прошу тебя, милая, десять минут! – И, развернув ее, как оловянного солдатика, вытолкнул во внутреннюю дверь.

Милая! Милая! Я заскрежетала зубами.

Томас обернулся к Грыыхоруу:

– Скажи ей, что ты сейчас придешь.

Грыыхоруу покивал, сказал в дверь:

– Мьё, мне разрешили пролистать один редкий фолиант...

– Хорошо, – сказал бас.

Шаги стали удаляться.

А потом вдруг что-то бухнуло в дверь – и она слетела с петель и упала на пол. А внутрь заскочил атлет Мьё Грыыхоруу и направил на нас с Томасом такой же фонарик, который был у Грыыхоруу на Эйфелевой башне.

– Не надо, – Томас поднял руки вверх и, шагнув вбок, прикрыл меня. – Мы можем уладить конфликт, пока он не принял серьезный оборот.

– Мы ни в чем не виноваты, – сказала Мьё самым спокойным голосом. – Нас обманули, мы должны были восстановить справедливость.

Святые угодники! Это не инопланетяне, это мафия какая-то!

– А зачем дверь сломали? – пискнула я, высунув голову из-за Томасовой спины.

– Голос Ойой был на три микрона выше, чем всегда, – сказала Мьё. – Я поняла, что он врет.

Так вот они почему не врут! У них отличный слух! Ой. А нас они тоже могут вычислить? Или это только к своим относится?

– Мы всего лишь разговаривали, – сказал Томас, не опуская рук. – Может, поставите дверь на место?

В проем уже заглядывал какой-то любопытный белобрысый молодой человек.

Мьё передала фонарик Грыыхоруу – тот его сразу положил в карман – и, легко подняв дверь, приставила ее к прежнему месту. А для надежности подперла ее комодом.

– Рассказывайте, – велел Томас инопланетянам. – Всё.

– Гермес Олимпус и мой муж играли в покер, – сказала Мьё спокойным внушительным басом. – И Гермес проиграл мужу технологию летучих сандалий. Он обещал технологию, а принес только свою старую сандалию. Ойой смог сделать по ней лыжи. Но они плохо летают: неточно маневрируют, а когда надо тормозить, могут перевернуться вверх ногами!

– Так вот что ты прятал в ящик на Аляске! – сказала я Грыыхоруу. – И чертеж...

– Да, – кивнул Грыыхоруу смущенно.

А Мьё продолжала:

– Мы попросили Гермеса выполнить обещание и дать технологию. Но он не дал и не захотел с нами больше разговаривать. Мы потребовали долг. Он стал от нас скрываться. Грыыхоруу настроил радар на него – у Гермеса какая-то особая волна. И мы догнали его в Канаде. Но он опять убежал. И радар его больше не ловил. Наверное, он перестал летать на своих сандалиях...

– Но в Нью-Йорке? – спросил Томас. – Разве вы не засекли его волну в Нью-Йорке? Ты же был в том же отеле, Ойой.

– В том же отеле? – не понял Ойой.

– В «Ритц-Кристалле», – пояснил Томас.

– Да, – сказал Ойой. – Я был. Ты хочешь сказать, и Гермес там был?!

– Еще как был, – кивнула я. – Улетел с балкона.

– Но как же... – удивилась Мьё. – А мы его не засекли... Наверное, он быстро приземлился.

– Может быть, – сказала я.

– Как же я его прошляпил! – сокрушался Грыыхоруу. – В том же отеле!

– Ничего, – сказала Мьё. – Зато ты с Парижем угадал.

– Как это? – спросила я.

– Когда мы потеряли след Гермеса, – рассказал Грыыхоруу, – я навел справки через ваш Интернет. И он показал, что больше всего гнезд у него в Париже.

– Гнезд? – хором не поняли мы с Томасом.

– Домов, – сказала Мьё. – Дома «Гермес».

– О, – только и сказала я.

– Нам было все равно, в каких библиотеках искать информацию, – сказала Мьё.

– Какую информацию? – спросила я.

– Все про Гермеса и его сандалию, – сказала Мьё. – И когда Ойой выяснил, что больше всего гнезд у Гермеса в Париже, мы решили начать тут. И угадали. Он появился!

Томас не стал рассеивать их заблуждение о домах «Гермес» и о том, почему Гермес оказался в Париже. Я решила, что объясню все Ойой позже, он же модник, пусть знает такие вещи.

– Но зачем вы взяли в заложники землянина? – сурово сказал Томас.

– Какие заложники?! – изумился Грыыхоруу. – Они сами прибежали к нам и попросили защитить их от...

– Я не о вампирах! – крикнул Томас. – Я о ребенке Гермеса Олимпуса!

– О ребенке? – недоуменно переспросила Мьё.

– О чем это ты? – сказал Грыыхоруу.

– О похищении и удержании Петера Олимпуса, – чуть спокойнее сказал Томас, исподлобья вглядываясь в лица инопланетян.

– Ты с ума сошел! – пропищал Грыыхоруу, отшатнувшись. И замахал на Томаса руками, будто комаров отгонял.

– У вас на планете похитили ребенка? – округлила глаза гигант-жена. – Мы не слышали, что объявили чрезвычайное положение...

– А у вас объявляют чрезвычайное положение? – вырвалось у меня.

– Разумеется! – вскрикнул Грыыхоруу.

И дальше он произнес нечто уж совсем неожиданное:

– Бедный Олимпус!

– Да, – сказал Томас.

– Мы можем чем-нибудь помочь? – спросила жена-атлет.

Томас ответил:

– Вряд ли. Но спасибо за предложение... А в сандалиях Гермеса, даже по всем технологиям изготовленным, у вас летать вряд ли получится.

– Почему? – хором произнесли супруги Грыыхоруу.

– Потому что не будет божественной искры, – сказал Томас.

– Да? – оживился Грыыхоруу. – А где ее можно взять?

– Нигде, – сказал Томас. – Она есть только у богов. То есть в богах. Это их качество от рождения... Гермес может ведь и без сандалий летать.

– Точно, – сказала я. – Ведь и Петер может. Правда, неуклюже...

– Вот именно, – сказал Томас. – Сандалии нужны для скорости и высоты.

– А мы думали, дело в конструкции, – огорчился Грыыхоруу. – Все старые книги перерыли. Там много картинок с Гермесом Олимпусом, и он почти всегда в этих сандалиях...

Томас промолчал. Кажется, у Гермеса есть совсем не божественное свойство не договаривать некоторых деталей. Например, на сколько он оставляет ребенка няне.

Грыыхоруу совсем поник, закрыл лицо ладонями с наманикюренными алыми ногтями и шлепнулся на диван. То есть на кучу рулонов, под которыми валялся этот самый Гермес.

– Эй! – раздалось из-под груды бумаги приглушенно.

– Ай! – взвизгнул Грыыхоруу, вскакивая и едва не падая со своих неустойчивых красных шпилек.

Раскидывая бумаги, с дивана поднялся мистер Олимпус.

– Олимпус... – спокойно сказала миссис Грыыхоруу, будто и не удивилась. Вот это выдержка!

А Олимпус вмиг оценил обстановку и бросился, естественно, на самого опасного противника – на атлета-жену!

И завязалась такая куча-мала, что боже мой. Я и до сих пор не понимаю, кто на чьей стороне дрался. То ли Томас защищал двух Грыыхоруу от Гермеса, то ли Гермеса от Грыыхоруу, то ли вообще пытался вытащить меня из драки...

А я просто не могла стоять и смотреть, как четыре хороших (Ну, может, и не совсем хороших, но за кем не водится мелких пакостей? Я о Гермесе, вообще-то.)... как четыре относительно хороших (Относительно чего? Ну, всегда же так говорят.)... как четыре милых человека (Да и не совсем человека, надо сказать. То есть половина из них была совсем даже и не чело...) – короче, не могла же я стоять и смотреть, как они зверски избивают друг друга! Ну, может, зверски – это сильно сказано. Вцепился кто-то кому-то в волосы – это ж почти нежный массаж. Тем более что у половины из всех волосы были как бы... ну... ненастоящие – как-то они их моделируют, как и всю внешность. А у другой половины они все равно отрастут... Но мне все равно стало всех жалко. И я полезла лупить их кулаками и кричать: «Хватит! Перестаньте!»

А потом у меня в носу вдруг так зашипало, что я принялась чихать без остановки. Смотрю (надо сказать, было еле видно из-за выступивших на глаза слез) – все остальные тоже чихают. А потому не дерутся.

– Извините, – проговорил Томас между двумя чихами, – я не знал, что еще делать.

– Так это ты! – закричала я.

Уф, кажется, перестает. Апч-х-хи... Все...

Томас кивнул, одновременно чихнув.

– Ты? – переспросила я.

Он опять кивнул, больше не чихая:

– Не хотел, чтобы вы все разорвали друг друга в клочья.

Грыыхоруу достал из кармашка розовых штанов кружевной платочек и высморкался.

Жена-Рэмбо утирала слезы углом шелкового шейного платка Гермеса. Гермес недовольно отобрал его.

– Петер не у них, – твердо сказал Гермесу Томас.

Гермес нахмурился:

– С чего вы взяли?

– Они так сказали, – сказал Томас.

– Да, – сказал Грыыхоруу, – мы бы никогда не совершили подобного ужасного деяния.

– А как ты знаешь... – начал Томас.

– ...они никогда не врут, – насупленно досказал за него Гермес.

Томас что-то убрал в карман.

– Что там? – спросила я.

Томас нехотя достал из кармана стеклянную граненую емкость.

– «Старая перечница», – ответил он.

– Что? – мне даже смешно стало. – Обыкновенный перец?..

– Нет конечно, – сказал Томас. – Один взмах – и пять минут чихания всем в комнате обеспечено. Старинная разработка. Восемнадцатый век.

– Поэтому так называется? – спросила я. Нет, похоже, кроме меня, никто здесь не любопытен ни капли!

– Ну да, – ответил Томас, раздумывая о чем-то своем. – Селия сказала, что Зевс хочет наказать их за кражу амброзии... Мистер Олимпус, останьтесь здесь. Если она увидит олимпийца... – он предостерегающе поднял руку.

Гермес кивнул, явно ничего не понимая. Мы все тоже смотрели на Томаса, как тот баран на ворота.

А он сказал:

– Мне надо поговорить с Селией, – и повернулся ко мне: – Представишь меня ей?

– Ага. А что ты ей скажешь?

– Нам остаться здесь? – спросили оба Грыыхоруу.

И почему вдруг Томас оказался главнокомандующим? Почему они меня не спросили, например, что им делать? Я, конечно, тоже не в курсе, что, но я бы что-нибудь придумала, честное слово.

– Пожалуй, да, – ответил Томас. – Хотя, для их спокойствия, идемте вместе.

– Я останусь здесь, – сказал Грыыхоруу и обратился к Гермесу: – Может, расскажете мне что-нибудь о божественной искре? Можно ли ее получить лабораторным путем...

– Нельзя, – буркнул Гермес. – Отстанете вы от меня когда-нибудь со своей дурацкой техникой! Катайтесь на лыжах!..

Мы уже вышли. Не знаю, что там ответил Грыыхоруу. Но жизни они друг друга точно не лишат. Потому что один бессмертный, а второй по сути желе, которое ни разрезать, ни сломать...

Селия сидела за столом рядом с Мосиком и рисовала что-то в его альбоме – он аж повизгивал от восторга. Мистера Барментано было не видно.

Втроем мы подошли к столу. Мосик, увидев меня, засмеялся и сказал:

– Алисия! Привет!

– Привет! – улыбнулась я ему.

Селия, завидев жену Грыыхоруу, сразу схватилась за тома и стала рьяно перелистывать страницы.

– Оставьте это, Селия, – произнесла Мье. – Больше нам это не нужно.

Селия испуганно посмотрела на нее и сказала дрожащим голосом:

– Вы отказываетесь нас защищать? – и покосилась на Томаса: – Чего вы встали? Идите своей дорогой. – Видимо, решила, что это какой-то зевака-студент.

– Это Томас, – сказала я. – Он с нами.

– Мы будем вас защищать, – ответила Мье на вопрос Селии. – Мы найдем для вас другую работу.

– Хорошо, – разулыбалась вампирша, которой, очевидно, до смерти надоели книги. И снова покосилась на Томаса.

– Миссис Барментано, – сказал он, – я агент Корпорации. Не могли бы вы рассказать, когда вас начал преследовать мистер Зевс Олимпус?

Томас отодвинул стул и сел за стол напротив Селии. Я села рядом.

– Вы решили остановить его? – возликовала Селия. – Посадите его за решетку лет на двести! Будет знать, как угрожать ни за что ни про что!

Томас слегка откашлялся, потом сказал:

– Нет, мы э-э... не по этому поводу... Другое расследование.

– А-а, – разочарованно махнула рукой Селия, сразу теряя интерес.

– Но, возможно, – сказал Томас, – он замешан...

– ...и его прижучат... – договорила Селия заговорщически.

Томас кивнул.

О чем это он? Прижучить того громометателя? А, видимо, он это для Селии врет! Чтобы она рассказала все, что ему нужно!

– Смотри, что мне мама нарисовала, – прошептал мне Мосик и подвинул альбом.

Над зелеными крупными штрихами, обозначавшими поле, летали бабочки. Их было много-много, они заполнили весь лист. Большие, маленькие, всех цветов.

– Как красиво, – прошептала я, искренне восхитившись. А эти вампиры, оказывается, те еще романтики. Я-то думала, их только кровь интересует.

– Итак?.. – сказал Томас Селии.

– Ну... – начала Селия. – Мы как раз только прибыли в гости к родственникам, в Венгрию...

«Сбежали, украв амброзию», – досказала мысленно я.

А Селия пояснила, слегка запнувшись:

– Мы их... часто навещаем.

«Ага, как же. Ведь это так близко».

– Закончился праздничный торжественный ужин. В честь встречи... – говорила Селия.

Я даже представлять не хотела, что у вампиров бывает на торжественные ужины. Половина венгерской деревни? Или вся целиком? Вместе с коровами и гусями?

– И мы разбрелись по саду возле замка – прогуляться и отведать десерта... – продолжала Селия.

Неужели яблоч с деревьев?

– Какого десерта? – спросила я.

Селия посмотрела на меня недовольно:

– Неважно.

– Почему же... – начала было я, но Томас положил ладонь на мою ладонь и сказал небрежно:

– Действительно неважно. Продолжайте, прошу вас.

Мне стало жутко. Господи, что у них там может быть на десерт? Неужели слуги? Или какие-нибудь садовники-трубочисты? Кто водится в саду замка в Венгрии? В голове всплыли строчки из одной забавной книжки: «Как опасен их обед, как печален их обед...»

– И тут, – Селия зло оскалилась, – они. Просто как из-под земли. Из-за каждого куста, целая толпа... С дудением в трубы, с каким-то грохотом, и сияние ослепительное...

– Он любит появляться эффектно, – сказал Томас.

– Да уж, – щелкнула зубами Селия и скрестила руки на груди. – Мы едва успели убежать в замок. Некоторые нырнули в воду. Там озерцо...

А. Вампиры же не дышат. Они могут сидеть под водой сколько угодно.

– Но он и в замок зашел запросто. Хотя на всех дверях нерушимые печати!

– Богам они не помеха, – кивнул Томас.

– Но все дуделки, барабаны и одежду им пришлось оставить снаружи, – Селия расхихикалась. – Все же печати есть печати.

Я представила толпу богов, которые в недоумении оглядывают себя и видят, что остались в чем мать родила. То есть... Их же тоже мать рождает?

– Но это не помешало испепелить всю обстановку в замке... Боюсь, родственники больше и видеть нас не захотят... – плечи Селии поникли. – Из-за двух глотков амброзии...

– Вы скрылись?... – произнес Томас.

– У Владислава на заднем дворе склеп...

– Они в нем спят? – не выдержала я.

– Хоронят своих, – свирепо сказала Селия.

– Но разве вы не бессмертн...

– В некоторых случаях нет, – отрезала Селия.

Интересно, что она подразумевала под «некоторыми случаями»? Что у кого-то нашелся осиновый кол?

– В каких случа... – заикнулась я.

– Мезальянсы, – процедила Селия сквозь клыки.

Готова поспорить, что, если бы не красивая ковровая дорожка, Селия сплюнула бы на пол. Но она лишь презрительно чавкнула.

– Неравные браки, – прошелестел мне в ухо Томас. – С людьми.

О. Как интересно. Вампиры женятся на людях? Забавно-забавно. Как необычно, наверное, звучит в их устах любовная фраза: «Так бы тебя и съел». Нет, они, пожалуй, говорят: «Так бы тебя и

выпил»...

А Селия продолжала, обращаясь только к Томасу. Видимо, мои вопросы низвели меня куда-то, где находятся глупые, никчемные существа, не стоящие ни одного ее слова.

Она говорила:

– Мы скрылись в склепе, они как будто притихли там, наверху...

Томас кивнул, типа, да, я знаю почему.

– Почему? – шепнула ему я.

– Потом, – сказал он.

– Но не могли же мы сидеть в склепе вечно и ждать, пока они пошлют за соответствующими. Поэтому...

– Чего? – произнесла я вслух.

И тут же кто-то толкнул меня по ноге.

– Ай! – вскрикнула я и зыркнула на Томаса, он в ответ соорудил гримасу, типа: «Перестань мешать!»

– Что? – сердито откликнулась Селия.

– Ничего, – сказала я и кивнула с глубокомысленным видом умнейшего и всеобразованнейшего человека (такой кивок в стиле Томаса): – Конечно. Соответствующие. Они – ух!

– Вот именно, – сказала Селия недовольно и снова обратилась к Томасу: – Владислав и его семья стали обзванивать тех, кто мог бы нам помочь. И его троюродный кузен сказал, что когда он из любопытства укусил одного бога... – Селия, спохватившись, замолкла, потом поспешно добавила: – По ошибке...

– Конечно, – кивнул Томас.

Селия успокоилась и продолжила:

– Тот потом гонялся за ним вместе со всей своей семейкой... И кузен нашел защиту у чужих, – Селия мотнула головой в сторону Мье, которая скромно стояла неподалеку. – Кузен же с ними и договорился. Они прилетели и забрали нас... Но при перестрелке с богами спалили весь сад. Нет, Владислав точно больше не захочет нас видеть! – Селия промокнула щеку рукавом кофты.

– Когда они напали? – спросил Томас.

– Вчера после полудня.

Томас кивнул и спросил:

– А они пришли точно из-за амброзии? Может, был другой повод?

– Зевс кричал: «Не смейте брать чужое, кровососы!» – сказала Селия.

– Кто такие кровососы, мама? – спросил Мосик, оторвавшись от рисования.

– Это нехорошее слово, детка, забудь его, – велела ему Селия.

Мосик продолжил шоркать карандашом по листу, и я расслышала, как он шепчет под нос едва слышно:

– Кровососы-пылесосы... Кровососы-кабакосы... Кавапосы-куроносы...

Томас поднялся:

– Спасибо за помощь, миссис Барментано.

Подошла Мье:

– Если вам нужна наша помощь, Томас...

– Спасибо, миссис Грыхоруу, – Томас благодарно кивнул. – Пока что нет. Ах да.

Он отвел ее в сторону. Я двинулась за ними. Томас тихо сказал ей:

- Передайте мистеру Олимпусу, он может возвращаться к себе домой.

Мье кивнула. Томас повернулся ко мне:

- Идем.

И двинулся не к арке, а к главному выходу из зала - в эту дверь входили и выходили студенты.

- Ты ведь что-то понял, да? - Я семенила, пытаюсь подстроиться под его стремительный широкий шаг.

- Да, - коротко ответил он.

А пояснения?

- Может, объяснишь мне?! - спросила я, как только мы вышли в широченный и холодный коридор, где Томас не сбавил шага. - Куда мы идем?

- К машине.

- А Гермес?

- А что Гермес?.. Он был бы очень полезен... Но, думаю, он побоится.

Чего побоится? Но я решила не сворачивать с темы.

- Ты сказал «потом», - напомнила я. Компаньоны мы, в конце концов, или нет? Должна я тоже быть в курсе дел?

Хотя он с этим вряд ли согласится. Скажет, что я всего лишь няня и, мол, иди-ка ты домой и нянчись с малышкой, ни на что другое твои мозги не годятся!

- Ну Томас! - окликнула его я.

Но Томас уже завернул за угол.

Я почувствовала себя такой разнесчастной, глупой и ненужной, что сначала остановилась как вкопанная, а потом, заметив, что стою неподалеку от широкого деревянного подоконника, подошла к нему и уселась, уставясь взглядом в свои коленки. Посижу, отдохну от этих дурацких каблучков, а потом пойду домой. Почему-то мысли о том, что дом за тысячи километров отсюда и у меня нет ни документов, ни денег, у меня в тот момент не возникло.

- Эй, - раздался голос Томаса, передо мной появились черные брючины. - Ты чего? - Он вдруг сел рядом, и голос его прозвучал удивительно встревоженно: - Тебе плохо?

- Нет, - я помотала головой.

Он взял меня за руки - так ласково - и сказал:

- Алисия?

Я подняла на него глаза, рот мой сам по себе скривился, и навернулись слезы:

- Я тебе только мешаю. Я ничего не знаю и вообще...

А Томас сказал:

- Прости. Я слишком задрал нос, да? Я свинья.

- Тогда уж скорее индюк-зазнавала. - Я хлюпнула носом, хотела вытащить из кармана платок, да ведь кармана не было, платок в джинсах.

Томас достал из смокинга бледно-лиловый шелковый квадрат и положил мне в руку.

Я вытерла глаза. И нос. Улыбнулась.

- Вот и молодец, - сказал он. - Спрашивай. Все, что хотела.

- А мы разве не спешим? - проговорила я.

- Нет. Мы прекрасно успеваем... Так, первое. Помню. Что они ели на десерт в графском саду...

- Ага.

- Помидоры.

- Что-о? – Моя грусть улетучилась, как сахарная пудра с булочек от дуновения ветра.

- Не хочешь же ты сказать, что ловила прохожих и сцеживала из них кровь для Мосика?

- Ну. Я... Покупала томатный сок... – виновато сказала я. – По цвету же похоже. Я думала, он еще совсем глупый и поверит. Я даже писала на банке...

- Что, интересно? – брови Томаса насмешливо встопорщились.

- Что это кровь первого сорта, – смущенно высказалась я.

Томас захохотал. Я уже хотела было снова разобидеться, но он повернул ко мне абсолютно счастливое лицо и произнес:

- Ты такая фантазерка.

Я хмыкнула. Ну, что есть, то есть. Я и правда не без фантазии.

- Уверяю тебя, он прекрасно различит их с расстояния метров в двадцать. По запаху.

- Да? – Вот ужас-то. Что же он обо мне думал?

- Читать он, скорее всего, не умел, – подбодрил меня Томас.

- Почему же они всегда не пьют томатный сок?

- Потому что это скучно, – ответил Томас.

- А другие няни что же?

- Про томатный сок написано в инструкции, – отозвался Томас.

Я хотела сказать: «В той, которую я пишу, тоже», но зачем хвастать, что я будущая знаменитость (хоть и в узких кругах нашей корпорации) – автор лучшей инструкции для нянь?

- Следующий вопрос, – сказал Томас.

- «Соответствующие».

- Ах да, – вспомнил он и спросил виновато: – Я хоть не больно пнул тебя по ноге тогда?

- Больно, – сказала я. Ну, может, и не так уж и... Но он так мило раскаивается: глаза его становятся похожими на глаза спаниеля миссис Кривич со второго этажа, а брови так трагично сходятся у переносицы!

- Извини, – сказал он очень мило. То есть со всеми перечисленными мною атрибутами его раскаяния.

Я полюбовалась на них немного... Ну то есть как немного – он кашлянул с какой-то неловкостью и произнес нерешительно:

- Итак, соответствующие?

- Ага, – сказала я.

- Олимпийцы, как и все боги, бессмертны.

- Я знаю.

Ну, может, про всех богов я и не знала, но про олимпийцев мне же Селия не далее как позавчера сообщила.

А Томас продолжал:

- И они избегают всего, что связано со смертью, – например, склепов.

- Избегают? – переспросила я.

- Скажем, у них это не самые любимые места для прогулок.

- Но это значит, при необходимости они вполне могли бы туда зайти. Это для них не как... для нас... э-э... космос. Или налоговая.

– Да. Но они предпочитают этого не делать. Говорят, это отнимет у них несколько лет жизни.

Значит, как налоговая.

– Впрочем, – продолжал Томас, задумчиво рассматривая противоположную стену, хотя на ней ничего особенного, кроме замысловатой трещины на штукатурке, видно не было, – они же бессмертны, то есть живут бесконечное количество лет. А от бесконечности какое число ни отними, останется все равно бесконечность...

Иногда Томас мне кажется слишком заумным. Но потом он сказал:

– Так что их объяснение слишком неубедительное.

– Зачем же они врут? – сразу оживившись, спросила я.

Томас пожал плечами и ответил, заговорщически наклонившись ко мне:

– Если ты бог, признаваться в страхах совсем не по рангу.

– Хи-хи...

– Поэтому они зовут соответствующих – тоже греческих богов, но таких, кто по работе имеет дело со смертью... – сказал Томас и давай перечислять всякие нелепые имена, я запомнила только «Аид» и «Хырон», а может, «Хаврон». Томас еще сказал, что этот Хаврон – перевозчик через реку. Только при чем тут смерть?

Томас поднялся:

– Теперь мы можем идти?

Я тоже вскочила:

– Конечно. А куда?

Томас уже заворачивал за угол, когда я догнала его – он обернулся, отчего мы едва не стукнулись носами, и ответил:

– К Зевсу.

– Это его Гермес боится?

– Да.

– Но зачем нам к Зевсу?

– Как ты думаешь, от кого он узнал о том, что Селия украла амброзию?

– Думаешь, от Петера?! – вскрикнула я так громко, что какой-то парень в круглых очках шарахнулся от нас и, вписавшись в стену, растерял все свои тетрадки.

Томас приглашающе распахнул тяжелую высокую дверь, мы вышли в холл.

– Но Петер не говорит толком! – уже тише сказала я.

– Думаю, у Зевса на кухне амброзии полно – и детской в том числе.

– Значит, Петер, может быть, уже взрослый? – поразилась я.

– Его украли вчера утром. Амброзию дают вместо еды?

– Ага.

– Но чем старше ребенок, тем больше может съесть амброзии. Так что... В школу его отправлять можно наверняка.

– В школу никого отправлять нельзя.

– Негативный личный опыт?

Мне вспомнились плевки жеваной бумагой в голову в младших классах и унижительные лапания в старших. Неужели большую часть учеников составляют дети бандитов?

– Бр-р, – только и произнесла я.

– Понятно, – кивнул Томас. – Я бросил школу в последнем классе. Надоело возвращаться битым каждый день. Потом сам готовился к выпускным экзаменам.

– И сдал?

– С высшими баллами, – горделиво сказал он.

Влившись в толпу выходивших студентов, мы вышли на улицу и направились к припаркованному на месте желтой машинки лимузину.

Томас оглянулся вокруг:

– Интересно, куда подевались эти двое?

Он раскрыл сотовый, снова закрыл с досадой.

– У тебя нет их номеров? – догадалась я.

– Нет. Наверное, Швайгер потащил Вивиан завтракать в кафе, – Томас указал на кафе в соседнем здании и уселся на водительское сиденье. – Поехали.

Я влезла в салон.

– Пристегнись, – велел Томас.

Я нашла ремень, прятанный в глубине велюрового диванчика, но едва защелкнула его, как на крышу прямо над моей головой что-то сверзлось – наверное, метеорит. И крыша прогнулась, прямо до моей макушки!!!

Вместо того, чтобы спокойно отстегнуться, я сначала рванулась вперед, как испуганная лошадь, потом осознала, что ремня не порвать... А по крыше что-то с грохотом каталось туда-сюда, потом будто исчезло, но через секунду снова упало, создав вторую вмятину... К этому моменту я каким-то образом умудрилась выползти из-под ремня вниз и на карачках направилась к выходу. Не думайте, что все это время я молчала как рыба! Томас сказал, что ему сначала показалось, что включилась сигнализация, потом, когда в визге он разобрал некоторые слова – не могу их здесь привести, вы и сами догадаетесь, какие примерно, – он понял, что это всего лишь я.

Мне показалось, я полчаса дергала ручку дверцы, прежде чем она открылась и я наконец кубарем вывалилась на асфальт.

Но и тут мне не было спасенья! Не успела я подняться, как меня сбили с ног... А потом наконец-то появился Томас, схватил меня за руки и оттащил в сторону. От двоих дерущихся человек.

Швайгер сцепился с Гермесом, и они катались по тротуару, молотя друг друга.

Томас на них и не смотрел, он с сожалением разглядывал крышу автомобиля, похожую на поверхность луны. (Да не изучала я астрономию. Зачем, когда есть телевизор?)

– Садись впереди, – перекрикивая шум драки, сказал он.

Возле парковки уже собирался народ, от входа в библиотеку затрещал свисток, с другой стороны улицы ему ответил еще один, и я увидела, что от здания с куполом, на которое недавно указывал Томас (пантеона, да), к нам спешит полицейский.

– Быстрее! – сказал Томас, кивая на переднее сиденье.

– Мы их оставим?

– Да, – сказал он, как обычно, коротко. – Да садись же!

– А мы? – раздался позади крик Вивиан, когда я открыла дверцу.

Я села, и кто-то ввалился в салон. Мы не успели тронуться – у бампера возник полицейский и строго заверещал.

Томас улыбнулся и покивал ему. Приоткрыл дверцу, будто собираясь выходить, а сам быстро взглянул влево и вправо – машин на дороге не было. Томас нажал какой-то рычаг – и машина подпрыгнула! Как кузнечик! Но с полуразворотом вбок! Мы перемахнули над соседними авто на парковке и плюхнулись прямо на дорогу. (Могли бы в этой машине кресла помягче сделать, раз уж пружины под колеса затолкали!)

Томас протянул руку и застегнул поверх меня ремень. Крикнул назад:

- Пристегнитесь!

Дальше все понеслось быстрыми картинками (правда, по стенам мы больше не ездили), и только где-то за городом мы остановились. Было так тихо и мирно. Какой-то лес, какие-то поля. Зелень, солнце.

- Мы пока что больше не поедem? - спросила я Томаса.

- Да куда на ней уедешь? Не видишь, что с машиной? - удрученно сказал Томас. И обратился к тем, кто был в салоне:

- С вас бы за ремонт взять!

А кто там, кстати? Прямо под вмятиной, пристегнутая и взъерошенная, сидела Вивиан. На полу в обнимку лежали Гермес и Швайгер.

Вивиан отстегнула ремень безопасности и сказала устало:

- Кажется, они оба приложились головой о потолок, когда ты прыгнул возле университета, - и она тихонько ткнула в них носком туфли: - Эй.

Боже, неужели кто-то из них убился?! И я даже знаю, кто. Потому что другой этого не может по своей натуре.

Но застонал Швайгер, открыл один глаз - второй опух и полиловел - и оттолкнул от себя Гермеса. Томас уже вышел из машины и полез в салон - помогать бедолагам.

Я вышла тоже, ноги меня едва держали. А коленки, боже мой! - содраны до крови и в пыли. О колготках я вообще молчу.

Томас помог выйти из автомобиля Вивиан, Швайгеру, потом - с другой стороны машины - и Гермес показался: он был помят, усы метелками торчали не в те стороны, куда раньше, а левый рукав пиджака был почти полностью оторван. Он покивал Томасу, мол, я в порядке, и, обойдя машину, уселся на траву у обочины рядом со Швайгером, который вздрогнул и отстранился.

- Мир, - выдохнул Гермес.

Швайгер только вздохнул. Обернулся ко мне - я стояла, опершись о крышу лимузина:

- А вы голодные?

Я так удивилась этому неожиданному вопросу, что кивнула, хотя на самом деле не чувствовала ничего, кроме огромной усталости.

Швайгер полез в карман и достал оттуда бумажный кулек:

- Я вам круассанов купил. Одни с сыром, другие с джемом.

- О! - только и сказала я. - Спасибо.

Пакет слипся. Но я все же смогла его открыть. От круассанов остались только мятые ломти, крошки и аромат.

Швайгер взглянул на мое лицо:

- Не донес. Жаль. Но это не я виноват, - он покосился на Гермеса.

- Ничего, - сказала я. - Все равно спасибо...

Я выбросила кулек.

- Не мусори, - сказал Томас, подобрал кулек и положил на пол машине.

С ума можно сойти от его правильности.

- Ты в Гринписе, случайно, не состоишь? - спросила я.

Томас слегка замялся.

- Что, правда, состоишь? - заинтересовался Швайгер.

- Состоял. В юности, - сказал Томас. - Сейчас совсем нет времени...

- Куда вы с Вивиан делись, когда мы пошли в библиотеку? - спросила я Швайгера.

- Куда? Вы исчезли, делать нам было нечего, и мы зашли в кафе за круассанами, потому что на Эйфелевой башне вместо обещанного завтрака мы чуть не получили искры в лоб. В кафе была порядочная очередь. Утро, - пожал он плечами. - Потом мы вернулись к стоянке. И увидели этого... - он с неприязнью взглянул на Гермеса.

- Говори обо мне уважительно: «мистера Гермеса Олимпуса», - пробурчал греческий бог.

- А ты мне не указывай, - огрызнулся Швайгер. - Как хочу, так и говорю.

- Спокойно, - сказал Томас. - О вас и так будет болтать неделю весь Париж...

- А я мечтал услышать эти слова, - пробормотал Швайгер и поспешно добавил: - Произнесенные с другим смыслом, разумеется!

- И машина, благодаря вам, в неисправности! - грозно договорил Томас.

Драчуны замолчали, Швайгер отодвинулся от Гермеса подальше.

- Сейчас вы все... - начал Томас говорить мне, но осекся: - А где твой Хэлп?

- Что? - Я ощупала шею: никаких цепочек там больше не болталось. - Не знаю...

Томас снял свой Хэлп и, не спрашивая, надел мне через голову.

- А ты как же? - испугалась я.

- Я агент. Я сам прихожу по вызову этих кнопок.

Я кивнула, потом подумала...

- Ой. А если мою кто-нибудь найдет?

Томас уже набирал цифры в телефоне:

- Поэтому я сообщаю, чтобы твою деактивировали. Готово, - он спрятал телефон в карман. - Значит, вы посидите в гостинице. Пока я съезжу.

- Куда? - спросила я. - И я не хочу сидеть в гостинице, - и, понизив голос, я договорила: - ...с ними.

- Тогда поброди по городу, - сказал Томас.

- Ты же собирался взять меня с собой! - возмутилась я.

- И был неправ.

- Почему это вдруг? - прошипела я.

- Посмотри, что Гермес сделал со Швайгером. А он не Зевс, а всего лишь его сынок, - тихо проговорил Томас.

- Любопытно, о чем это вы там шепчетесь, - нагло сказал Швайгер. - Мне слышалось мое имя.

Мне кажется, свое имя этот режиссер услышит хоть с другого континента.

- Вы что-то узнали от чужих о Петере? - спросил Гермес.

- От вампиров, - ответил Томас.

Гермес вскочил, пошатнулся, оперся о машину:

- Кто его похитил? Где он?

Вивиан, которая стояла неподалеку и курила и до этого момента делала вид, что не слышит ни перебранок мужчин (видимо, они ей осточертели), ни слов Томаса, - так вот, она шагнула к нам и сказала:

- Ты узнал, где он, и прохлаждаешься тут?!

- Ваши муж и жених сломали служебную машину, и теперь я не могу на ней доехать до места. Поэтому я вызову вам такси, а сам отгоню ее в гараж и возьму подходящий транспорт.

- Для чего подходящий? - спросил Швайгер.

Он любопытен, как я. Я даже впервые взглянула на него с дружеской симпатией. Ведь если бы не спросил он, пришлось бы спрашивать мне. А Томас и так меня уже за дурочку принимает.

– Для того, чтобы подняться на одну гору, – сказал Томас.

Гермес буквально пронзил его взглядом, потом опустил глаза и отошел в сторону.

Томас спокойно, будто не заметив реакции Гермеса, обошел машину, открыл дверцу.

– На какую гору, черт возьми? – сказала Вивиан.

– Да, – сказал Швайгер, – хватит играть в загадки, Томас.

– Спросите у мистера Олимпуса, – сказал Томас, сел в машину и стал говорить по телефону.

– Кем он себя воображает? – возмутился Швайгер. – Джеймсом Бондом?

Хы. А Швайгер мне нравится все больше.

– Гермес! – подступилась между тем к Олимпусу его бывшая жена. – О чем он? Гора – ваша гора?

– Какая еще их гора? – вырвалось у меня.

– Семейное гнездо, – бросила Вивиан.

– Но зато мы теперь знаем, что с Петером все в порядке, – замученно проговорил Гермес.

– В порядке?! – взвизгнула Вивиан. – Да ему, наверное, уже пятьдесят лет!

– Ты преувеличиваешь. Не больше шести, – насупился Гермес.

– Не больше шести! – возопила Вивиан. – А как же его первые слова! А первый шаг! Господи! Вы похитили у меня детство моего ребенка!

– Гад! – коротко сказал Швайгер и, размахнувшись, стукнул Гермеса в челюсть.

Но Гермес успел увернуться и повалил Швайгера на землю.

Из машины вышел Томас, посмотрел на катающихся по траве мужчин и повернулся к нам с Вивиан:

– Я забронировал два номера в гостинице. Машина от них уже выехала. Я не могу показываться на таком автомобиле в городе, – он кивнул на помятый лимузин.

Потом пошел и сел за руль.

А я нырнула на заднее сиденье. Думала, он не заметит.

– Вылезай, – сказал он.

– Ни за что, – сказала я.

В этот момент дверца открылась и в салон, сгорбившись, чтобы не удариться головой о дно кратера, забралась Вивиан.

– Я с вами. Давно хотела переговорить с тестем.

– Не думаю, что это хорошая идея, Вивиан. Мне показалось, вы с родственниками Гермеса не в лучших отношениях. А мне как представителю Корпорации они не смогут не отдать Петера.

В открытой дверце, внизу, показалась голова Швайгера:

– Я одну тебя не отпущу...

Тут в шевелюру вцепилась рука Гермеса, голова ушла вбок, дверца прикрылась, послышались хрипы и ругательства.

– Черт побери этих баранов, – пробормотал Томас, заглушил мотор и вышел.

В окно я видела, как он подошел к мужчинам, прикрыл лицо платком и, похоже, вытащил перечницу. Через пару секунд враги сидели и безостановочно чихали. Томас аккуратно, взяв под мышки, отодвинул Гермеса от автомобиля и подошел к водительской двери.

Сел, завел мотор, чихнул и сказал:

- Что ж, если вам так хочется рисковать жизнью, едем.

И мы поехали. По каким-то сельским дорогам. А потом вдруг очутились перед замком, где оставили ту летающую желтую каракатицу.

- Опять на НЛО полетим? - спросила, конечно же, я.

- Нет. Инопланетяне предпочитают не быть хоть сколько-нибудь замешанными в земные скандалы.

- Чего же они за Гермесом охотились? - удивилась я.

- Это частное дело. А тут - вовлечена организация.

- Организация? - сказала Вивиан. - Олимп - всего лишь большая деревня.

- Значит, инопланетяне так не считают, - сказал Томас и спросил заинтересованно: - Ты там была?

- Однажды, - ответила Вивиан. - Когда Гермес знакомил меня со своей семьей.

- А ты? - спросила я Томаса. - Был?

- Нет, - ответил он. - Поэтому мне любопытно, как там.

Томасу? Любопытно? Оказывается, есть в нем что-то человеческое.

Глава 10

Мы вышли из машины и зашагали по хрусткому гравию к замку. Интересно, там кто-нибудь живет? Или внутри располагается большой гараж? Пройдемся вдоль ряда странных машин и выберем, например, луноход.

По вымощенной камнем дорожке мы подошли к зеленой деревянной двери. Томас подергал за веревку медного колокольчика.

Дверь открылась со страшным скрипом, и вместо какого бы то ни было приветствия было сказано:

– Как раз стая Пегасов собиралась заскочить к ужину.

Произнес это щуплый старичок в длинном зеленом, как дверь, которую он открыл, сюртуке и в малиновом колпаке.

Томас этим странным словам совсем даже не удивился, а спокойно сказал:

– Нам везет.

– Да, – сказал старик. – Проходите.

И распахнул дверь шире.

А внутри все было, в общем-то, обычно, разве что мебель старовата. Да пара сотен кошек расположились везде, где только можно было: на столе, на каминной полке, на стульях и диванах, некоторые просто валяжно растянулись на ковре.

У стены, выстроенные в два ряда, пестрели миски всех цветов радуги.

Вот чего-чего, а кошачий приют здесь увидеть я не ожидала!

– Не приют, а родной дом! – крикнул старик.

Я выпучила на него глаза. Он что, мысли читает?!

– Ну и что, – пожал плечами старик. – Ручаюсь, вам встречались биосущности и постраннее... Сама ты с приветом! – вскинулся он на Вивиан.

Хм. А он забавный.

– Нет, я свой замок продавать не собираюсь, – сказал он ей.

Вивиан хмурилась, старик махнул рукой в сторону диванов:

– Можете присесть. Набегались сегодня.

Потом покивал рыжей в крапинку кошке:

– Да, тот самый, что приносил сосиски. Но сегодня он без них, так что кланчить нет смысла.

Но кошка, наверное, решила, что стоит попытаться: подошла к Томасу и выгнула спину.

– Жаль, что они меня не понимают, как я их, – проскрипел старик и крикнул в сторону дверного проема в глубине комнаты:

– Нэнс, у нас гости. И они голодные!

Неужели он слышит все до одной мысли? Так, главное, не думать о чем-нибудь типа какие у него кривые ноги, и волосы в ушах... Ой!

Старик обернулся и, посмотрев на меня в упор, засмеялся.

Я просто обмерла. А он вдруг обратился к Томасу:

– Нет, лучше не говори, что они его няня и мамаша, скажи, твои помощницы, секретарши. Выглядят неподходяще, конечно, – он критически оглядел меня и Вивиан.

Я съежилась, опустила глаза: разрез узкой юбки предательски открывал изодранные капроновые колготки. Я схватила край разреза рукой и прижала к ноге.

– Одна слишком шикарна, другая – наоборот, – сказал старик.

«Наоборот» – это я. Вивиан безупречна, будто только что от стилиста.

– Ничего, они там мало что понимают в людских заморочках, – сказал старик.

А потом вдруг хмыкнул, глядя на Томаса. А Томас, смотревший в нашу с Вивиан сторону, явно смутился и стал гладить рыжую кошку, расположившуюся у него на коленях.

Интересно, что этот старик прочел в мыслях Томаса? Он подумал о Вивиан или обо мне? Наверное, вспомнил, как с ней целовался. А может, вообще жалел, что рядом нет его библиотечарши!

– Поэтому я предпочитаю общаться с животными, – раздался голос старика. – Людские мысли слишком суетливы, – и он посмотрел на меня.

Черт, он все слышал!

– Ну, – я приняла непроницаемо-умный вид, – вы могли бы постараться их не слышать. И все.

Он схватил со стола колокольчик и затряс им прямо у моего уха – я думала, оглохну! И закричал:

– Почему бы тебе не постараться его не слышать!

Я хотела отобрать колокол, но старикашка уже вернул его на стол.

Вивиан, сидевшая рядом со мной, поморщилась.

– Ужин у нас в семь, – сказал ей старик. – Так что если тебя не устраивает мое общество, можешь эти два часа гулять по саду.

Вивиан тут же соскочила с места.

– Задняя дверь там, – он махнул куда-то влево, и я заметила там еще один проем.

Вивиан решительным шагом направилась туда. Через секунду хлопнула дверь.

– Только не навись на моих слизней и улиток, они к вечеру любят совершать променады! – крикнул старик, живо обернувшись на стук двери. А потом спросил у нас: – Надеюсь, она любит животных?

В этот момент из другой двери вышла женщина с подносом. Женщина была румяная и добродушная, а на подносе виднелись тарелки с супом и горка гренков.

– Здравствуй, Томас, – улыбнулась женщина, поставила поднос на стол.

– Здравствуйте, Нэнси, – обрадовался ей Томас и, аккуратно переместив кошку с колен на диван, бросился помогать.

Я тоже поздоровалась.

– Здравствуй, – снова улыбнулась женщина.

– Ее зовут Алисия, – сказал старик.

Я только робко кивнула.

– Успел уже ее напугать, Алан! – сердито бросила она старику.

Ну, не то чтобы сердито. Она и сердилась как-то добродушно.

Старик не успел ответить, как хлопнула дверь в сад, и в гостиную ворвалась взлохмаченная и почему-то вся в грязи Вивиан:

– Там! Там!

– Не любит, – коротко сказал старик.

Не любит?

– Животных, – кротко сказал старик мне.

– Каких животных! Это монстры! Монстры! – плакала Вивиан.

Нэнси салфеткой счищала грязь с ее платья.

– Монстры? – я привстала. Интересно, что там за монстры. Я хотела предложить Томасу: «Пошли посмотрим», но Нэнси сказала:

– Успеешь, детка. Это всего лишь улитки. Ешьте, а то суп остынет.

– Улитки, – вздрогнула Вивиан.

– Конечно, не всего лишь улитки! – обиделся старик на слова Нэнси. – Полметра ростом и говорят! Полметра! Говорят!!!

А старик продолжал:

– Может, еще скажешь, что я их на обед выращиваю?

– Нет? – сказала я, с опаской покосившись на суп и пытаясь разглядеть, из чего он.

– Для еды у нас улитки и лягушки обычные, как у всех людей.

– Будто все люди едят лягушек, – пробормотала я.

– Здесь – все, – тихо сказал мне на ухо Томас. – Это же Франция.

– Ты совсем дикая, девочка, – сказал мне старик.

Я, значит, дикая. А тот, кто ест насекомых, значит, не дикий!

– Мы не едим насекомых! Мы же не варвары китайские, – сказал старик уже совершенно спокойно, засовывая белоснежную салфетку за воротник. – Томас, тебе придется заняться ее образованием.

– Чего? – возмутилась я.

А Томас с громким хлюпаньем втянул суп с ложки.

Вивиан, слегка успокоившись, тоже села за стол. Нэнси снова скрылась на кухне.

Знаете, что интересно? О чем можно разговаривать с улитками.

– О погоде, – как ни в чем не бывало сказал старик. – О толщине капустных листьев. И лучше ли брюссельская капуста, чем кольраби?.. А вот и интересные! – сверкнул старик глазами на Вивиан.

Кто интересные? Улитки интересные? Тяжело, знаете, уловить нить разговора, когда половина диалога не произносится вслух. Это как слушать, как кто-то болтает по телефону. Ты уже готов поздравить женщину с тем, что у ее племянника родились тройняшки, а она, положив трубку, сообщает:

– Эта идиотка целый час пересказывала мне последнюю серию «Пилигримов любви», представляешь? Дурацкий сериал! Сплошные небылицы: у человека до девяноста лет не было детей – и вдруг сразу трое!

Ответила я, помню: «Накопилось, наверное».

– Темы интересные, – сказал старик и спросил меня: – Вот ты что любишь?

– Брюссельскую, конечно, – сказала я. – Такие малюсенькие кочанчики! Когда я ее ем, мне кажется, что я Гулливер и приготовили ее лилипуты!

– Да, прелесть, – сказал старик, но не мне, а почему-то Томасу.

А тот снова громко захлюпал супом. Тоже мне, образованный человек! Это он еще будет меня учить! Я, по крайней мере, ем суп, не воспроизводя звуков засорившегося умывальника!

– Фу, – сказал старик, – неаппетитное сравнение.

– Хорошо, что ты не произнесла его вслух, – сказала Вивиан в мою сторону.

– Она сравнила Томаса с умывальником, – любезно сообщил старик.

– Потому что он хлюпал, – попыталась оправдаться я.

– Ничего, Томас, – сказал старик. – Кошкам, например, твое хлюпанье нравится. Они сразу задумались, а не пора ли перекусить.

В этот миг из кухни снова пришла Нэнси, с большой фарфоровой кастрюлей. (Похоже, Нэнси и без сверхспособностей угадывает чужие мысли.) Кошки, завидев кастрюлю, стали подбираться к

мискам. Но не толпой и не суетясь, а вполне себе с достоинством.

Нэнси начала раскладывать поварешкой кашу по мискам, и несколько кошек мелодично мяукнули, словно одобряя ее действия.

– Ну вот, – сказал старик, со звяканьем положив ложку в пустую тарелку, – теперь до ужина дожить можно.

– Суп замечательный, Нэнс. Спасибо, – сказал Томас и, встав из-за стола, стал собирать посуду.

– Что ты, я сама, – отозвалась Нэнси.

– Пустяки, – сказал Томас и с полным подносом отправился на кухню.

А я почувствовала усталость, мне было тепло, уютно, и так захотелось прикорнуть на мягком диванчике, укрывшись вон тем клетчатым пледом...

– Пожалуйста, – сказал мне старик. – Отдыхай.

– Спасибо, я ничего, – я покосилась на вернувшегося из кухни Томаса.

Если я засну, он предпочтет оставить меня здесь, а не тащить на Олимп, который он почему-то считает опасным.

– И правильно сделает, – ответил старик на мои мысли.

Я уже отчаялась настроить их на какой-нибудь бессодержательный лад. Да и сил на это не было.

– Но я обещаю тебя разбудить, – сказал старик.

Томас посмотрел на него и вздохнул, сказал мне:

– Хорошо. Я не поеду без тебя.

Я перебралась на диван и, уже засыпая, услышала, как старик сказал:

– Есть комнаты для гостей, выбирай любую.

Наверное, Вивиан тоже захотела отдохнуть. Томас-то, похоже, железный.

Мне снились улитки, они кружком стояли около меня, я пела, а они хором подпевали и в такт качали рогатыми головами туда-сюда.

Песня была совершенно мне незнакомая, и как я ее пела, не пойму. Позже, после пробуждения, я вспомнила лишь две фразы: «Завиток ракушки, рожки на макушке...»

Потом одна улитка приблизилась ко мне и громко заурчала и даже замурчала. Я проснулась. Перед лицом моим была пушистая серая морда, и усы щекотали мой нос. Я отодвинулась и села. Дымчатая серая голубоглазая кошка сидела на ручке дивана и смотрела на меня как-то вопросительно, мол: «Ты чего тут разлеглась?»

– А где все? – спросила я у кошки, но она, разумеется, не ответила.

Стол был накрыт по-королевски – все блестело, переливалось в свете десятков свечей. Посуда чиста, стулья на местах, еды и не видно – кажется, ужина еще не было. Значит, все еще здесь и никуда не умчались без меня. Но где – здесь?

За окнами начинало темнеть. Было так тихо, будто я во всем замке одна. Кошки не производили много шума – они в основном дрыхли себе по углам, стульям и креслам. Та серая, что меня разбудила, устраивалась на моем месте.

Я протерла глаза и отправилась на поиски людей.

Если тут так тихо, то все в саду! Как же я сразу не догадалась. Они нагуливают аппетит и ведут беседы с улитками. Может, спрашивают у них дорогу на Олимп?

Хотя, судя по рассказам Алана, они могли бы знать эту дорогу в единственном случае: если ее обочины заросли салатом и капустой.

Снаружи стало прохладно. Прямо от невысокого деревянного крыльца вела прямая, как линейка, дорожка. Вокруг росли стриженные кусты и деревья.

И здесь – никого: ни людей, ни хваленых улиток. Кричать «алло», «ку-ку» или тому подобную

нелепицу мне как-то не хотелось: не в лесу же я, в конце концов.

Поэтому я просто пошла по дорожке, надеясь, что она ведет куда надо. То есть куда мне надо.

А вывела она меня к другой дорожке, пересекавшей эту поперек. Кусты здесь были выше меня и совершенно не просвечивали. Зато ряды их вместе с дорожкой куда-то поворачивали, вдруг пересекались еще одной дорожкой или расходились в три стороны.

Кажется, я оказалась в лабиринте. Ладно, вернусь в дом и подожду всех там. Только вот где дом-то? Солнце скрылось, было почти темно. И куда оно скрылось? Где закат? Где запад? Где он был, когда я вышла из замка?

Похоже, вон над теми кустами небо светлее, чем везде. Значит, там садится солнце. А когда я вышла, я смотрела... Под ноги я смотрела! Боялась наступить на говорливую улитку!

Так. Спокойно. Если все время поворачивать направо, то выйдешь – куда? Направо. А мне куда надо? Ну хоть куда-нибудь!

– Эй! – раздался издали голос Томаса.

Он тоже заблудился! Они все пошли гулять и заблудились!

– Томас! – закричала я. – Я здесь!

– Подними голову! – сказал Томас, и я поняла, что голос доносится откуда-то сверху.

Ой. Не слишком далеко, но очень высоко на фоне сумеречного неба виднелась верхушка белокаменной башни, в окнах ее сиял свет. И из окна мне махал рукой Томас.

– Иди сюда, там внизу дверь! – сообщил он.

Отлично. Я пошла, ориентируясь на башню. Но к ней дорожка не вела. А повела куда-то левее башни и потом вообще повернула от башни прочь.

– Поверни на следующем повороте направо! – крикнул Томас.

Ага. Пара десятков метров и направо.

– Да нет! Раньше! – надрывался Томас.

Раньше. Ладно, обойду с этой стороны. Здесь ближе. Ой. Здесь тупик. Так. Назад. Да что же он молчит! Я подняла голову. В окне никого не было. Надеюсь, он пошел меня спасать!

Так, тут лучше налево, наверное. Снова поглядела на башню: Томас стоял к окну спиной, и ветерок доносил его голос – Томас спокойно себе беседовал с кем-то, в то время как я совсем заблудилась! На глаза мои навернулись слезы. Я как бедная Красная Шапочка во французском лесу! А вдруг тут водятся волки?!

И в этот ужасный миг раздумий о моей бедной судьбе что-то ткнулось мне в спину. Наверное, пасть волка. Почему пасть? Потому что столкновение с моей спиной сказалось на его дикции. Я обернулась, дрожа, и уточнила:

– Что? – И тут же дико-предико обрадовалась! Передо мной была улитка – это ее рожки стукнулись мне в спину!

– Извините, – сказала улитка не намного внятнее, потому что жевала лист салата, он свисал сбоку ее рта.

– Пустяки! – сказала я. – Я так рада!

– Да? – сказала улитка. – Я тоже. Я – До.

– А я Алисия.

– Здесь вкусно, – сообщила улитка.

– Вы любите здесь гулять? – Ну не знаю я, о чем разговаривать с улитками! А разговаривать хотелось!

– Да, – сказал До. Или сказала. Не знаю.

Что еще ему сказать?.. Ну конечно!

- Я люблю брюссельскую капусту! - радостно сказала я.

- Весной... - и улитка задумалась.

- Весной капусты мало? - предположила я.

- Весной - тепло, - не слушая меня, уверенно сказала улитка.

- А зимой холодно, - сказала я.

- Да, - кивнула улитка и дожевала салат.

О! Улитка же местная! Она наверняка знает этот лабиринт как свои пять пальце... А у нее же из конечностей только хвост... Ну, в общем, знает.

- Вы не могли бы проводить меня к башне? - спросила я.

- Мог бы, - сказал До. Значит, это месье, а не мадам.

И До пополз. Я пошла рядом. Ну как «пошла»: я будто исполняла какой-то старинный танец - шаг, остановка. Два шага, остановка. Потому что приноровиться в медленному темпу До никак не получалось.

Мы шли и шли.

- Далеко еще до выхода из лабиринта? - спросила я.

- А это лабиринт? - спросила улитка.

- Да, - удивилась я.

- Я всегда думал, что это неправильно посеянные растения, - сказал До.

- Тогда когда мы выйдем из этих растений? - спросила я.

- Зачем? - удивился До.

- Чтобы подойти к башне, - напомнила ему я.

- Зачем к башне? - опять удивился До. - Там же одни только розы! Я их не люблю.

- Мы не к башне идем? - осторожно спросила я.

- Нет, конечно! - Он взял ртом листик с куста и задумчиво пожевал.

- Вы же сказали, что проводите меня к башне! - возмутилась я.

- Я сказал, что могу проводить.

- Так проводите! - взмолилась я.

- А ты сама не можешь дойти? - удивился До и с сомнением посмотрел на мои ноги.

- Могу! Но я не знаю, куда идти! Я потерялась! - вскричала я. - Я хочу прямо туда! И не могу выйти из этих дурацких кустов, а Томас отвернулся, и уже совсем темно, а они уже, может, собрались уезжать, а я тут так и просижу, а они...

- Прямо туда, - задумчиво проговорила улитка и, подобравшись к ближайшим кустам, стала жевать их, выхватывая ветки охапками.

Ну вот. Вся его помощь.

Я села прямо на землю, потому что больше никуда идти не хотела. И раздумывала, через сколько часов или месяцев меня найдут. А До наполовину скрылся в кустарнике и яростно шуршал листьями. Через минуту он сказал:

- Алисия. Прямо сюда.

Ух ты! Он проел лаз!

Я проползла за ним на четвереньках и оказалась на другой дорожке, а башня стала ближе. До прогрызал кусты напротив.

Через пять таких лазов я оказалась на лужайке перед башней.

– Спасибо, До! – сердечно поблагодарила я улитку.

– Пожалуйста, До!.. – ответил он, подождал минуту и улыбнулся по весь рот: – ...свидания!

Я рассмеялась его шутке. Он расхохотался.

Я пошла к двери в башне. Вслед мне донеслось медленное:

– И скажи профессору...

Мне пришлось приостановиться, чтобы дослушать. До неторопливо жевал слова:

– ...что грядку номер один я съел...

Я сделала было два шага, но он, оказывается, еще не договорил:

– Номер четыре съели Соль и Ля... Пусть садит новые!

Их что, всех зовут как ноты?

Я крикнула витой ракушке, почти скрывшейся в дыре в кустарнике:

– Хорошо! Передам!

Потом догадалась:

– Вас семеро?

– Да, – глухо донесся из кустов голос До.

Интересно, обрадуется ли профессор – а так, похоже, улитки звали Алана – этой новости? Наверное, он специально высаживает грядки на корм улиткам. И будет рад их хорошему аппетиту.

Но когда я забралась на самый верх башни – по крутой железной лесенке, бежавшей вдоль круглых стен, – я напрочь забыла о поручении До. Потому что увидела их. В той комнате, откуда махал мне рукой Томас, кроме Томаса, профессора и Вивиан гулко топотали, переминаясь с ноги на ногу, несколько – потом я сосчитала, пять – лошадей с крыльями. Крылья у них были сложены вдоль спины. И росли из спины. Ну, в смысле, вовсе не были приклеенными или бумажными. Они были самые настоящие, из перьев!

– Я могу даже сочинить новое стихотворение! – говорил им старик Алан.

Лошади зафыркали, а одна даже постучала передним копытом по каменной стене. Ну прям как дрессированные!

Напротив лестницы в стене был большой арочный проем, выходивший на крышу. Видимо, через него лошади и зашли сюда.

– Неправда, вовсе не ужасное! – вскричал Алан и пояснил нам: – До сих пор плюются на мое последнее.

И снова повернулся к коням:

– «Вечерело» и «виолончель» – это отличная рифма! Правда, Томас?

– По-моему, вполне, – сказал Томас.

Лошади зафыркали еще громче.

– Я же говорил тебе, – сказал Алан Томасу, – упрямые, как ослы. Даром что лошади!

Я подобралась поближе к Вивиан, стоявшей в стороне, и прошептала:

– О чем они спорят?

– О стихах, разве не слышишь? – пожала она плечами. И соизволила добавить: – Эти лошади возят только поэтов.

Ничего себе! Впервые встречаю транспорт, отбирающий пассажиров по интеллектуальному признаку!

– Симпатичная леди с Атлантики, завязавши ботинки на бантики... – начала я.

Кони покивали. Алан повернулся ко мне:

– Им нравится, когда цитируют стихи. Но поэтом ты от этого не становишься!

Хм. Они что, все стихи на свете знают?

– И всех поэтов! – хмуро заметил Алан.

– Но дорогу показать вы можете? – раздраженно спросил коней Алан.

Те переглянулись, потом отрицательно помотали головами.

– Не на Парнас же, – взревел Алан, – на Олимп!

А через пару секунд сказал – видимо, отвечая на их мысли:

– На чем поедем, это уже наши проблемы.

Одна лошадь решительно закивала, другие, спустя мгновения, тоже.

– Ну вот и славно! – сказал Алан. – Отдыхайте, можете попастись в саду. Ваше – все, кроме грядок с табличками.

Да, грядки!

– А мы пока вытащим наш транспорт, – досказал Алан. – Идемте.

Это уже относилось к нам.

– Алан, – сказала я тихо. – Я чуть не забыла. До просил передать...

– Ах он негодник! – прочел мои мысли Алан прежде, чем я высказала их вслух. – Ах они все! Брюхоногие! – рассердился Алан и горько пропел: – Мои помидорчики! Мои «дамские пальчики»!

Я поняла, что улиткам несдобровать – наверное, их ждет серьезный разговор.

Лошадки стали выходить через проем на крышу и взлетать, я не могла оторвать от этого необыкновенного зрелища глаз. Они взлетали так легко, будто ничего не весили, и крылья их раскрывались совершенно бесшумно, как раскрываются тонкие китайские веера.

Когда мы друг за другом спускались по лестнице – Алан с Томасом шли впереди, за ними Вивиан, а я отстала, так как любовалась лошадьми, – Томас сказал:

– Что за транспорт, Алан?

Алан молчал, стуча домашними туфлями по железным ступенькам.

– Алан? – повторил Томас.

– Я думаю, – буркнул Алан. – А лимузин точно больше не...

– Не летает, – твердо сказал Томас. – Только не предлагай...

– Почему же? – сказал Алан.

Он-то услышал окончание мысли Томаса. А мы – нет.

Я вышла на воздух вслед за всеми и спросила Томаса:

– Что «не предлагай»?

– Да? – поддержала меня Вивиан.

Томас вместо ответа откашлялся. Алан посмотрел на него, хмуро сдвинув лохматые седые брови, и сказал вызывающе:

– Чего ты кхыкаешь? Отличный транспорт.

– Садовая тележка, – сказал Томас.

– Не принижай! Разве садовая тележка бывает три метра в длину? Разве она летает по воздуху? Еще скажи, что я ее держу, чтобы навоз перевозить!

– Ну, иногда, – иронично сверкнул взглядом Томас.

- «Иногда» не считается! - отрезал старичок.

Тон Алана мне показался таким знакомым... Точно! Он точно так же говорил об улитках!

- Именно! - торжествующе посмотрел на меня Алан и сказал Томасу: - Не надо тебе ничему ее учить - она и так умница!

- Что? - растерялась я.

Нет, приятно, конечно, когда вас вдруг ни с того ни с сего называют гением, но лучше бы узнать, с чего.

- Улитки и тележка! - сказал Алан. - Ты права. Я горжусь, что оно произошло именно здесь.

- Что - оно? - не понимала я. А кто бы понял?

- Топливо с инопланетного корабля, - сказал Томас. - Тогда-то мы и познакомились с Аланом.

- Но ведь он же и так не просто человек... - удивилась я.

- Идемте же в сарай, - сказал вдруг Алан и бодро зашагал между яблонь.

- Он лизнул топлива, - тихо сказал Томас.

- И запил его Шато-Икемом, - крикнул Алан.

- И-кем-он? Запил? - тихонько спросила я Томаса.

- Вино такое, - сказал Томас.

- Значит, любой человек может стать телепатом? - Ух ты, я бы не отказалась.

- Поверь мне, я бы и не нюхал это масло, если б знал, чем это обернется! - сказал Алан.

- Нет, не любой, - сказал мне Томас. - Многие пробовали. И в лаборатории это исследовали, и наши, и инопланетяне... Совершенно особый случай. Видимо, какие-то личные характеристики...

- Моя мама была танцовщицей, - сообщил всему саду Алан, - а папа - графом!

- Не думаю, что дело в этом, - тихо сказал Томас.

- Много ты понимаешь, - проворчал Алан.

Мы подошли к покосившемуся здоровенному строению из досок, и Алан открыл - нет, не дверь, а целые ворота.

- Пришлось из-за тележки их сделать, - сказал он, - в дверь она не проходила.

Да-а, вот это тележка! Ее ручка вздымалась высоко у меня над головой.

Алан включил свет, подошел к тележке и почти нежно похлопал ладонью по дощатому ее боку (Доски были будто из какого-то баобаба - толстенные, и рисунок среза дерева словно нарисован толстой кистью. А гвозди так вообще походили на грибные шляпки).

- Да, - гордо сказал Алан. - Хороша?

- Хоть матрас какой-нибудь дай, - сказал Томас. - А вы, дамы, лучше бы остались меня ждать в замке. Тряска в лимузине по сравнению с той, которая вас ожидает в этом чуде, - просто покачивание колыбели.

Вивиан, сморщив нос, тронула пальцем тележкин бок:

- Да она вся в занозах.

- Зато внутри я сделал скамейку! - гордо сказал Алан.

Томас заглянул внутрь - благо его рост, в отличие от моего, позволял:

- Отличная скамейка. Хотя вряд ли кому удастся на ней удержаться во время полета.

Я ухватила руками за край борта, потянулась, встав на цыпочки, потом еще и подпрыгнула - и только тогда на мгновение увидела вовсе даже не скамейку, а шикарный, бархатный, с кистями и прочими украшениями диван - спинка его лежала на борту, противоположном ручке.

- Ого! - воскликнула я. - Томас, ты такой придирчивый!

- Спасибо, - сказал довольный Алан. - Я посчитал, что эта чудесная тележка достойна самого чудесного дивана. Это Паолини. Его изготовили в Милане по заказу. Нужен был необычный размер, понимаете, - сказал Алан мне.

- Дизайнер Паолини, - шепнул мне Томас.

- Я знаю, - отрезала я.

Если честно, я подумала, что это название. Дивана, да. А что? Ведь у них бывают названия: когда мы с Кэтрин ходили присматривать диван для моей квартирки... (Финансов моих хватало только на диван секонд-хэнд, а присматривали мы новые, чтобы, во-первых, понять, какую конфигурацию я хочу, а во-вторых, разведать диванную моду... Да и вообще, ходить по мебельным так весело - заглядываешь в шкафы, выдвигаешь ящики комодов, садишься на кровать или кресло и воображаешь, что все это уже твое. И ведь это почти правда, потому что, возможно, когда-нибудь ты сможешь купить именно этот лиловый шкаф с зеркалом во всю дверь!) Так вот, насчет названий. Продащица тогда эти диваны нам представляла так, будто они были важными персонами: «А это - „Гармония“. А вон тот, с удобными покатыми ручками, - „Соната“». (Разве покатые ручки могут быть удобными? Ни чашку чая не поставить, ни тарелку.)

Так что у диванов бывают названия! И если их могут называть «Гармония» или «Соната»... (Вы не знаете, кстати, почему производители мебели так любят музыкальные названия? Почему бы не назвать диван «Жуком» или «Чемоданом», например? Диваны на них даже больше похожи.) Так вот, если есть диван «Гармония», то почему не может быть дивана «Паолини»?

- Так ты купила тогда диван? - поинтересовался Алан.

Черт, все время забываю о его способности.

- Да, - сказала я. - Желтый в красную и зеленую клетку. Не новый. Соседка как раз собиралась его...

- Выбрасывать? - подсказала Вивиан.

- Продать, - огрызнулась я и, отвернувшись от нее, объяснила остальным: - Просто она сошлась с одним... пенсионером, а тот привез всю свою мебель. А диван очень даже...

- Приличный, - досказал Алан. - Значит, тебе повезло.

- Точно, - кивнула я.

Глава 11

Минут через пятнадцать мы втроем – я посередине, Вивиан и Томас на краях – сидели на удобном бархатном диванчике, вцепившись кто во что смог: Томас с Вивиан – в борта гигантской тележки, а я – в них обоих, больше-то было не во что!

Ветер дул в уши со страшной силой, мы неслись почти вертикально вверх. А где-то еще выше, на фоне ночного облачного неба, мелькали здоровенные копыта, туши и крылья наших поэтических проводников.

Томас правил телегой с помощью тонкого желтого садового шланга, привязанного к длинной рукоятке. (Слышали бы вы, как возмущался Алан средством управления, так неподходящим для бесподобной чудесной тележки, и предлагал принести из дома свои шелковые шейные платки от Гуччи и связать их в одну уздечку – на что Томас возразил, что тележка садовая, шланг тоже, и, мол, лучшей пары не найти.) Сейчас, разумеется, никуда Томас нашу повозку не направлял – он просто вцепился зубами в шланг и тянул изо всех сил на себя. Даже жалко его стало: видели бы вы, какое странное выражение лица у него при этом было.

А еще я не ожидала, что Вивиан поедет. Она так долго ворчала по поводу неотполированных досок, отсутствия ремней безопасности и, вообще, крыши, что я удивилась, когда она решительно поднялась по приставленной Аланом деревянной лесенке и, поддерживаемая Томасом, неуклюже плюхнулась на диван Паолини.

Если вы спросите меня, как же проехать на Олимп, я вам отвечу: в облака и потом налево. Именно по такому маршруту мы и двигались.

Кони добрались до нужной высоты и помчались по облакам – ну, и мы за ними. Томас вцепился в шланг обеими руками, чтобы выровнять тележку, и тут же слетел на дно – да так и остался там сидеть, подскакивая и как будто паря в воздухе некоторое время. Мне казалось, мы не по воздуху мчимся, а по вскопанным грядкам.

После того, как Томас упал, я подвинулась к борту и теперь держалась за него. Но все равно тележка то резко подпрыгивала вверх, и я сползала с сиденья к Томасу, то проваливалась в какое-то небесное болото, и я превращалась в гимнастку – знаете, когда они держатся руками за перекладину, а ноги их выписывают кульбиты сами по себе.

А потом мы остановились. Мои уставшие руки выпустили борт, и я свалилась на то место, где до этого на полу сидел Томас, – но сейчас он, к счастью, распластался впереди на стенке, так что мы оба остались невредимы.

Я со стоном подняла голову, села. Спросила Томаса:

– Что случилось?

Кони, остановившиеся неподалеку, с шумом вентилятора махали крыльями, как будто бы хотели привлечь наше внимание, и мотали головами, словно указывая куда-то. В той стороне я увидела только туман. Вернее, как бы большой холм из тумана.

– Спасибо! – отлепившись от досок, крикнул лошадам Томас.

Они сложили крылья и ринулись вниз, как стрелы. Я свесилась из тележки, чтобы посмотреть... И увидела и услышала Вивиан: она висела, из последних сил цепляясь за колесо тележки, и тихонько пищала:

– Помогите...

– Томас! – закричала я. – Скорее!

А сама схватила Вивиан за руку и потащила на себя – и вдруг почувствовала, что вываливаюсь из тележки... И улетели бы мы с Вивиан вниз вслед за лошадками, но совсем в другом стиле – в стиле летящего с небоскреба несчастного бизнесмена эпохи Великой Депрессии, – но тут кто-то схватил меня за талию и потянул обратно: Томас, конечно.

Он тянул меня, я – Вивиан, и наконец все мы свалились на дно тележки.

Я одергивала уехавший куда-то вбок длинный подол платья.

Вивиан плакала:

– И зачем только я поехала с вами? Вы безумцы!

- Куда кони полетели? - спросила я Томаса вместо того, чтобы отвечать ей.

- К поэтам. Чтобы вознести их на крыльях вдохновения, - улыбнулся Томас. - А мы прибыли.

Он легонько дернул за вожжи-шланг, и тележка, скрипнув колесами, двинулась в сторону туманного холма.

- Это гора Олимп? - с сомнением спросила я Томаса.

- Конечно нет, - ответил он.

- Ты вроде говорил, что они живут на горе Олимп, - сказала я.

- Да, - сказал Томас. - Так принято говорить. Вообще-то - НАД горой Олимп.

Мы не поднялись на холм, а проехали сквозь туман. И очутились на прекрасной зеленой равнине: текла река, белые дома - одно- и двухэтажные - были разбросаны там и сям, паслись коровки и овцы. Единственное, что выбивалось из этого пейзажа, - белоснежный, этажей в тысячу, небоскреб! Он стоял далеко, на другом краю села, но даже с такого расстояния выглядел ну очень высоким.

- Нам туда, - сказал Томас.

Здесь было светлее, чем внизу, на земле, - почти как днем.

- А разве уже не ночь? - удивилась я.

- Ночь, - ответил Томас. - Но на Олимпе не бывает ночи. Всегда день. Я читал, облака здесь как-то по-особенному отражают свет...

За холмами, далеко за небоскребом, похоже, только закатилось солнце. И небо над зданием отливало розовым.

Неожиданно перед нами неизвестно откуда появились двое дородных детин футов семи ростом, в доспехах каких-то несерьезно-нелепых: они сияли, как золотые, все были в разноцветных камешках и еще по низу и по рукам украшены перьями. Ой, да это же вовсе не детины-мужчины! Это же тетки - в доспехах!

- Оры, - тихо произнес Томас.

Оры не рывкнули «Стоять!», или «Ваш пропуск!», или «Катитесь вон отсюда, мерзавцы!», они пропели оперным сопрано:

- Оставьте ваше транспортное средство здесь.

Томас кивнул, слез с тележки и помог спуститься нам.

- Мы пешком туда потащимся? - завопила Вивиан.

- Да, - только и ответил Томас.

И пошел вперед по направлению к домикам. Я направилась за ним. Каблуки вкапывались в землю при каждом шаге, я сняла туфли и взяла их в руки. Ух ты! Травка была мягкой-премягкой, а земля - будто прогретой солнцем.

Вивиан туфли не сняла, а потому тащилась позади, с трудом переставляя ноги.

- Почему нас даже не спросили, к кому мы, кто мы и все такое? - удивлялась я.

- А чего и кого им бояться? Они же боги, - сказал Томас.

- А налоговая? - предположила я.

- Думаешь, боги платят налоги? - сказал Томас.

- Ну... А что - не платят?

- А какому государству они, по-твоему, должны их платить?

- Не знаю. Какому захочется.

- Думаю, им не хочется, - сказал Томас.

- Значит, они несознательные, - сказала я.

- Еще какие несознательные, - вдруг отозвалась Вивиан.

- И потом, - сказал Томас. - Налоговой сюда никак не забраться.

Мы поравнялись с домиком, возле которого сушилось белье на веревке. Один конец веревки был привязан к опоре крыльца, другой - к покосившемуся столбику с большим табло из фанеры.

Сушились две простыни, две наволочки и штук сто носков. Причем все они были полосатые. А когда мы приблизились, то увидели, что все они еще и дырявые - да не просто, а прямо-таки изодраны в клочья!

- Хм, забавно, - сказал Томас. - И кто этот любитель дырявых полосатых носков?

На табличке аккуратно, с завитушками, было написано: «Кыш. Носки мои». И все. Даже без подписи.

- Это кентавр Хирон, - сказала Вивиан. - Старый идиот. Он натягивает носки на копыта.

- Да?! - поразила я. (Теперь понятно, почему они такие рваные!) - Но зачем?

- Для красоты, - пренебрежительно пожала плечами Вивиан.

- А может, у него копыта мерзнут, - предположила я.

- Или скользят по мрамору, - улыбнулся Томас.

- И где здесь мрамор? - развела я руками, показывая, что вокруг травка-муравка - вполне даже подходящая для копыт поверхность.

- Там, - кратко сказал Томас, показав рукой на небоскреб.

Который, между прочим, не приблизился ни на метр. Сколько же до него топать?!

- Кто пустит лошадь в здание? - сказала я.

- Кентавры - не лошади, они полулюди-полулошади, - сообщил Томас.

- Все равно, - сказала я.

- А ходят они туда на работу, - сказал Томас.

Так вот почему вокруг ни души! Все на работе в этом небоскребе.

Эту догадку я высказала вслух.

- Нет, - сказал Томас. - У греческих богов ненормированный рабочий день, то есть они приходят на работу в разное время...

- Да, - подтвердила Вивиан и добавила сердито: - Некоторым достаточно заглянуть туда минуты на три, а некоторые работают целыми сутками, ждешь их, ждешь дома, как дура...

Это она, видимо, о чем-то о своем.

- У них и зарплата есть? - спросила я.

- Нет, - сказала Вивиан.

Наверное, потому, что они сами могут получить все что захотят.

- Зачем же им работать? - спросила я.

Ну вот я, например, если бы не нужны были деньги... А вы бы - тоже бросили бы все к черту, правда?

- Ради удовольствия, - ядовито произнесла Вивиан.

- Попробовали бы они не явиться, когда их босс - Зевс, - сказал Томас.

- И кому это «кыш»? - шла и рассуждала я. - Как будто кому-то нужны его носки... И не водятся же тут воры...

- Почему же, - усмехнулась Вивиан.

У Томаса один угол рта пополз вверх.

– Что? – сказала я. – Водятся?

– Если они боги, это не значит, что им чужды... э-э... пороки, – ответил Томас, а когда Вивиан оказалась немного поодаль, наклонился ко мне и сказал:

– Ходят легенды, что Гермес как-то украл у Зевса скипетр, у Ареса – меч, а у Посейдона – трезубец...

– Да ты что! – удивилась я.

– А у Аполлона – стадо коров, – улыбнулся Томас.

Мы не заметили, что Вивиан уже рядом.

– Да, тот еще проходимец, – сказала она. – И совершенно безответственный тип. Из-за него я выпала из обоймы на полгода. А это много значит в кинобизнесе, поверьте. То есть, – спохватилась она, – я счастлива, что у меня есть Петер. Но Гермес и не предупредил, что на всю беременность мне придется запереться в доме.

– Почему пришлось запереться? – спросила я.

– Потому что Петер необычный ребенок. Другие дети в животе толкаются. А полубоги – летают. Ну вот я и парила над землей. Невысоко, в нескольких дюймах, – она вздохнула. – Ощущение странное.

Мы шли по Олимпу и ели пирожки с земляникой, которые дала в дорогу Нэнси. Корзинку мы положили в ящик внутри дивана. Когда я ее достала, ручка у нее была сломана. А пирожки остались почти целы. Только у парочки потекло земляничное варенье через продавлины. Жаль, что мы не могли остаться на ужин у Алана – он сказал, что будут какие-то интересные гости.

– Не знаешь, кого Алан ждал на ужин? – спросила я Томаса.

– Знаю, – он улыбнулся. – Своих родственников.

– А кто они у него?

– Герцоги, маркизы, графы...

Хорошо, что мы не остались. У аристократов столько условностей и манер – кто первый встает из-за стола, как положено здороваться с незнакомыми графами, всякие поклоны и экивоки, – я бы опозорилась как пить дать.

– К тому же они привидения, – договорил Томас.

Что?!

Около одного дома из красивого белого камня, с огромными окнами и колоннами, было море цветов, таких красивых, душистых... я никогда таких не видела. Я сорвала несколько: одну оранжевую ромашку – большую, как колесо велосипеда, и несколько мелких, вроде колокольчиков – фиолетовые, голубые, желтые.

– Любите цветы? – раздался мужской голос откуда-то сверху.

Я подняла голову: на краю крыши крыльца сидел человек в белом костюме. Через плечо у него была перекинута какая-то странной формы длинная сумка, а в руках он держал – о боже, лук! Не огородное растение! А древнее оружие, из которого Робин Гуд стрелял по тем, кто осмелился зайти в Шервудский лес!

Томас шагнул вперед, загоразивая меня:

– Извините, мы не знали, что их нельзя рвать.

– Почему нельзя, – сказал человек и плавно, паря в воздухе, спустился к нам.

Он оказался молодым и удивительно, необычайно красивым. Голубые глаза, темные ресницы, нос с легкой горбинкой... а губы! Какой изгиб! Они выглядели и мужественно, и нежно: потому что были четко очерченными и в то же время слегка пухлыми и какими-то беззащитными.

Волосы, правда, были длинноваты – аж до плеч. Такие золотые, сияющие кудри.

– Кхм, – сказал Томас.

Ой. Я все люблюсь, а парень все улыбается.

Я оглянулась на Вивиан: она тоже не могла оторвать от незнакомца взгляда.

– Привет, Вивиан Олимпус, – сказал ей парень.

Она будто очнулась и сказала резко:

– Я больше не Олимпус, Аполлон.

Аполлон... И имя у него такое красивое...

– За сыном? – спросил он Вивиан.

– Так Петер точно здесь?! – закричала я.

Аполлон, слегка изогнув тонкие брови, посмотрел на меня.

– Спокойно, – Томас положил руку мне на плечо.

– А ты не знала? – спросил Аполлон Вивиан. – Благодаря ему-то и весь сыр-бор, – махнул он белоснежной ладонью в сторону небоскреба.

– Какой сыр-бор? – спросила я.

– Увидите, – ответил красавец. – Твои родственники? – спросил он Вивиан, кивнув на нас.

– Друзья, – сказала она.

– Ему не понравится, – сказал Аполлон.

– А мне на это наплевать, – сказала Вивиан.

Аполлон вдруг рассмеялся – зубы у него были белоснежные и ровные, щеки от смеха чуть порозовели, и он стал еще красивее, хотя казалось, это невозможно... Сказал:

– Я пойду с вами, без меня вам внутрь не попасть...

– Меня-то они пропустят, – сказала Вивиан, но неуверенно.

– Я не об охране, – сказал Аполлон. – Я о бастующих... Пешком пройтись желаете? Это долго.

– Наш транспорт пришлось оставить у выхода, – ответил Томас.

Транспорт. Алан бы обрадовался, что его садовую тележку так гордо именуют.

Аполлон кивнул, а потом тихо свистнул.

Где-то в вышине зашуршало, раздался клекот, потом он стал приближаться – и перед нами причалила, едва касаясь травы, белая с золотом лодка – не лодка, что-то вроде большого ковша, а везли его шесть белых лебедей.

– Прошу, – сказал Аполлон и подал мне руку.

Борта у лодки были высоченные, но с двух сторон – проемы. Я шагнула в этот проем. Лодка слегка покачивалась. Сидений здесь не было.

Следом залезла Вивиан, потом Томас. Последним взошел Аполлон и взял в руки золоченые вожжи.

Памятуя о путешествии в тележке, я крепко ухватилась за высокий борт. Но лодка поднялась так плавно, что можно было и не держаться. Мы скользили по воздуху как по тихой воде.

Летели мы низко, едва не задевая крыши домов.

– Кто бастует? – поинтересовалась Вивиан у Аполлона.

– Все, – сказал он, небрежно пожав широкими плечами.

Лук он теперь поместил в ту сумку, что висела у него за плечом. Я разглядела, что из нее торчат оперенья стрел – мне Кэтрин вместе с арбаме... или как там его, такую одну вручила.

– Лук и стрелы? – спросила я Аполлона.

– Да, – сказал он немного недовольно. – Необходимые атрибуты. Он настаивает.

– Кто – «он»?

- Зевс, - прошипела Вивиан.

- Кстати, он сейчас не на работе, - сказал Аполлон Вивиан. - А дома.

- Тогда зачем мы летим к этому вашему... офису? - сказала я.

- Потому что живет он там же, - указал рукой Аполлон, - на самом верху.

Небоскреб был уже близко, и я посмотрела на его верхний этаж. Такие же окна, как и во всем здании, - во всю стену.

Знаете, я бы на его месте выбрала какой-нибудь уютный домик, вроде вон того, с черепичной крышей и садиком с цветущими белым цветом деревьями. Или такой, как дом Аполлона, например.

- Почему на самом верху? - спросила я.

- Чтобы быть на самом верху, - ответил Аполлон весело.

Мы обогнули небольшой холм, и нам стала видна площадка перед небоскребом - там толпилась куча людей. И не только людей. Там были кентавры - пиджаки и галстуки на их человеческой половине тела смотрелись очень странно. Брюк с четырьмя брючинами - для четырех лошадиных ног - шить, видимо, не научились.

- Что за собрание? - спросила Вивиан.

- Забастовка, я же говорю, - ответил Аполлон. - Не возражаете, если мы причалим у моего отдела? Я не появлялся там с утра... Боюсь, девочки расшалились, надо навести строгости, - он хитро изогнул бровь.

- Против чего они бастуют? - спросила я.

- Против использования детского труда, - сказал Аполлон.

- Так это из-за Эрота? - спросила Вивиан.

Я хихикнула - это имя?

Томас, хмыкнув, наклонился ко мне и прошептал на ухо:

- Он же Купидон, он же Амур. Божок со стрелами. На открытках видел?

Он меня за дурочку принимает?! Объясняет, как шестилетке.

Аполлон в это время говорил:

- Эрот, конечно, порядком всех достал со своими нарочными несовпадениями... Но он не в счет. Для него это игра...

- Так он нарочно эти несовпадения устраивает? - поинтересовалась я.

- А вы думали, он промахивается? - сказал красавец. - Да никогда! Он даже не пьет! Он целится не в тех и не тогда! А ты потом страдай!

- У Эрота стрелы разные, - пояснил шепотом Томас. - Острые и тупые. Острые заставляют влюбляться. Тупые - ненавидеть.

- Да уж, - сказал Аполлон. - Резвится малыш.

- И зачем такое важное дело доверили мальчишке? - проговорила я.

Томас усмехнулся:

- Ага. Ему лет всего-то три тысячи.

- Зевс учудил, - ответил мне Аполлон. - Правда, и сам давно этому не рад.

- Почему? - спросила я.

Но мне никто не ответил, потому что мы подплыли к зданию вплотную. К третьему от верха этажу.

Едва мы приблизилась, зазвучала мелодичная приятная музыка - будто играли на каких-то дудочках и скрипках. Похоже, приветствуют Аполлона. А может, нас?

Интересно, мы прям в окно влезем? Но потом я заметила в стене дверь – стеклянную, как окна. И на других этажах тоже были двери. Знаете, довольно странно видеть двери, ведущие наружу, на двухсотом или около того этаже.

Аполлон махнул в сторону двери рукой – та распахнулась.

– Ближе, – сказал Аполлон карете.

И карета послушно стала придвигаться к двери, пока не стукнулась о стену.

Томас вышел первым и помог мне. Здесь стояли офисные столы, за которыми сидели девушки – в складчатых белых платьях и с большими серебряными крыльями.

Та, что сидела вблизи, посмотрела на меня с любопытством, но ничего не сказала. А я, замявшись от ее пронзительного взгляда, произнесла:

– Добрый день.

– Добрый день, – отозвалась она и снова уткнулась в бумаги.

Я подумала, что, так как я нахожусь в официальном учреждении, к тому же с холодным мраморным полом, надо бы обуться. И надела туфли.

Томас помог зайти Вивиан. Аполлон вошел, свистнул лебедям – они улетели, – закрыл дверь, прошел вперед меня и остановился у стола занятой девушки:

– Сколько сегодня?

– Ни одного, – ответила она.

– Ты слишком строга, Клио.

– Ничуть. Не могу же я доверить историю лгунам.

– Врут все, – сказал Аполлон. – А историков будет нехватка.

– Один правдивый историк стоит десяти неправдивых, – сказала Клио.

– Чтобы завтра одарила не меньше... э-э... трех! Сама знаешь, большинство все равно уйдет в менеджеры, бизнесмены и прочую чепуху.

Клио сердито кивнула:

– Хорошо, босс.

– Я же говорил – расшалились, – сказал нам Аполлон, грациозно двинувшись дальше.

Он провел нас через весь отдел, потом указал на высокую дверь:

– Дорогу ты знаешь, Вивиан.

Он уже отвернулся, но Вивиан остановила его:

– Ты сказал, забастовка из-за Петера...

Аполлон немного виновато сказал:

– Да. Из-за того, что он плохо работает.

– Петер плохо что?... Рабо... – Вивиан осеклась на полуслове.

– Он уже восьмилетний, – мягко сказал Аполлон и положил руку на плечо Вивиан.

Лицо Вивиан исказилось, она молчала в ошеломлении. Аполлон продолжал, обращаясь к нам:

– И такой умник. Против Зевса пойти он не может. Зато посылки то приходят не туда, то оказываются рваными – от ветра, как он объясняет – то слова в поручении перепутает нечаянно... – Он понизил голос: – Сегодня с утра он прилетел к Гефесту и передал: «Зевс желает украсить чеканкой свой самый большой зад».

– Зал, – засмеялась я.

– Угу. Гефест понял, что малыш резвится, и только посмеялся. А другие жалуются уже два дня...

- Как он посмел, старый мерзавец! – прошипела Вивиан. – Я его убью. Я его...
- Он бессмертен, дорогая, – сказал Аполлон. – Зато мальчику теперь точно не грозят гарпии...
- Они ему и так не грозили! – завопила Вивиан. – Мы гуляли только днем!

Аполлон молча погладил ее по плечу.

Вивиан кивнула, и мы вышли из отдела.

- Зачем ты вдохновила его на такую комедию? – услышали мы Аполлона, распекавшего свою очередную сотрудницу. – Ее не купят, он от отчаяния уйдет в запой, и ты вообще до него не докричишься!

Дверь закрылась, и мы не услышали, как оправдалась сотрудница.

Мы очутились в коридоре, в больших окнах голубело небо.

Я оглянулась на Томаса:

- Кто эти девушки? И чем они там... «одаряют»?
- Это музы, – ответил он. – Клио – муза истории. А та, что по комедиям, – забыл, как зовут...

Вивиан, которая уже шагала вперед по красной дорожке, позвала нас:

- Нам туда.

Наверное, там кабина лифта.

Но мы вышли на лестничную площадку и стали подниматься пешком.

Не то чтобы мне обязательно было пару этажей ехать на лифте. Но я порядочно устала за эти дни и предпочла бы не карабкаться по ступенькам. Которые были к тому же высокими и неровными.

- А нельзя было на лифте? – прохныкала я.
- Здесь нет лифтов, Алисия, – сказал Томас.
- Шутишь? – вяло возмутилась я, топая вперед только благодаря своей железной воле, потому что ноги у меня ныли как у старого ржавого робота, и казалось, они вот-вот начнут скрипеть, а потом вообще встанут и никуда не двинутся.
- Нет, – серьезно сказал Томас. – Пешком ходят только посетители – просители. Боги – сама видела как.
- Сюда люди приходят? – удивилась я.
- В основном нимфы, сатиры и подобные им, – сказал Томас. – Но иногда и люди. Боги считают, что нельзя позволять добираться до них запросто.
- Изверги, – сказала я.

- Ага, – сказала Вивиан, едва не ломая шпильку на очередной выщербленной ступеньке.

Мы миновали один этаж – за стеклянными дверями виднелся такой же обычный коридор, как и на этаже, где работал Аполлон, – и уже со следующей промежуточной площадки увидели Двери. Да-да, такие двери можно называть только с большой буквы – потому что они были до потолка (а потолки тут очень даже высокие), полированные, деревянные и все в золотых узорах: листьях, цветах, зверях и даже людях (или это боги?).

- Вот это дверцы! – воскликнула я.

- В реальности они еще более красивые, чем в учебниках, – восхитился Томас.

Он что-нибудь в жизни, кроме учебников, читает? Газеты, например, или журнал Джи-Кью?

- Все лишь бы выделиться, – пожала плечами на красоту дверей Вивиан.

Мы преодолели пролет и приблизились к дверям. Едва Вивиан собралась постучать, как Томас придержал ее руку:

- Думаю, будет лучше, если выдать Петера потребую я. Как официальное лицо. Мне не посмеют

отказать.

Вивиан подумала секунду и покивала согласно. Она все еще была подавлена тем, что Петер теперь такой взрослый. Но разве восемь лет – это взрослость? Может, и правда хорошо, что ему больше не грозят гарпии?

Томас решительно и громко затарабанил в дверь. Так стучат налоговики, полицейские и Селия. Только она стучит ногой, потому что рука у нее занята – давит на кнопку звонка.

С легким жужжанием две маленькие видеокамеры по углам двери нацелились на Томаса, и откуда-то раздался женский деловитый голос:

– Кто вы и кто ваши спутницы?

Когда-то я этот голос уже слышала.

Томас вытащил из кармана значок, поднял голову и показал значок в камеру:

– Корпорация Би-Би-Си. Агент Томас Дабкин. Это мои помощницы.

Голос (в котором, честное слово, деловитости убавилось, зато появилась нота показной любезности) сказал:

– Цель визита, будьте добры.

– Открывайте дверь немедленно, – сказал Томас.

Хм. Он думает, они его испугаются?

Они испугались. Потому что в ту же секунду щелкнул замок и обе половинки двери распахнулись.

Перед нами стояла та седая, со строгим лицом, женщина, которую мы уже видели на экране в Центре. На ней был уже другой костюм от Шанель, черный, с белым кантом, и она улыбалась, как будто мы были ее любимые родственники. Дама стояла на пороге бесконечных размеров зала, пустого, беломраморного, почти без мебели – я заметила только две-три резные деревянные скамейки у стен.

– Добро пожаловать! – сказала она.

– Спасибо, – ответил Томас. – Проводите нас к мистеру Зевсу Олимпусу.

– Извините, – сказала дама с едва прикрытым злорадством, – он занят.

– Да? – Томас ждал от нее пояснений.

– У него важная работа, – вздернула подбородок дама.

– Какая? – с большим любопытством поинтересовался Томас.

– Важная... встреча, – дама явно начала чувствовать себя неудобно.

– Да? – снова сказал Томас.

– Он обедает, – веко дамы дернулось.

– Да? – наступал Томас.

– То есть ужинает, – выпалила дама.

– Я как раз очень голоден, – сообщил ей Томас и повернулся к нам: – А вы?

Я покивала, едва сдерживая смех. Вивиан тоже кивнула:

– Да.

– Он отдыхает! – заявила дама почти что грозно.

Единственное, что выдало ее сильную взволнованность, – быстрым жестом она поправила свои седые букли, хотя они и так были идеально уложены.

– Так вы проводите нас? – сказал Томас, уже шагая по залу.

В дальней стене между двух колонн была белая дверь. Туда он и направлялся.

– С удовольствием, – выдавила дама, краснея от злости.

Она живо обогнала Томаса, цокая своими небольшими каблучками по белому скользкому мрамору:

– Я доложу о вас боссу.

– Вместе и доложим, – сказал Томас, толкая дверь.

Мы с Вивиан зашли следом за Томасом и дамой.

Прошли через несколько залов с интерьером наподобие того холла – пустых и белых. Дама все время ускоряла шаг, видимо желая добраться до босса первой. Но мы не отставали.

Перед одной дверью дама остановилась, пригладила юбку на плоском заду и постучала.

– Заходите, – ответил громоподобный бас и, когда дама раскрыла дверь, добавил: – Все.

Я глубоко вздохнула, готовясь даже не знаю к чему: к бою, молниям, ругательствам. Но ничего из этого нас не ждало. А ждала светлая большая комната с такими же окнами во всю стену, как и во всех залах до этого, с белыми диванчиками и скамьями и с большим письменным столом, за которым восседал Зевс Олимпус – тот золотокудрый бородач, что кричал с экрана в Корпорации.

Он отложил листки, поставил на них статуэтку золотого орла и поднял голову.

– Ну? – Потом увидел Вивиан и покраснел и надулся так, что казалось, лопнет. Брови его заходили ходуном, а борода шевелилась и слегка потрескивала, как синтетический плед, который потеряли ладонью.

– Сидишь тут себе спокойно, – выступила вперед Вивиан, – а мы там с ума сходим, где Петер.

Зевс произнес:

– Добрый день, Вивиан Олимпус... Спокойно? Минуты спокойной не было! Тот испарился, этот халтурит! Знаешь, какой указ я сейчас пишу? – он вытянул листки из-под орла и потряс ими. – Приказываю писать меньше писем и не посылать подарки. Кроме как ко дню рождения. Моему.

– Начихать на твои указы! Где Петер? – вскричала Вивиан, подскакивая к столу и со всей силы брякая по нему кулаком.

Потом она, правда, взвизгнула от боли и стала тереть ушибленную руку другой рукой.

А Зевс хмыкнул, снова придавил листки статуэткой и сказал:

– Петер в своей семье, дорогая.

– Я – его семья! – закричала Вивиан. – Он мой сын!

– Он мой внук! Он Олимпиец! – Зевс вскочил, свирепо выкатив глаза.

– Извините, мисс Джемисон... – Томас аккуратно отодвинул Вивиан, выступил вперед и оттарабанил глухо: – Мистер Олимпус, я агент Корпорации Би-Би-Си. Уполномочен найти Петера Олимпуса и вернуть его в руки сотрудницы, у которой он был похищен.

Сотрудница – это я, получается?

Зевс свел лохматые брови:

– Сотрудники ваши никуда не годятся! Вокруг моего внука вилась туча смрадных гарпий! Если бы не мои псы!..

– Если бы не ваши псы?.. – переспросил Томас.

– У них нюх на этих ведьм. А в этот раз их было так много, что собачки их и отсюда учуяли.

Так вот что за лай я слышала за окнами гостиницы!

– Давненько не рождалось божественных детей, – продолжал Зевс. – Вот они и собрались чуть не все.

– Так вот как вы узнали, где Петер, – сказал Томас.

– Да, – сказал Зевс.

- И решили сбить со следа Корпорацию, наведя подозрение на Швайгера.
- Я не решал заранее. Но мне повезло – этот тип как раз болтался в Нью-Йорке.
- И вы взяли в аренду вертолет – копию вертолета Швайгера, – сказал Томас.
- Нет, – скривился недовольно Зевс. – Свой перекрасил.
- Приземлились на площадку, – сказал Томас. – Назвались его именем. С крыши скинули веревочную лестницу. Но, разумеется, не пользовались ею.
- Зачем, – усмехнулся Зевс. – Я и так умею перемещаться по воздуху. Без всяких лестниц.
- Подлетели к окну спальни, где спал Петер. Дождались, когда няня вышла, пожелали, чтобы оконная задвижка открылась, и похитили Петера. Ах да, уходя, подбросили шарф, такой, как у Швайгера в рекламе, – сказал Томас.

Зевс молчал, набычившись.

Вивиан рванулась вперед:

- Отдавай Петера. А то прищучат тебя, мерзавец!
- Вивиан, – только и успел произнести Томас, как все засверкало и загрохотало – это Зевс замахал на нас руками.

Кто-то схватил меня в охапку, и мы буквально выбросились из кабинета.

А-а! Я что – похожа на спецназовца? Не умею я падать кувырком и как там они сгруппировываются... Я отшибла бок и правую руку. Томас (а это именно он вообразил, что я мяч), не успела я подняться, потянул меня в сторону, за дверь, другой рукой он тащил за шкурку Вивиан – она ползла на четвереньках (как быстро она ползает!).

Из кабинета валили серые клубы дыма. Я закашлялась до слез.

А Томас сказал:

- Сидите и не высовывайтесь.

А сам вытащил из кармана свою серебряную бляху, протянул руку в дым и крикнул:

- Вы знаете, что это, мистер Олимпус?

Из кабинета донеслось:

- Ваш чертов служебный значок! Только мне на него наплевать!

И снова засверкали вспышки и загрохотал гром. Но в этот раз все это как бы не смогло выйти за порог комнаты – и даже наоборот: похоже, впрыгнуло обратно.

- Ох! Ах! – произнес будто придушенно бас, и стало совсем тихо.

Томас поднялся и зашел в кабинет. Я высунула голову из-за двери. Зевс лежал навзничь у письменного стола, кучерявая борода его дымилась, а белое с золотом одеяние было в мелких подпалинах.

Я встала и подошла к Томасу. Он склонился над Зевсом и хлопал его по щекам.

- Ты убил его? – ужаснулась я.
- Нет, конечно. Он бессмертный.
- Но как ты убил его? – я никак не могла очнуться.
- Значок отражает все враждебные действия обратно на источник, который их произвел, – будто заученно проговорил Томас. – Ну вот, вы снова в сознании, мистер Олимпус.

Зевс крутил выпученными глазами, потом сел.

- Мощно, – только и сказал он.
- Это точно, – кивнул Томас.

- Но Петера я вам не отдам, - проговорил Зевс, отфыркиваясь от лезших в рот обгорелых волос бороды.

Томас помог ему подняться и сесть в белое кресло.

Кто-то вскользь толкнул меня - это вошла Вивиан. Томас посмотрел на нас:

- Девушки, мистер Олимпус опасен.

- Вот именно! - буркнул Зевс. - Убирайтесь-ка отсюда. И ты тоже, - обратился он к Томасу.

- Как только вы передадите мне Петера, - сказал Томас и сел в кресло напротив.

- Вивиан, ты же вроде замуж снова собираешься, - сказал Зевс. - Ну и роди себе другого ребенка.

- При чем тут... - Вивиан не знала, что ответить.

Этот дядька нравился мне все меньше и меньше.

- Нам нужен Петер! - сказала я.

- А мне нужен второй посыльный! - отвечал Зевс.

- Вы бы хоть подождали, пока он вырастет и сам решит, кем ему быть, - сказал Томас.

- Я и так подождал, - сказал Зевс. - Я растил его два дня!

- А я - два месяца! - завопила Вивиан. - И девять - носила в себе!

- В себе не считается, - буркнул Зевс. - Не могу я вам его отдать. Она воспитает в нем ненависть ко мне, и он не станет на меня работать. А Гермес не успевает, к тому же он шалопай - прогуливать любит. А я его наказать не могу, потому что без него - как без рук!

- Вам придется обходиться одним посыльным. Петера я забираю, - сказал Томас.

- Нет, - сказал Зевс.

И стукнул пальцами по большой красной кнопке на столе.

Томас пробормотал:

- Я идиот. - Крикнул нам: - Под стол!

И толкнул нас обеих в заданном им направлении. А сам встал перед столом, вытянув свою разнесчастную бляху - единственное оружие. Разнесчастной она выглядела перед лесом копий, которыми заполнился дверной проем, - копы были в руках у мускулистых воинов в доспехах.

Но все же сияние бляхи их, видимо, насторожило - копы пока что никуда не полетели.

- В плен их, - сказал Зевс. - Там под столом еще двое - девицы.

Томаса окружили - похоже, если молний не бросали, то бляхе и отражать во врага было нечего. Просто фонарик без батареек.

На плечо мне легла тяжелая рука и потащила меня вверх.

- Я твоя родственница - твоя невестка! - возмутилась Вивиан в сторону Зевса. - Как ты можешь?!

- Больше нет, - спокойно сказал Зевс, вставая. - Ты сама сказала - ты больше не Олимпус.

- Но ты!.. - запищала Вивиан. - Как ты мог слышать?

Точно. Она же это Аполлону сказала.

- У меня чуткие уши, - сказал Зевс.

Нас повели прочь из кабинета, через зал: мы посередине, по бокам по шесть стражников, впереди - командир (перья на его шлеме были самые пушистые и разноцветные). Ну прям как в кино каком-нибудь про гладиатора!

- У тебя перечница с собой? - прошептала я Томасу.

- Да, только перца не осталось, последний на Гермеса со Швайгером ушел, - отозвался он. - Жми Хэлп.

Точно! Ой, где она? Где эта кнопка? На шее у меня болталась только ромашка с божьей коровкой.

– Я ее потеряла, – убитым голосом сказала я Томасу.

Он только нахмурил свои брови-полоски.

– А в плен – это как? – осторожно спросила я Томаса.

– Это засадят в темницу и постараются обменять на что-нибудь ценное, – сказал он.

Ужас. Ужас. Какие темницы?! Они же обычно сырые, темные, и там крысы или тараканы! И он так спокойно об этом говорит!

Из боковой двери вдруг появилась толстая тетечка в золотистом длинном платье. И за руку она вела...

– Петер!!! – закричали мы с Вивиан одновременно. Потому что, несмотря на то, что он вытянулся в худенького, с ногами как у жеребенка, восьмилетнего мальчика, его личико с серьезными карими глазами нельзя было не узнать.

– Мама! Няня! – он бросился к нам и уже хотел прыгнуть в объятия Вивиан, но наша стража, сомкнув ряд, преградила ему путь.

– Вы очумели?! – воздев руки к небу, закричала тетенька стражам. – Это его мать!

Стражи колебались, но пик не опускали.

Тетенька подскочила совсем близко и указала пальцем по очереди на тех четверых, что стеной стояли между нами и Петером:

– Ты, ты, ты и ты. Что вы сейчас делаете?

Я отчетливо услышала, что у стоявшего близко стража тихо позвякивает каска – будто челюсть подрагивает. Они так ее боятся?

– Выполняем приказ вашего мужа, – дрожа как осиновый лист, проговорил один.

– Нет, – покачала головой тетенька. – Вы сейчас ослушиваетесь Геру, – она ткнула пальцем себе в грудь.

Этого стражи не вынесли и тихо, с поникшими головами, расступились.

Вивиан схватила Петера и, присев на корточки, крепко прижала к себе:

– Петер, Петер, дорогой мой... Мой малыш...

– Я уже не малыш, мама. – Петер посмотрел на меня: – Здравствуй, няня Алисия.

– Привет, – сказала я. И потрепала его по золотистым кудрям.

– Все, – сказала Гера стражам. – Ушли.

Огромные воины бесшумно, по стеночке, цепочкой удалились.

– А я вас искал, – сказал Петер.

– Как – искал? – удивилась я, приготовясь услышать то, что меня огорчит.

И услышала:

– К тебе, Алисия, заглядывал. А там никого. Только я не сразу квартиру нашел и соседку напугал. Она все ноты рассыпала.

– Миссис Трюфельс, – засмеялась я, но горло у меня сжало.

Он ко мне прилетал, ему нужна была помощь, а я в это время бегала черт-те где и искала его.

– И к тебе, мам, прилетал, но весь дом был темный.

– Когда? – упавшим голосом спросила Вивиан.

– Вчера вечером.

- Я была на вечеринке, - уже совсем неслышно прошелестела Вивиан.

- Жаль, - сказал Петер.

Да. Он бы все равно сам нашелся, наш Петер. Разве Зевсу его удержать?

- Петер, - осторожно начала Вивиан, - а ты... уже принял должность?

- Нет, - ответила за Петера Гера. - Он еще в кандидатах.

- Слава богу, - выдохнула Вивиан.

- Что это значит? - тихо спросила я Томаса.

- Принять должность у них как принять сан. Даже еще строже - назад дороги нет.

Тут уж и я вздохнула с облегчением.

- А я весь земной шар облетел! Прямо вокруг! Как супермен! - похвастался Петер.

- Ничего себе! - воскликнула Вивиан.

- Да! - покивала я. - Просто немыслимо!

- Спасибо, - сказал Томас Гере. - Мы пойдем тогда.

- Никуда вы не пойдете! - прогреготал из кабинета бас Зевса.

- Я с ним договарюсь, - нежным голосом, в котором, однако, явно прозвучал металл, сказала Гера.

Она тоже оказалась летучей: в секунду проскользила по воздуху до кабинета - шлейф ее накидки протрепыхал мимо наших лиц, как знамя.

- Оставь мальчика в покое! Гоняй получше Гермеса! - раздавалось далеко за нашими спинами, пока мы шагали к выходу.

В ответ прозвучало какое-то неясное бурчание.

Я спросила Томаса:

- Почему они говорят на английском, все здесь? Они же - греки? Ну, греческие боги.

- Не на английском, - отозвался он. - На языке богов. А он всем понятен.

В это время до нас донесся женский вопль:

- Опять жмешь кнопки?! Куда?!

- Бегите, - сказал Томас. - Я попытаюсь их задержать. Вивиан, попроси Аполлона отвезти вас!

Вивиан кивнула, они с Петером кинулись к выходу в следующий зал.

А я, сделав два шага вслед за ними, круто развернулась и вернулась к Томасу:

- Я помогу.

- И чем ты их будешь задерживать? - сказал он, прячась за колонну.

- А ты чем?

- Значком.

- А я буду кричать устрашающе! - сказала я.

- Убегай давай! - сказал Томас.

Если бы даже я и вздумала убежать в этот момент, то не смогла бы: из всех окон, разбив их вдребезги, ворвались воины - так в фильмах десантники врываются в какой-нибудь дворец (наверное, это еще одно доказательство того, что человек произошел от обезьяны), только десантники обычно на веревках, а у этих - крылья. Такие бронзовые, мощные крылышки.

Тут я и правда закричала, но, к сожалению, не устрашающе, а испуганно: таким тонким комариным писком.

- Эффектно! - с усмешкой бросил мне Томас и вытянул руку с бляхой из-за колонны: - Корпорация Би-Би-Си!

На миг стало тихо, а потом в стену, едва не задев ухо Томаса, воткнулась стрела. Это меня почему-то разозлило. Я, вообще-то, тоже из Корпорации. И они должны меня уважать! Я выдернула стрелу из штукатурки и, высунувшись из нашего укрытия, бросила в толпу идущих к нам вояк.

Стрела до них даже не долетела, но если бы и долетела, вреда бы не причинила - они прикрывались щитами. Зато в ответ они вытащили луки и, моментально прицелившись, выпустили в нас тучу стрел. Так забавно: страха я не почувствовала, а просто окаменела и не могла двинуться.

В меня попали? Попали? Ранили? Наверное, я уже вся как решето и, как там они говорили в кино, от шока не чувствую боли? Я хотела опустить голову и посмотреть на свое бедное тельце, но не смогла двинуть головой. Ни вправо, ни влево она тоже не поворачивалась, а волосам было почему-то больно.

Я скосила глаза и увидела, что Томас весь по контуру, за одежду, приколот к стене, как бабочка. Или, вернее, он больше походил на курицу на листе в духовке. Потому что костюм Томаса был слегка поджарен Зевсом.

У Томаса, в отличие от меня, голова шевелилась - потому что волосы короткие. А мои... Я дернулась сильнее, несколько стрел упало на пол. О, и я теперь могу вертеть головой!

И не было никакой крови. И никаких ран!

Но рано я радовалась.

- Догоняйте остальных, - сказал командир стражей своим подчиненным.

Те грозной звенящей металлом стайей метнулись к выходу.

Ну вот! Догонят их! Отберут Петера!

- А вы - на выход, - сказал командир нам.

- Что? - спросила я.

Но он вместо ответа взял меня за шкуру, оторвал от стены и подтолкнул вперед. В спину мне уперлось копьё. Я зашагала в направлении дверей, лихорадочно раздумывая, как сбежать. Ничего не придумывалось, поэтому я просто побежала. Не помню, куда. Какими-то кругами, в какие-то двери. Потому что за мной гнался охранник Зевса. Я топотала каблуками по мрамору, ощущая себя кентавром, который забыл надеть носки. Раз или два поскользнулась и едва не влетела в стену.

А потом, когда я пробежала мимо скрученного двумя стражами Томаса, откуда-то появились два огромных остроухих светло-коричневых дога - я никогда таких не видела! Они возникли справа и слева. И были похожи на статуи: они не рычали, не бежали и не лаяли. Наверное, они молча бросаются и проглатывают человека целиком! Сзади меня догонял страж. И мне некуда было сворачивать - а бежала я прямо в окно. Ой, вернее, в дверь. И прямо возле двери я споткнулась...

Вот это полет! Вот это стекло! - твердое, как я не знаю что! А-а!!! Ручка, ручка! Уф. Держусь. Болтаюсь то есть в воздухе. И пальцы какие-то скользкие... И - боже, все же надо было похудеть! Хоть легче было бы саму себя держать на весу. Ой-ой... Высунувшаяся из проема остроухая собачья морда и протянутые ко мне руки командира, не успела я за них ухватиться, мгновенно ушли вверх. Потому что я упала вниз. И ветер хлопал подолом моей узкой юбки (все же хорошо, что она такая узкая).

Неужели я поги... Ох! Кто-то подхватил меня на руки.

Швайгер? Он что, умеет летать?

Но за головой Швайгера я увидела голову Гермеса.

И так захохотала, что чуть снова не свалилась в бездну. Наверное, это был хохот от нервов.

Но тут бы и самый спокойный расхохотался до упаду.

Я сидела на руках у Швайгера. А Швайгер - сидел на руках у Гермеса!

И Гермес нес всю эту пирамиду вверх, да со страшной скоростью - почти с такой же, с какой я до этого падала.

- Ты в порядке? - спросил Швайгер.

- Да, - сказала я.

И мы притормозили у двери этажа, который был пониже. Дверь распахнулась, и мы ввалились внутрь.

- Там Томас, - сказала я, едва встав на ноги. - У стражей. А Петер с Вивиан побежали к Аполлону. А воины - за ними.

Гермес кивнул. А Швайгер в это время не сводил глаз с музыки. Потому что мы как раз оказались в офисе Аполлона. И муза Швайгеру улыбнулась. Она была очень красивая, конечно: с темными кудрями и в этом хитоне или как его - он ей очень шел. Но не настолько она была уж и идеальна, чтобы вот так стоять столбом и пасть разинуть.

Вивиан и Петера видно не было. Гермес уже полетел к лестнице - с такой скоростью, что только ветер просвистел.

- Швайгер, - я дернула его за рукав, - побежали.

Но он только отмахнулся от меня, как от комара, и двинулся к музе.

- Я Ричард, - сказал он ей.

Он обалдел? Там наших бьют, а он шуры-муры разводит!

И я поступила нехорошо - пнула его под колено.

Швайгер взвизгнул, повернулся ко мне:

- Ты совсем, Алисия?

- Это ты совсем! - сказала я. - Пошли быстрее, там твоей Вивиан помощь нужна. Гермес уже помчался!

Но этот осёл вместо того, чтобы взять ноги в руки, спросил шепотом:

- Ты не знаешь, кто она? - и на музу кивает.

- Нет, - говорю.

- Узнай, а?

Я решила бросить одуревшего Швайгера и побежать выручать Томаса. Но тут появился Аполлон и сказал:

- Это муза кинематографа. Она новенькая.

- Прекрасно, - сказала я. - А вы Вивиан не видели?

- Нет, - сказал он.

Значит, до Аполлона они добраться не успели.

А со стороны лестницы донеслись грохот, крики и бряцание металла. Но когда я подошла туда, все стихло.

Я выглянула в проем. На лестнице и площадке валялись кто как стражи. Похоже, живые, но без чувств. Оружие их выглядело плачевно: у кого меч завязан в узел, у кого копье превратилось в веник из щепок. А щиты так и вообще громоздились в углу площадки, аккуратно сложенные, как горка блинов.

Я переступила через пару тел и мигом преодолела два этажа - тревога за друзей и любопытство подгоняли меня. Гермес, поди, всю охрану Зевса вот так раскидал. А как он с Зевсом сладит? Тоже драться будет?

В дверях на этаж Зевса я буквально столкнулась с Гермесом, который довольно отряхивал руки.

- Ты пошел против отца?! - прозвучал позади него голос Вивиан.

Она, держа за руку Петера, выходила со стороны какой-то внутренней двери. Видимо, они прятались там, пока шло сражение.

Гермес потупился:

- Против стражей, - а потом обратился к Петеру: - Сын, я не поблагодарил тебя за подарок, - он коснулся розового камня на шейном платке.

- Тебе он понравился? - застенчиво улыбнулся Петер.

- Очень, - сказал Гермес.

А я побежала отбивать у стражников или вытаскивать из самой глубокой темницы Томаса.

- Значит, с Зевсом ты согласен?! - раздался позади возглас Вивиан.

- Я, как видишь, иду с ним договариваться, - уклончиво ответил Гермес.

Войдя во вторые или третьи двери, я увидела Томаса - целый и невредимый, не считая лохмотьев на рукавах пиджака и аналогичного ковбойского украшения на брюках, он шел мне навстречу.

- Как ты? - сказала я, постаравшись, чтобы голос не звучал слишком радостно. И у меня это получилось. Голос прозвучал сурово, хрипло - что-то среднее между морским пиратом и судьей. Неплохо, в общем.

- Алисия! - закричал Томас. - С тобой... все в порядке?

- Да. Я не разбилась в лепешку.

- Но как?..

Я только загадочно пожала плечами. Но следом за мной зашли Гермес и Вивиан с Петером.

Томас сказал радостно:

- А, Гермес тебя поймал!

- Вообще-то, Швайгер, - ответила я.

- Он здесь? - обрадовалась Вивиан.

- Швайгер? - недоуменно спросил Томас.

- Он был на руках...

- Он здесь! - громко перебил меня Олимпус, будто бы спеша ответить Вивиан, но на самом деле явно пытаюсь скрыть, что служил транспортным средством для Швайгера.

Томас криво усмехнулся.

- И где он? - спросила Вивиан.

- Кадрит девиц в отделе Аполлона, - ответил Гермес.

- Каких еще... - сморщилась Вивиан.

- А ты-то как отбился? - спросила я Томаса, не дожидаясь, пока Вивиан и меня спросит о Швайгере.

- Ну... - замялся он.

- У тебя еще какое-то оружие было? - сказала я.

- Нет. Я немного владею техникой рукопашного боя.

- Что ж ты ее раньше-то не применял?

- Обычно я не калечу людей понапрасну, - скромно ответил он. - А тут я немного... разозлился, - он потупил взор. И повернулся к Гермесу: - Идете к Зевсу?

- С ним можно договориться, - произнес Гермес.

Они снова к Зевсу?! Да он же испепелит их и упечет в темницу!

- Твой свекор чокнутый... - раздалось от двери.

Там стоял, держась рукой за косяк, Швайгер. Его кожаный пиджак был разорван в клочья. Пошатываясь, он побрел к нам:

- Нашли с кем договариваться...

- Это семейное дело, - отрезал Гермес.

- Что... что за вид у тебя? - поразилась Вивиан. - И где вообще вы двое пропадали целый день?

- В баре, - ответил Швайгер.

- Что-о? - возмутилась Вивиан.

- Мы не пили, - кротко сказал Швайгер. - Мы разговаривали.

- Что? - удивлению Вивиан не было предела.

- Да, - только и сказал Швайгер. - И вот мы тут.

Вивиан спросила нежно:

- Ты тоже дрался со стражами Олимпа?

- Что? - ответил вопросом на вопрос Швайгер.

- Кто порвал твой пиджак? - спросила Вивиан.

- Муза, наверное, - спокойно предположил Гермес.

- Ну и что... - слабо возразил Швайгер.

- Муза? - Вивиан вздернула подбородок.

- Наверное, он был недостаточно почтителен, - сказал Гермес.

- Это была муза кино, - доверительно сказал Швайгер Вивиан.

- Ну и что, - свирепо сказала она.

- Она мне улыбнулась, - горделиво сказал он.

- Всего лишь, - бросила Вивиан. - Я это и раньше знала. А кого-то они целуют.

Швайгер насупился.

- Твоего Стивена, например, - договорила Вивиан.

Швайгер сказал с вызовом:

- Меня она тоже почти что поцеловала...

- Вернее, ты ее, - углом рта усмехнулся Гермес.

- Я не успел и прикоснуться, как она пустила в ход когти! - пожаловался Швайгер.

- Так тебе и надо, - ядовито сказала Вивиан и вместе с Петером направилась к дверям, ведущим вглубь.

- Смертному лучше и не приближаться к богам, - сказал Гермес.

Швайгер воскликнул:

- Вот именно! Вивиан, пошли отсюда!

Вивиан остановилась в нерешительности, потом сказала:

- Если мы не договоримся, то он снова похитит Петера. Я хочу, чтобы он навсегда оставил нас в покое!

- Хорошо, - кивнул Швайгер, - если вы такие же безумцы, как его дед, идите! Но я пойду с вами! - И добавил: - В переговорах я ас! Вы не представляете, какие условия иногда выдвигают продюсеры, - но я всегда умею настоять на своем!

И все они зашагали прочь.

- А мы не пойдем туда? - спросила я у Томаса.

- Это семейное дело, - повторил он слова Гермеса. - Мы больше ничего не можем сделать. Ты вернула сына клиенту. Я свидетель. Так что - по домам.

Вдали затихал голос Швайгера:

– Один раз они включили в договор пункт о неразглашении сюжета фильма! Но что же я отвечу моим друзьям, сказал я, когда они спросят, о чем фильм? И знаете – что? Они отказались меня нанимать – так боялись, что я добьюсь своего!

В этот момент Вивиан метнулась к нам и крикнула:

– Томас! Быть может, вы согласитесь быть на переговорах... как представитель Корпорации?

– Конечно, Вивиан, – ответил Томас.

И мы пошли к Зевсу.

Глава 12

Уже на подходе к распахнутым дверям кабинета мы почувствовали, что оттуда тянет гарью.

А когда зашли, то увидели Зевса и Геру в разных углах кабинета: Зевс пытался освободиться от оплетших его руки и ноги ползучих лиан и каких-то цветов, Гера никак не могла выбраться из-под обугленного перевернутого кресла.

Гермес шагнул к ней, отбросил кресло:

– Гера!

– Я в порядке! – пробурчала Гера.

Волосы ее были всклокочены, край накидки дымился – она прихлопнула его ладонью. Подбежала к Зевсу и сказала:

– Ну что? Ты успокоился, дорогой?

Гермес вынул небольшой ножик и разрезал лианы, сказал:

– Мы вернулись для переговоров, отец.

– Хорошо, – сверкнул на него глазами Зевс – видно, весть о переговорах его вовсе не обрадовала.

И вот все (почти все!) сидят за огромным круглым столом в огромном круглом зале. И тому, кто говорит, приходится повышать голос, чтобы было слышно даже тем, кто сидит напротив, – так они далеко.

Нас с Томасом не хотели на эти переговоры и пускать – в третий раз прозвучала фраза: «Это семейное дело», – теперь уже из уст Зевса. Швайгера пустили как жениха Вивиан – причем она умудрилась взять с него обязательство провозгласить их помолвку сразу по приезде в Лос-Анджелес.

Потом Гера вспомнила, что по протоколу разрешается присутствовать секретарю и шмелегоняльщику.

Томас отважно вызвался исполнять роль шмелегоняльщика, а я, стало быть, буду секретарем. Мне вручили блокнот и ручку, Томасу – палку с перьями, и мы получили право зайти в зал – после всех.

– Тут бывают шмели? – оглядываясь, спросила я Томаса.

– Основной рацион богов – амброзия и нектар, – ответил он.

– Они – что, держат нектар в переговорном зале?

– По крайней мере, его там много, – сказал Томас.

Но я и сама все увидела: на столах стояли уже открытые бутылки, и в них была прозрачно-белая жидкость. А гадать, что в этих бутылках, не приходилось: по залу волнами шел густой, сладкий медовый аромат.

– Считается, что нектар проясняет мысли, – сказал Томас. – И поэтому его обязательно подают на переговорах.

Все расселись. Нас с Томасом за стол не пустили. Мне указали на маленький столик в углу. Томас вообще должен был прохаживаться позади сидящих и следить, не появятся ли шмели. – а пока этих летучих помех переговорам не было, ему разрешалось постоять около двери.

И вот я сижу и для вида черкаю в блокноте – рисую круги, линии, иногда записываю какие-нибудь забавные слова, которые кто-нибудь произносит. Например, «загогулина ты заморская!» (Это Зевс сказал Вивиан – на что Гера заметила, что обзывать собеседника за этим столом запрещено. Мол, как выйдем, так пожалуйста! А Зевс ответил: «Я ласково!») или «Засунь этот остров себе в... (тут, понятное дело, Вивиан, которая выкрикивала эти слова, вспомнила, что Зевс умеет метать молнии) в карман...» (а потом она договорила, поджав губы: «И у меня уже есть один остров»).

Теперь вы понимаете, почему Петера отправили посидеть с местной няней – нимфой лесной.

Больше всех кричали Зевс, Вивиан и Швайгер, который, понятное дело, горой стоял за интересы Вивиан. Гера иногда говорила спокойным тоном фразу-другую – в основном, чтобы утихомирить страсти – и с той же целью похлопывала иногда своего раскричавшегося мужа по могучей ладони, лежавшей на столе. Гермес же будто в рот воды набрал – сидел себе и хмурился, переплетя руки на

груди. И на чьей он стороне, понять было невозможно.

Томас молча стоял у дверей. Но внимательно слушал. Даже когда прилетели несколько пчел и шмелей, он махнул на них пару раз больше для вида, продолжая наблюдать за разговором: пчелы дали ему возможность подойти к столу совсем близко и не упустить ни одного слова или жеста.

Тогда как я в это время половины не слышала: обе стороны переговорщиков перешли на обычный тон, а шмели гудели, как небольшие аэропланы.

И тут я вспомнила, что я секретарь, и произнесла деловитым тоном:

– Кхм... Не могли бы вы говорить погромче? Мне не слышно, а я должна записывать.

Никто не обратил на меня внимания. Тогда я встала и приблизилась к столу.

– По достижении двенадцати лет, – говорил Зевс.

– Разумеется, без выращивающей амброзии, – строго сказал Швайгер.

– Разумеется, – кивнул Зевс.

– Тридцати пяти, – прогудела Вивиан сердито.

– Обалдела? – крикнул Зевс – его и с секретарского места было бы слышно – и привстал.

Гера потянула его вниз, обратно на стул. Сказала:

– Вивиан, во сколько лет люди обычно выбирают профессию? В восемнадцать?

– При чем тут это? – огрызнулась Вивиан.

– Тем более, – сказал Швайгер, – что любой подросток из всех вариантов выберет работу здесь!

– Если среди других профессий он сможет выбрать и работу здесь, – ничуть не возмущившись, продолжала Гера, – это будет правильно.

– Вовсе не правильно! – вскричал Швайгер. – Как я понял, здешняя работа – это вечный контракт. А у нас на Земле – контракты только на определенный срок! Большая разница, между прочим!

Зевс нахмурился мрачно, борода его встала дыбом. Гермес еле заметно шевельнулся – расправил руки, будто приготовился выпрыгнуть из-за стола Зевсу навстречу.

– Почему бы нам не выпить нектару? – проворковала Гера. – Томас, машите энергичнее.

– Конечно, – сказал Томас и махнул разок перьями над головой Зевса.

Потому что стоял он за его спиной. И, может, мне показалось – был готов схватить Зевса, если он вздумает опять стрелять молниями.

Гера налила нектар в бокалы – себе и Зевсу. Вивиан, Швайгер и Гермес тоже застучали бутылками и бокалами.

– Секретарь! – вдруг гневно окликнул меня Зевс.

Я вздрогнула и застыла, не решаясь попятиться на предназначенное мне место.

– Последнее замечание не пишите, – сказал Зевс.

– Разумеется, – пискнула я. И уточнила: – О нектаре?

И тут он ошибся. Не надо было ему заострять внимание на этом предмете. Гера же ему помогла – отвлекла всех на нектар. Но он сказал сердито:

– О контрактах.

Гермес тихо отставил бокал и сказал:

– Он придет, как принято у людей, в восемнадцать лет...

Все посмотрели на него – но с разным выражением лиц: Вивиан разъяренно, Швайгер с легким презрением, Зевс – настороженно, а Гера! – боязливо!

Вивиан только распахнула рот – похоже, чтобы завопить на своего бывшего. И завопила бы, если бы

Томас как раз в этот момент не махнул прямо у нее перед носом перьями.

– Улетел, – сообщил он ей, глупо улыбаясь.

А Гермес договорил:

– Потому что выберет профессию посыльного. Она и правда хороша и подходит ему.

Зевс расцвел в улыбке. Гермес закончил:

– Но заключит контракт на определенный срок – скажем, не более десяти лет.

Зевс надулся на пару секунд, но потом вдруг снова улыбнулся и небрежно сказал:

– Вот и отлично.

Вивиан только нервно пожала плечами.

Гермес же пристально посмотрел на вдруг подобревшего Зевса и спросил:

– Значит, ты согласен?

– Да, – ответил Зевс.

– А я нет, – сказала Вивиан. – Пусть контракт на два года.

– Он бессмертный! – бросил Зевс. – Что для него десять лет!

– Пять лет, – сказал Швайгер.

– Ричард, – рыкнула на него Вивиан.

– А что? – сказал Швайгер.

– Хорошее предложение, – сказал Зевс. – Пять лет.

– Если все пришли к согласию... – произнес Гермес и посмотрел на Зевса – тот покивал довольно. Гермес продолжил: – ...то скрепим соответствующий документ. У мойр.

Зевс вскочил:

– Ты ищешь неприятностей, Гермес Олимпус?

Все уставились на Зевса, ничего не понимая. И я в их числе. Он же перед этим кивнул, что согласен!

А Гермес спросил невинным тоном:

– О чем ты, папа?

Зевс с досадой оглядел сидящих за столом и снова уставился на Гермеса:

– Тебе мало, что мы пришли к устному соглашению?

– Я этому рад, – сказал Гермес.

– Не веришь моим словам? – проговорил Зевс.

– Ну что ты, папа, – безмятежно ответил Гермес. – Я не доверяю Вивиан.

Вивиан снова открыла было рот, но Томасовы перья оказались слишком близко к ее лицу, и она вместо слов чихнула. Потом я увидела, как она стукнула Томаса локтем в живот. Он сморщился и отошел.

Но Гермес уже говорил:

– Хотя, конечно, у нас есть свидетель... – он указал на Томаса.

– Шмелегоняльщик не может быть свидетелем, – отмахнулся Зевс. – Он слишком занят, чтобы улавливать, о чем мы тут.

(Ну, Томас-то как раз уловил каждое слово, я не сомневаюсь. Такого внимательного шмелегоняльщика, я думаю, сам Зевс на видывал.)

Но Гермес кивнул смиренно и продолжил:

– ...и все записывается, – он посмотрел на меня.

Я округлила глаза и проглотила язык. Но когда обернулся Зевс, я уже взяла себя в руки и писала в блокноте (на весу это было не слишком удобно): «Зефс сказал...» (или «ЗеВс»?).

– Вы все записали? – недовольно спросил Зевс.

– Да, – с вызовом сказала я.

Похоже на школу. Сейчас он подойдет и заглянет в блокнот. И увидит, что кроме нескольких несущественных фраз там ничего нет.

– От начала до конца? – с подозрением спросил он.

– Ага, – кивнула я.

А Томас закрыл глаза.

– Ну, пролистайте-ка назад, – сказал Зевс. – Что там, к примеру, было?

Я громко прошелестела листами (а изрисовать я успела достаточно) и прочла:

– Загогулина ты заморская... Засунь свой остров...

– Достаточно! – резко выкрикнул Зевс и почти отшвырнул от себя стакан с нектаром. – К мойрам! Ну!

«Ну» относилось ко всем в комнате. Потому что он стремительно и неожиданно двинулся к двери – а все еще сидели. Ну, кроме меня с Томасом. Мы стояли.

– Хорошо, – сказала Вивиан. – Идем.

– Гермес, – Зевс задержался у выхода, – иди к Фемиде и составь документ. Встретимся на месте.

– Хорошо, – сказал Гермес.

Несколько довольных шмелей слетелись на пролитый Зевсом нектар, пристроились с краю лужи и дули себе сладость, не обращая внимания на людей, отодвигающих стулья.

Гера, Вивиан и Швайгер вышли. Гермес задержался, обернулся к нам с Томасом:

– Вы идете? Нам понадобятся два свидетеля от Корпорации.

– Да, – сказал Томас.

Гермес тоже вышел.

– Зачем им это? – спросила я.

Потому что, насколько я поняла, мойры – вещь, которой и Зевс боится.

– Гермес хочет подстраховаться по всем фронтам, – сказал Томас. – Чтобы ни суд небесный, ни суд земной...

Мы шагали по тем же залам, по которым пришли сюда.

– А кто это – мойры? – спросила я.

– Богини судьбы, – сказал Томас и шепнул: – Лучше отдай-ка мне блокнот.

– Вот еще! – буркнула я.

Понимаете, среди всех прочих закорючек там красовались несколько сердечек с буквой «Т» в центре. Я, разумеется, нарисовала их чисто случайно, вовсе ни о чем таком не думая, но он-то – с его самонадеянностью – точно решит, что я имела в виду нечто определенное. По его адресу.

– Обещаю даже не открывать его, – сказал Томас, и очень серьезно! Без капли этой своей обычной насмешливости.

– Тогда зачем он тебе? – колюче спросила я.

– Тебя они могут вынудить отдать его, а меня – нет, – сказал он твердо.

Я шагала дальше, не отвечая. Томас сказал:

– Я верну тебе его, как только мойры удостоверят документ.

И я сдалась. Он же такой честный, прям как Грыхоруу.

Блокнот исчез в кармане его пиджака.

Так как мы отстали от всех, нам пришлось их догонять почти бегом.

– На каком этаже мойры? – запыхавшись, спросила я у Томаса.

Мы подходили к выходу на лестницу. Остальные уже скрылись за теми шикарными резными дверьми.

– Они не здесь, – сказал Томас.

– Да?

– Они единственные, кто отказался перебираться в этот офис, – сказал Томас и открыл передо мной дверь. – И остались там, где жили много веков.

– Где?

– На каменном острове посреди болота... Нам наверх.

– Посреди болота? – я передернула плечами.

Ну не люблю я болота. Правда, я ни разу на них и не была. Когда гостила на ранчо у папиных родителей в Техасе, я не приближалась к местным болотам и на милю. Потому что насмотрелась на тварей, которые в болоте живут, по телевизору: на одном канале постоянно их показывали – видимо, глава канала был тайный болотофил. Так я потом этот канал даже из списка программ удалила, чтобы и мельком не увидеть, когда пультом щелкаешь.

И я сказала Томасу:

– Не хочу я в болото!

– И не надо, – сказал он. – Мы на остров едем.

– Но вокруг-то болото!

– Ну и не подходи к берегу.

– А вдруг надо будет пробираться через болото? – не отставала я. В фильмах всегда так происходит. Не любит кто болото, так обязательно в него булькнется и вообще утонет. Или его съест кто-нибудь.

Томас приостановился:

– Не надо будет. Я тебе обещаю.

– Ну хорошо. – Но все же своему опыту, добытому из телевизора, я верила больше.

Мы стали подниматься. Вверху слышался голос Вивиан, чем-то возмущавшейся. Потом через перила к нам перегнулся Гермес:

– Ну где вы там?

Через еще одну деревянную резную дверь мы вышли на крышу. Ровную, плоскую крышу, на которой рядами выстроились всяческие летательные, как я понимаю, штуки. Над нами раскинулся во всю ширь белесый небесный купол – и видно было, что на другом краю деревни он позолотился первыми лучами солнца. Странное это зрелище, когда рассвет занимается на и так светлом небе.

Кроме вертолетов и пары небольших аэропланов здесь были русские сани (без лошадей), несколько карет, какие-то лодки, вроде Аполлоновой, и даже кресла с красивыми деревянными крылышками по бокам. Это то, мимо чего мы прошли, остальное я не увидела, ряды тянулись в бесконечность крыши, а кое-какие вещи были накрыты брезентовыми чехлами.

Мы вслед за остальными подошли к одному из вертолетов.

– Ну один к одному тот, который я в Нью-Йорке последний раз нанимал, – говорил Швайгер, прикоснувшись рукой к золотому боку аппарата. Тут до Швайгера дошло. – Эй, – сказал он Зевсу

совсем не так, как подобает говорить с богами, – так это ты на отель приземлился и сказал, что ты – я? – и повернулся к нам с Томасом: – А вы на меня наехали!

– Извини, – сказал Томас.

– Извини, – сказал Зевс тоже. – У меня другого выхода не было. А то бы агенты Корпорации сразу ко мне явились, – он неприязненно взглянул на Томаса. – А хотя они и так... Ну, кто поведет? – спросил Зевс и посмотрел на Геру.

– Ты же знаешь, я не лечу, дорогой, – сказала она.

– Но нам нужен летчик, – с досадой сказал Зевс.

– Но ведь вы сами прекрасно водите вертолет, – съехидничал Швайгер.

– Вожу, – розовея от удовольствия, сказал Зевс. – Да не так чтобы прекрасно. Последний раз в Нью-Йорке чуть мимо крыши не жахнулся...

– Ладно уж, я поведу, – будто бы нехотя сказал Швайгер. Но, по-моему, он был рад, что он тут круче всех и водит вертолет.

Швайгер сел за штурвал. Зевс – рядом. Томас, Вивиан и я разместились сзади. Вертолет был шикарный. Полированное дерево, позолота. У богов все, наверное, такое – только высшего сорта. Даже зубочистки какие-нибудь – и то, поди, золотые с бриллиантами.

– Отличная звукоизоляция, – сказал Швайгер Зевсу, когда мы взлетели.

– А как же, – самодовольно отозвался Зевс.

– Где это болото? – спросила я у Томаса. – На земле?

– Да, – сказал он.

И я уставилась в окно. Потому что никогда раньше не летала на вертолете. Нас слегка потряхивало, пока мы не выровнялись и не направились прямо к горизонту – вернее, туда, где заканчивалась зелень и начинался туман.

Над головой стояло гудение. Внизу проплывали белые дома, потом надвинулся туман – и мы были будто в подводной лодке, плывущей в молоке. Зевс давал Швайгеру указания по ходу полета.

Мы вышли из тумана, немного снизились. В ночи едва белели горные вершины, покрытые снегом. Потом пошли черные долины, показался какой-то городок – как я поняла по россыпи огоньков на холмах, – и снова горы, горы.

– Ох, – сказал вдруг Зевс, – и как я забыл! Старушонкам бы гостинец нужен!

Мы с Томасом переглянулись, я пожала плечами.

Зевс обернулся и посмотрел на меня:

– А то еще подумают, что гостинец – это ты!

Я даже заикнулась:

– Й-я?

– Угу, – сказал Зевс, окинув меня взглядом. – Точно.

– Н-на съедение?

Зевс расхохотался:

– Нет. Что за чушь! Им горничная давно нужна. Молодая девчушка для работы по дому.

Вивиан вскинула подбородок:

– Они и меня могут за гостинец принять.

– Не-е, – сказал Зевс. – Ты уже не молодая.

Вивиан надулась. Швайгер тихо хрюкнул, и она наподдала пинка в спинку его кресла – вертолет дернулся, снизившись, потом снова поднялся. А Швайгер крикнул:

- Эй! Пилот неприкосновенен!

И получил еще один пинок.

Зевс пошарился в бардачке, стал вытаскивать какие-то вещи:

- О! Вот она где, а я уж целый год ее как потерял.

В руках у него была обыкновенная отвертка.

- Что это? - любопытствовала я.

- Ключ от всех дверей, - ответил Зевс. - Один проходимец обронил. Он ее называл... э-э... «звуковая отвертка», да.

- Ух ты, - сказала я. Хотя никакого восторга эта вещь не внушала. Может, он про отмычки не слышал? У богов телевизор-то хоть есть?

- Но им она без надобности, - продолжал Зевс. - Они и с острова-то никуда не выходят... О! Конфета... - и он зашуршал оберткой. - М-м.

В животе моем заурчало.

- Извините, - сказал Зевс, жуя и обдавая нас запахом шоколада, - что не угощаю. Она тут одна...

Он еще пошарился в бардачке:

- М-да. - Потом обернулся и сказал мне: - Ты знаешь, работа совсем непыльная. То есть пыльная - ну, подмести, то-се. Но ведь нетрудная, не то что с ребятней возиться, а?

- Что? - Я его не понимала.

- Пойдешь к ним в горничные? - сердито спросил Зевс.

- Нет! - сказала я. - Не хочу я работу менять!

- Да ты знаешь, сколько они платить будут?

- Все равно.

- Перестаньте, мистер Олимпус, - сказал Томас. - Корпорация не захочет терять такого ценного сотрудника, как Алисия.

Ух ты! Я даже приосанилась.

- Думаю, у меня есть подарок для уважаемых мойр. - Томас вынул из кармана МОЙ небесный маркер.

- Но... - едва сказала я.

- Я как раз на днях ожидал такой из мастерской. С Гермесом. - Зевс взял маркер и хмуро поглядел на нас.

- Это другой, - не отводя взгляда, сказал Томас.

- Вот и чудесно, - сказал Зевс - хотя по тону его ясно было, что он ничуть не поверил, - и взял у Томаса маркер.

- Могли бы и обойтись, - проворчала я, досадуя, что маркер уплыл из моих рук. И когда Томас успел его у меня увести?

- Мойры? Без подарка? - возмутился Зевс. - Да они тогда и разговаривать с нами не захотят. Заставят прождать сто лет!

- Хм, - сказала я недовольно. Потом ко мне пришла удачная мысль: - Так их в мастерской делают? В какой? - Закажу себе тоже пару маркеров, один Кэтрин подарю - вот весело-то будет!

- В «Кикра», - ответил Зевс.

- Что? - не поняла я.

- Мастерская так называется. «Кикра». Кисти и краски.

- А, - сказала я. - И где она находится?

- В Канаде.

- И по какому адресу? - допытывалась я.

- Людей они не обслуживают, - ответил Зевс свысока.

Ну вот. Как что, так сразу - люди, люди. Чем мы хуже-то?

Едва Зевс отвернулся и снова стал давать указания Швайгеру, Томас наклонился ко мне:

- Извини. Он валялся на полу бота - видимо, выпал из твоей сумки. Я собирался его тебе вернуть.

- Ладно, - сказала я. - Это ерунда.

Он мне улыбнулся. И мне стало так тепло. Я улыбнулась в ответ. А он взял меня за руку.

И мы летели на вертолете. На болото к мойрам. С богом, кинозвездой и знаменитым режиссером. И мне было на них абсолютно начихать. Единственное, что меня волновало, - ладонь, сжимающая мою руку.

В следующую минуту Зевс стал говорить Швайгеру что-то о площадке, мол, там можно сесть.

Я посмотрела в окно: небо посветлело, и внизу можно было разобрать особенности местности. Вот оно, болото! Куда ни глянь - ровная, темная поверхность. И только вдалеке высился островок. К нему мы и направлялись.

Сели мы на удивление мягко - будто в пух упали.

- Растяпа! - крикнул Зевс. - Взлетай!

Швайгер лихорадочно дергал за ручки. Вертолет стал подпрыгивать - но, похоже, никак не мог оторваться от земли. А потом вообще стал заваливаться набок. В левое стекло плеснуло грязью. Все вцепились в спинки кресел. Швайгер тоже: рычаги он оставил в покое - видимо, поняв, что толку от них не будет.

Томас протянул руку и отодвинул прозрачную дверь около меня.

- Скорее! - сказал он.

Фу! В кабину ворвался сырой тяжелый запах. Под ногами раздавались странные звуки, похожие на стоны и почавкивание. Наш вертолет медленно погружался в болотную жижу.

Промахнулся Швайгер! Вовсе не в пух мы сели, и не на каменный островок - он темнел в нескольких метрах справа от нас.

Я знала. Я ведь говорила. И Томас обещал! А теперь все как в кино - кто боится болота, тот туда и попадает!

Томас зачем-то снял пиджак и бросил его наружу, потом потянул меня за руку. Я закричала:

- Но куда? Куда?! Там же болото!

- У него особая подкладка, - сказал Томас. - Он не тонет.

А я вдруг вспомнила о законах кино:

- В этих болотах кто-нибудь водится?

Томас взглянул на меня - честное слово, как-то странно, - потом усмехнулся:

- Во всех болотах кто-нибудь водится.

- Я имею в виду, кто-нибудь крупнее лягушки.

- Нет, - сказал Томас.

- Точно? - спросила я, перешагивая через порожек.

Вместо ответа он сказал:

- Давай. Мы должны до него допрыгнуть, - он крепко сжал мою ладонь. - Потом на остров. Проще

простого. Раз, два...

И я прыгнула. Так далеко я не прыгала даже на зачетах по физкультуре в школе. Правда, тогда я прыгала без Томаса.

Я ожидала, что начну проваливаться и запутываться в этом его дурацком пиджаке, который колыхался на поверхности, как лист кувшинки. Но, казалось, мы стоим на тонком и гибком листе железа.

– Переступи на рукав и оттуда прыгай, – велел Томас.

Рукава раскинулись, будто пиджак плыл. И один рукав показывал на остров.

– Одна? – спросила я.

– Двое на рукаве, как видишь, не поместятся.

Я осторожно попробовала ступить на этот рукав. Ничего, держит. Я продвинулась до пуговиц.

– Нет, – сказала я. – Я не допрыгну. Далеко.

Но деваться было некуда, и я прыгнула. И как раз в тот момент кто-то бухнулся на пиджак, и рукав, где я стояла, отозвался волной: оттолкнуться как надо не получилось, и я плюхнулась в жижу. Берег был перед носом. Я барахталась, но никак не могла до него добраться.

А потом что-то обвилось вокруг моих лодыжек. Может, это просто водоросли? Но вдруг перед моим лицом вынырнули две огромных змеиных головы и яростно защелкали зубами прямо перед носом. Их пасти были похожи на пасти динозавров из музея, куда нас водили на экскурсию в младших классах. Только те были ненастоящие. А эти собирались меня съесть.

В рот и в нос лилась противная вонючая вода, и я не могла даже крикнуть: «Томас, на помощь!» (или «Томас! Если меня тут съедят и утопят, я буду являться к тебе призраком и кричать в ухо целыми ночами: „Скотина!!! Ты наврал мне про лягушек!!!“»).

Томас уже свалился на берег прямо передо мной и – что он делает? – снял галстук (собирается сделать из него уздечку для этих тварей? Или дать им пока пожевать, чтобы отвлечь от меня?). Томас бросил мне один конец галстука и крикнул:

– Держись! Алисия, хватай его!

А, значит, галстук предназначается не для тварей. И те, кстати, и не обратили на него внимания. Вместо этого один монстр оторвал кусок от джинсовой куртки. Другой получил за это от меня локтем в лоб.

Пару раз я схватила только воду, но потом ощутила наконец в кулаке материал. И вцепилась изо всех сил.

Томас потянул меня на берег. А змеи за ноги тянули обратно. Но Томас был сильнее! Галстук не порвался, героически выдержав мои сто двадцать три фунта (Ну ладно, сто двадцать пять... Хотя, вообще-то, – какая разница! Думаю, он рассчитан на большее).

Когда берег оказался совсем близко, Томас схватил меня за руки и вытащил из грязи. Позади раздалось клацанье – головы похватили воздух в том месте, где только что была я. А потом спокойно скрылись под колыхающейся зеленой поверхностью как ни в чем не бывало.

На пиджаке стояли Вивиан, Швайгер и Зевс. Ничего себе.

Вертолет наполовину ушел под воду.

– Я не буду прыгать, – сказала Вивиан.

– Ничего, – сказал Зевс, – я подтолкну.

И Зевс поднял Вивиан за талию, как куклу – не успела она и пискнуть. И толкнул так сильно, что она приземлилась уже возле нас. Томас схватил ее за руки, чтобы она не потеряла равновесие.

Зевс и Швайгер прыгнули на берег без всяких проблем. Кажется. Потому что я плохо помню. Потому что ноги мои вдруг стали ватными, голова – тоже, и я осела прямо на каменную твердь, как куль муки.

Сквозь туман я слышала виноватое бормотание Швайгера:

- Не понимаю, как так вышло, я же видел землю, ровную большую площадку!
- Старухи, похоже, новую хитроумность поставили, - пробасил Зевс. - Обманку для глаз.
- Ну и мегеры, - сказал Швайгер.
- И не говори, - отозвался Зевс.

Швайгер обернулся к Томасу:

- А пиджак, что же, оставишь? Хорошая вещь... Хотя...

Со стороны болота раздавалось веселое чавканье - похоже, динозавры доедали пиджак.

Томас подошел ко мне.

Вивиан спросила:

- Алисия, ты как?

Я кивнула, не в силах что-либо ответить: губы дрожали и не слушались.

- М-да, - произнес Швайгер и окинул меня взглядом с ног до головы. Снял свой рваный кожаный пиджак и протянул мне: - Накинь, замерзнешь.

Здесь и правда было холодно. Руки тоже почему-то не хотели действовать как надо, и пиджак я бы уронила, если бы не Томас, который сам взял его и надел на меня.

- А вот и Гермес! - пробасил Зевс.

Я подняла глаза: в сумеречном предутреннем небе появилась темная точка, которая быстро приближалась и вскоре превратилась в человека.

Гермес ловко и грациозно приземлился прямо перед нами. Белые крылышки на его сандалиях аккуратно сложились, едва он коснулся земли.

- Готово, - сказал он и показал свитки бумаги. - Плюс две копии. Одна для Корпорации... Вивиан, хочешь, я тебя донесу? Там очень крутая и длинная лестница, - он мотнул головой куда-то назад.

Там, чернея на фоне неба, высился кривой конус горы.

Вивиан явно собиралась согласиться. Но Швайгер сказал:

- Еще чего. Она и сама прекрасно дойдет. А если устанет, есть я.
- Но ты не летаешь, - сказал Гермес пренебрежительно.
- Гермес, - обратился к нему Томас. - Вы не могли бы доставить до верха Алисию? Она выбилась из сил.

«Доставить»! Я - вещь, посылка, письмо?

Гермес увидел меня и произнес сочувственно:

- Алисия, ты упала в болото?

- Да, - сказал Томас.

- Конечно, я донесу, - сказал Гермес, а потом снова обернулся к Вивиан: - Я могу по очереди донести обеих.

Швайгер сжал кулаки и шагнул к нему.

- Тогда вторым донесешь меня! - сказал Зевс.
- Ты слишком тяжелый, папа, - сказал Гермес с милой улыбкой.

А я вспомнила и сказала Зевсу:

- Но вы же тоже летаете!
- Только не здесь, - хмуро ответил Зевс. - Над островом только он может, - Зевс кивнул на Гермеса, - потому что посланник.

Гермес шагнул ко мне.

– Я не хочу, – сказала я.

Он забросит меня к чокнутым кровожадным старухам, которые нас чуть не утопили, и улетит за своей милой Вивиан. Такая перспектива меня не привлекала.

– Алисия, но идти далеко, а потом очень крутой подъем, – сказал Томас, – над обрывом. По лестнице, которой тысячи лет.

– Я вообще никуда не хочу идти, – сказала я. – Я домой хочу.

И я вдруг всхлипнула.

Зевс сказал:

– Мы пока пойдем. А вы догоняйте.

Вивиан, Швайгер и Зевс направились к горе. Гермес стоял неподалеку и ждал моего решения.

– Надо было сказать об этом раньше, – сказал Томас. – Я бы вызвал другого агента. А теперь уже поздно. Надо идти.

– Ты обманул меня... Ты сказал, там лягушки...

– Иначе ты не прыгнула бы, – сказал Томас.

– Ну и что!

– И мы все бы утонули.

– Ну и что! – Я заревела.

– Алисия... – ласково сказал Томас. – Нам нужен второй свидетель от Корпорации.

Ага. Как я нужна, так ласково!

– Хлип-хлюп, – только и смогла произнести я. Хотя хотела сказать: «Катись ты к черту!»

Но Томас, похоже, понял. И сказал:

– Другого свидетеля от Корпорации вызывать уже поздно. Зевс не захочет ждать. И может передумать.

Я только помотала головой.

– Хорошо, – сказал он, повернулся к Гермесу и пожал плечами: – Не хочет. Летите.

Гермес тут же исчез – видимо, спеша к своей дорогой Вивиан.

И что? Они меня тут оставят? Или Томас думает уговорить меня топтать пешком? Пусть и не надеется!

И я принципиально скрестила руки на груди, чтобы было понятно, что вот я сижу и даже шевелиться не собираюсь. Только редкая икота нарушала мой торжественно-мстительный вид.

Томас шагнул ко мне, схватил за талию, поднял и перекинул через плечо.

Я, понятное дело, завопила. А потом заколотила кулаками по его спине. Но не то чтобы сильно, потому что драться в таком положении было, я вам скажу, совсем несподручно.

Чертов Томас! Вот как можно заставить его нести себя на руках: не обязательно ломать или подворачивать ноги. Можно просто заупрямиться.

Хорошо. Отлично. Пусть себе мучается!

Но мне тоже было не очень-то комфортно. Живот сдавило, дороги не вижу. И как там выглядит мой тыл, обтянутый грязным и мокрым атласом, неизвестно. Не думаю, что так, как мне бы хотелось.

– Томас! – просипела я. – Отпусти. Я сама пойду.

Он сразу же поставил меня на землю. И я сразу же влепила ему плюху. Ух, как славно получилось – он аж пошатнулся, несмотря на весь свой высокий рост.

- Квиты? – сказал и, морщась, потер щеку.

И мы пошли вслед за всеми. Потому что Гермес не улетел, а предпочел нарезать круги по воздуху вокруг остальных.

- Не мельтеши! – услышала я бас Зевса.

Гермес опустился на землю и зашагал рядом с Вивиан.

- И не воображай, – сказала я Томасу, – что это ты меня заставил. Я иду из-за Петера!

- Хорошо, – сказал он кротко.

Глава 13

Конус приближался, и уже можно было разглядеть, что по краю его вкруговую вьется лестница. Похоже, любимое развлечение богов – мучить тех, кому они понадобились.

– Сколько же мы будем до них добираться? – пробормотала я себе под нос.

– Долго, – отозвался Зевс страдальческим голосом.

Швайгер вышагивал бодро, Вивиан почти висела на его руке. Гермес время от времени спрашивал участливо, не помочь ли ей, на что Швайгер отвечал каким-нибудь нехорошим словом.

Ну вот и гора, и лестница.

Прямо перед первыми ступеньками с двух сторон стояли железные столбики, на которых держалась ажурная, железная же калитка высотой по пояс. Светло-голубая краска на железе облупилась. Зато на одном столбе сиял никелировкой новехонький домофон.

– Что это они еще придумали? – проворчал Зевс и нажал на первую попавшуюся кнопку – а их было неисчислимое количество и все без каких бы то ни было опознавательных значков: просто металлические гладкие кружочки.

Динамик затрещал, потом раздался не менее трескучий старушечий голос:

– Не угадал! – и спустя мгновение объявил пророческим тоном: – Первая твоя любовь вдруг появится.

Зевс отшатнулся в ужасе:

– Только не это! Только не она!

Динамик выключился.

– Что? – не поняла я.

Томас только пожал плечами:

– Похоже, они сообщают кое-что о будущем того, кто жмет кнопку.

– Нет, – сказал Гермес. – Думаю, они макают нить в краску.

– В какую краску? Какую нить? – это спросила я, конечно же.

– Смотря какую кнопку нажмешь, – ответил Гермес.

– Нить судьбы, – ответил, содрогнувшись, Зевс и поспешил добавить, к тому же отходя на шаг от столбика с домофоном: – Я больше не жму.

– А мы не можем просто обойти калитку? – сказала я.

Честное слово, это же смешно: стоит калитка сама по себе, сбоку сколько угодно места, чтобы пройти на лестницу, а мы стоим и боимся кнопок.

И я шагнула влево. Но Томас схватил меня за рукав кожаного пиджака:

– Стой! Все это неспроста.

Он подобрал с земли ветку и кинул туда, куда я собиралась шагнуть.

Из левого столбика, ослепительно сверкнув, в летящую еще нарушительницу ударила молния. И обугленная дымящаяся ветка упала на землю.

Ну что за привычка у богов? Как что, так сразу молнии!

– Значит, – сказала я немного дрожащим голосом, – надо просто угадать нужную кнопку, и калитка откроется?

– Но пока угадаешь, – боязливо сказал Гермес, – они так твою судьбу разукрасят, мало не покажется.

– А нельзя сломать эту их игрушку ко всем чертям? – сказал Швайгер, оглядывая домофон со всех сторон.

- Я бы не рискнул, - сказал Зевс.

Ну, знаете, если бессмертный молниеметатель боится, то я бы тоже и пальцем эту вещь не тронула.

- А если снова ту же кнопку нажать? - спросила я.

- Хм, - сказал Зевс. - Но я не помню, какую нажимал.

- Да вон ваш отпечаток, - указала я на кнопку в среднем ряду.

Зевс колебался, но любопытство, похоже, победило. Он нажал.

Снова треск динамика, снова голос:

- Ну-ну. - Потом почти весело: - Первая твоя любовь появится.

- Хы, - с облегчением сказал Зевс нам. - Это уже было!

- Она еще раз припрется! - сказал голос с издевкой.

- О нет! - взревел Зевс, едва не падая на колени.

Его под руки поддержал Гермес, спросил с недоумением:

- Да кто она?

- Да так, - сказал Зевс и зарыдал.

- Ладно, - сказал Томас, решительно шагнул к домофону и нажал опять ту же кнопку.

А его первая любовь - не библиотекарша? Смелого изображает, а сам просто хочет свидание с ней обеспечить! И я свирепо на него покосилась.

А скрипучий голос уже отвечал:

- Не угадал. Твоя первая любовь скоро объявится! Жди.

Томаса это, похоже, ничуть не взволновало. И ведь не спросишь же, кто она. Подумает, что меня волнует его личная жизнь.

А он между тем быстро сказал в домофон:

- Как мне к вам зайти?

- Жми кнопки! - сказал голос, и домофон снова затих.

- Чертовы попугаихи! - сказал Швайгер. - Сколько можно твердить одно и то же!

- Остается одно, - сказал Томас. - Нажимать их все подряд.

- А вдруг там вообще погибель имеется?! - вскричал Зевс.

Вот бессмертному-то что об этом переживать, а?

Вивиан, похоже, посетила та же мысль.

- Вы оба, - обратилась она к Гермесу и Зевсу, - бессмертные, вы и понажимайте!

- Еще чего! - взревел Зевс. - Неприятности я тоже не люблю!

- А почему вы решили, что там одни неприятности? - сказал Томас вполне логично. - Может, там и приятности имеются?

- Ага, как же, - сказал Зевс. - Не знаешь ты этих мегер!.. И вообще, мне это не нужно. Это Гермес придумал бумажки подписывать! Вот он пусть и жмет!

- Хорошо, - покорно сказал Гермес.

Мне его даже жалко стало.

- Ладно, я тоже нажму, - сказала я прежде, чем подумала.

А вдруг там что-то вроде землетрясения на мою голову или невезение в любви - хотя (я снова покосилась на Томаса) какое уж тут везение, когда он только о всяких библиотекаршах думает?

- Я тоже ничего не боюсь, - вдруг браво заявил Швайгер.

Ну-ну. А если ему эту его драчуню Мици пообещают? Или провал следующего фильма?

А Томас молча нажал первую кнопку в верхнем ряду.

- Заходи! - вдруг брякнул голос.

- Ура! - закричала я.

А из домофона проскрипело:

- Только ты, Томас Дабкин. А вы свои кнопки ищите!

Калитка распахнулась с противным лязгом. Томас шагнул на первые две ступеньки, и калитка снова захлопнулась.

- А нужно ли всем к ним идти? - сказал Зевс.

А я нажала вторую кнопку в первом ряду.

- Не угадала, - хрипло сообщил домофон и добавил спустя мгновение: - Скажи «прощайте» денежкам!

- О нет! - сказала я, вспомнив о сумке, которую оставила на хранение в Корпорации. Гермес отказался забрать их обратно, сказал, что я их заслужила. Но теперь уж... - Прямо всем?

- Всем, которые в сумке, - сказал голос твердо и отключился.

- Может, они ошиблись, - сказала я с надеждой.

Томас из-за калитки произнес:

- Я бы на это не рассчитывал.

Я понуро уступила место Гермесу.

- А ты что, богатая? И хранишь все деньги в сумке? - удивился Зевс.

- Теперь бедная, - сказала я.

А Гермесу уже отвечали:

- Не угадал!.. Тоже потеряешь! Время!

Гермес только пожал плечами и улыбнулся. Что для бессмертного время!

- Хм, - сказал голос. - Улыбаешься? Ты его в споре проиграешь!

- Что? - побледнел Гермес и, задрав подбородок, произнес: - Я никогда не проигрываю в спорах!

- Хы-хы мне на твое никогда! - невежливо сказал голос старушки. - Это в суде произойдет!

- В суде?! - ужаснулся Гермес. - Прилюдно?!

- А то! - торжествующе сказала старушка.

Гермес в отчаянии ушел от домофона подальше, за скалу.

Швайгер нажал на следующую кнопку.

- Не угадал, - монотонно и устало сказал голос, а спустя минуту, смеясь, сообщил: - Ты скоро женишься! На стерве!

- Что-о?! - завопила Вивиан, подсакивая к домофону.

- Ой, - сконфузился скрипучий голос.

И домофон смолк.

Я ткнула в кнопку. Домофон долго потрескивал и шуршал, потом все тот же голос произнес:

- Ну проходи.

Я аж подпрыгнула от радости и едва в ладоши не забила. И поскорее шагнула к Томасу, на вырубленные прямо в скале ступеньки.

Швайгер, за отсутствием рвущихся к домофону, нажал следующую кнопку – и вдруг получил недовольное: «Заходи».

После из-за скалы появился Гермес, подошел – мне показалось, глаза у него были заплаканы! – и тоже получил разрешение пройти.

Вивиан обрадовалась, что теперь всех пропускают, но когда она нажала на кнопку, ей было сказано:

– Не угадала! Тебя ожидает... хы-хы-хы...

– Что? – не вытерпела Вивиан.

– Фото.

Вивиан пожала плечами, но нервно. А голос досказал:

– В прессе.

Вивиан только разулыбалась и сказала:

– Чудесно.

– Да, – сказал стоявший по эту сторону Швайгер, – реклама ей как раз не помешает!

Вивиан бросила на Швайгера уничтожающий взгляд.

– Это не реклама, – беззаботно заявил голос. – Это будет просто позор!

– Чертова старуха! – накинулась на домофон Вивиан.

А домофон булькнул и вдруг с громким фырканием обрызгал Вивиан грязью – откуда она вылетела, непонятно, но вылетело ее предостаточно, чтобы покрыть пятнами и платье, и лицо. Ну вот, не одна я теперь замарашка.

Вивиан отплевывалась, а Томаса осенило:

– Слушайте, они каждому выдают по одному предсказанию, а потом пускают!

– А как же я? – спросил Зевс. – Мне два визита накаркали!

– Но вы нажали ту же кнопку! – сказал Томас.

Его теория выглядела похожей на правду.

Вивиан тут же ткнула в кнопку где-то внизу. Голос сказал нехотя:

– Входи, грубиянка.

Тогда и Зевс отважился еще раз попытать счастья. И услышал:

– Входи...

А когда калитка уже открывалась, голос добавил:

– И не пропустите лифт за поворотом.

– Да? – обрадовался Зевс.

– Мы ж не такие изверги, как ты, – сказал голос.

Ну, с этим я бы поспорила. Все же в деревне Зевса нас никто в болото с монстрами нарочно не заманивал и молнии из столбов не вылетали. Конечно, из Зевса они вылетали еще как... Да все они, боги, хороши!

– И вовсе я не изверг, – обиженно сказал Зевс, проходя через калитку.

– И мы, отважные герои, в походы снова собрались! – пел Зевс, шагая вверх по лестнице, и правда, с героическим видом.

Все остальные, включая меня, довольно вяло плелись позади. Ах да, Гермес вообще взял и улетел, сказав, что пока поболтает со старушками, чтобы они были в хорошем настроении и согласились

удостоверить документ без всяких проволочек. Думаю, ему просто лень было идти по лестнице.

Никакого лифта мы до сих пор не видели: видимо, старушки так шутят.

- Они обманули насчет лифта, - плаксиво пожаловалась Вивиан.

- Что ты! - прервал свою залихватскую песню Зевс. - Они никогда не врут. Поэтому мы к ним и идем.

- Не врут? - сказала я. - Тогда где же лифт?

- За каким-нибудь поворотом, - сказал Зевс и добавил утешительно: - Когда-нибудь мы до него дойдем.

Зевс оказался прав. Мы прошли еще полвитка и оказались на круглой площадке. Прямо в скале была деревянная дверь со стеклянными вставками. По бокам от нее росли два зеленых курчавых дерева.

Мы подошли, и Зевс открыл дверь - похоже, это был обещанный лифт. Кабина была размером с мою спальню, по стенам протянулись скамейки. Томас вошел последним, затворил дверь - и лифт сам по себе двинулся вверх.

Все расселись по скамейкам, вытянув уставшие ноги.

- Странные эти старушки, - сказала я. - Раз уж сделали лифт, то почему не до самого низа горы?

- Да, - сказал Зевс. - Они странные.

А на вопрос мой не ответил.

Лифт между тем остановился. Я сидела ближе к двери, а потому встала и осторожно открыла ее. Передо мной раскинулась просторная терраса с крашенными белой краской деревянными столбами и перилами. За перилами плыли облака, небо было позолочено рассветом.

- Позволь-ка, - сказал Зевс, отодвигая меня, и вышел первым.

Я вышла следом за ним.

На другом конце террасы, в тени огромного раскидистого дерева, стоял круглый стол. За ним сидели две старушки и занимались каким-то рукоделием - куча клубков валялась на столе и под столом. Рядом с одной старушкой, худющей и высокой, стояло что-то вроде деревянной лопатки, на ней шапкой лежало облако из серо-коричневой шерсти. И старушка тянула из него нить.

Перед второй старушкой - с накрученной непонятно как сложнейшей прической - стояло много фарфоровых круглых чашек.

Была еще и третья старушка - низенькая, полная и румяная. Она подстригала цветы на клумбе - маленькими золотыми ножницами.

Вот они - мойры! Милые пожилые дамы. И вообще, тут было так уютно, так светло. Зря я их боялась и отказалась, чтобы Гермес отнес меня к ним. А кстати, где он?

- Привет! - сказал Зевс, приближаясь к мойрам.

- Привет, Зевсик! - ответили старушки вразнобой и разными голосами.

Хрипловатый голос, как это было ни удивительно, принадлежал той, что возилась с цветами, - он совсем ей не подходил.

- Ну, - весело сказала она, - кого ты нам привел?

И, положив маленькие золотые ножницы в карман полосатого фартука, она подошла к нам.

- Я Алисия, - сказала я, так как стояла впереди всех и подумала, что будет вежливо представиться самой, раз уж Зевс молчит.

Но Зевс толкнул меня легонько - я отлетела назад и стукнулась о Швайгера - и сказал, обращаясь не к старушкам, а к нам:

- Познакомьтесь. Это Посси...

Старушка в фартуке величаво кивнула нам.

- ...это Тотти, - вежливо указал Зевс на старушку, что тянула нить с лопаты.

Старушка тоже кивнула.

- ...и Хесси, - сказал Зевс.

Еще один кивок - я думала, прическа Хесси упадет от него на стол, но она только заколыхалась и минуты через две успокоилась.

И какие смешные у них имена!

- Это сокращенные имена, - торжественно объявила толстушка.

- Да? - сказала я.

Остальные все молчали, только Вивиан хмыкнула где-то позади.

- Да, - сказала толстушка и спросила Зевса: - Откуда они такие глупые?

- Из Америки, - пренебрежительно пожал плечами Зевс.

Ну, знаете! Никто не обязан знать, как зовут старушек, сидящих на горе посреди болота не понятно в какой стране. То есть в какой стране, понятно - в Греции. Как сказал мне Томас.

Толстушка сказала, обращаясь ко мне:

- Если бы тебя звали Атропос-неотвратимая...

- Или Клото-пряха... - отозвалась старушка-пряха.

- Или Лахесис-судьба... - сказала затейливая прическа.

- Ты бы тоже сократила имя, - заключила Посси-Атропос.

А что? Эпичненько. «Судьба моя!» - говорил бы мне Томас. Но я кивнула с серьезным видом:

- Понимаю. В детстве я не могла полностью выговорить свое имя и называла себя Лись...

- Вот видишь! - сказала толстушка. - А у наших гостей и вовсе языки от страха заплетаются!

Похоже, она тут была самая разговорчивая. Оно и понятно. Две другие безотрывно были заняты делом. Хесси окунала нити в чашки - отчего нити начинали переливаться разными цветами - и потом кидала их на перила: видимо, сушиться.

- А мы пришли по делу, - перебил Зевс, отодвигая меня в сторону. Похоже, опасался, как бы я не начала опять что-то рассказывать о себе.

Это, знаете, совсем невежливо с его стороны. Может, старушкам интересно? Сидят они себе тут - и поговорить не с кем.

- О! - воскликнула толстушка вдруг, не обращая внимания на слова Зевса. - Да ты мне подарочек привез!

- Да, - сказал Зевс, слегка смутившись, и полез в карман.

Но старушка воскликнула - и ее скрипучий голос даже дал петуха:

- Горничная!

И, всплеснув радостно руками, она устремилась ко мне. А Зевс спрятал чудо-маркер обратно в карман и посмотрел на меня грозно: мол, не смей перечить.

- Но... - едва успела сказать я слабым непослушным голосом.

А старушка оттолкнула в стороны и Зевса, и меня - какие у нее сильные руки, по виду и не скажешь! - и бросилась к Швайгеру со скрипучим воплем:

- Какая прелесть!

- Что? - не понял Швайгер.

Томас, стоявший рядом с ним, дернул бровями, будто собрался расхохотаться. Но все же удержался.

Старушка потащила Швайгера к столу, а Зевс прошипел ему в затылок:

– Терпи!

– А? – обернулся Швайгер в полной растерянности.

Он явно ничего не понял. Видимо, не слышал, как Зевс говорил о том, что старушки не могут найти себе горничную. Но разве бывают горничные-мужчины?

– Вы только посмотрите, сестрицы! – говорила между тем старушка двум другим. – Высок, мускулист!..

Швайгер даже самодовольно приосанился.

– ...столько работы по дому сможет сделать! – закончила старушка.

И Швайгер в недоумении взглянул на нее. А толстушка уже сняла с деревянного столба-опоры белый кружевной фартучек и повязывала его Швайгеру на талию.

– Эй! – сказал старушке Швайгер.

– К нам будешь обращаться «мисс»! – сказала старушка тоном, каким говорят с милым непослушным щенком.

Я спряталась за спину Зевса, чтобы мойры не увидели, что я смеюсь, – похоже, они были абсолютно серьезны. В плечо мне уткнулся носом и тихонько хрюкнул Томас. Вивиан тоненько едва слышно простонала. Лица Зевса мне видно не было, но спина его оставалась невозмутимой.

Похоже, Зевс подавал Швайгеру какие-то знаки, потому что Швайгер процедил:

– Хорошо.

– Так, – бойкая старушенция обошла Швайгера кругом. – И что ты умеешь?

– Фильмы снимать, – пробурчал Швайгер.

– Интересно, – оживилась мойра, макавшая нити в краски, – Хесси. Видимо, она была равнодушна к искусству. Потому и прическу себе вон какую выдумала – как на старинных картинах. – Какие?

– Боевики, приключения... – начал Швайгер, нервно одергивая воланы на фартучке.

– Интересно, – снова сказала Хесси.

– Ничего интересного! – сказала толстушка.

– Почему? Это же искусство, – спокойным, размеренным, как и ее движения, голосом пропела длинная старушка, что тянула нить.

Толстушка Посси вскричала нетерпеливо:

– Наконец-то я нашла горничную по своему вкусу, а вы хотите отправить его снимать боевики! – и обратилась к Швайгеру: – Пол мыть умеешь?

– Нет, – гордо сказал Швайгер.

Зевс охнул и схватился за голову.

– Умеет, – крикнул он, – еще как!.. – И вкрадчиво произнес: – Знаете, может, пока посмотрите бумаги?

– Конечно, – сказала довольная Посси.

– Да-да, – кивнули ее сестры.

– Принеси-ка мои очки, – велела Посси Швайгеру. – Они там, на столике у дивана, – она мотнула головой в сторону открытой стеклянной двери, ведущей с веранды в дом.

Швайгер кивнул, и мне послышалось, что его зубы скрипнули от злости. А может, у него просто челюсть в этот момент была так перекошена.

Он направился к двери.

– Надо проверить его в деле, – пояснила Посси, бросив взгляд на удаляющуюся задницу «горничной».

Зевс достал из-за пазухи бумаги, развернул и раздал три листа старушкам. Сказал:

– Стороны: одна – я, другая – Вивиан Джеемисон, Ричард Швайгер и мой сын Гермес. Вы его, кстати, не видели? Мы договорились здесь встретиться...

Он не договорил, потому что из дома показался Швайгер, и тащил он по полу, схватив под мышки, Гермеса. Его ноги взрыхляли полосы на песке террасы.

– О боже! – сказал Зевс. – Что это с ним?

(Боги тоже говорят «О боже!», забавно. Они о себе?)

– Я просила очки, – недовольно крикнула Посси, обернувшись к Швайгеру, – а не гостя! Не беспокойся, Зевс, – мы угостили твоего сына чаем, и он прилег отдохнуть... Ну чего ты его тащишь!

– Но он же одна из сторон, – произнесла спокойная худая прядильщица Тотти.

– А, и правда, – махнула рукой Посси. – А теперь марш за очками!

Швайгер вынул очки из кармана брюк и недовольно протянул толстухе. Зевс встал на колени перед Гермесом и стал шлепать его по щекам, тот промычал что-то, но даже глаз не открыл.

Швайгер направился к Вивиан.

– Куда? – рывкнула на него Посси, которая, надев очки, читала документ, но, похоже, не выпускала и все вокруг из виду. – Стоять. Место.

Теперь понятно, почему они до сих пор не могут найти себе прислугу.

Швайгер вернулся, встал рядом с Посси и заглянул в документ.

– А что за чай? – невинным тоном поинтересовался Зевс, щипая Гермеса за нос.

– От глупой болтовни, – сказала Хесси, кидая окрашенный виток очередного клубка на перила. – Нам его подарили, а испытать было не на ком...

– Действует, – сказал Зевс.

– Да-а, – протянула спокойная Тотти. – Он сразу замолчал и фр-р... – она сделала неопределенный жест рукой. – Ой, чуть нить не порвала.

Зевс вздрогнул. Чего это он? Я оглянулась. Томасу, похоже, тоже стало немного не по себе от этих вскользь брошенных слов.

Я незаметно попятилась к нему, пока Зевс продолжал тормозить Гермеса, попутно отвечая старушкам: «Да, чай попался очень крепкий!»

Только я прошептала Томасу: «Эта нить, она что, какая-то особенная?» – и он наклонился ко мне, чтобы ответить, как Тотти воскликнула сокрушенно:

– Нить совсем запуталась!..

– Да что ты! – горестно отозвалась Хесси и даже уронила клубок целиком в ярко-оранжевую краску.

Зевс, поднявший голову от Гермеса, увидел оранжевый клубок и сказал:

– Ну и повезло же кому-то!

– И не распутать! – говорила в это время о своем Тотти и добавила виновато: – Такая шерсть попала – сплошь комки!

– Запуталась так запуталась, – проворчала Посси, – давай обрежу!

И вынула из кармана золотые ножницы.

Зевс побледнел, Вивиан замерла, Швайгер в недоумении смотрел на всех, а Томас шагнул к столу и произнес беззаботным голосом:

– Позвольте мне помочь? Может, я распутаю ее?

– Хм, – проскрипела Посси и пощелкала ножницами в воздухе. – Попробуй.

Томас занялся клубком. Он был спокоен и улыбался, но на лбу его блестели капельки пота, а руки

двигались осторожно, будто он мину обезвреживал!

Да что здесь происходит?! Похоже, я пробормотала это вслух, потому что Вивиан, стоявшая рядом, сказала:

– Ты дура, Алисия? Не понимаешь? Эта нить – чья-то жизнь...

Не может быть, это что-то уму непостижимое... Чья-то жизнь?

– Готово, – сказал Томас.

– О, – радостно отозвалась Тотти и снова потянула нить с лопаты. – А дальше и пряжа ровнее пошла!

Томас отошел к перилам, абсолютно невозмутимый, как настоящий агент 007. Но руки у него дрожали.

Я шагнула к нему, но не знала, что сказать, и решила говорить как всегда:

– А что означает оранжевая краска?

А он почему-то ничего не ответил, только кивнул и сжал мою ладонь.

Посси между тем ушла в дальний угол террасы, где стояла огромная бочка с водой, окунула в нее лейку и подошла с ней к Гермесу.

– Ну-ка, отойди, – сказала она Зевсу.

Тот встал. А она как давай лить воду с лейки прямо в лицо Гермесу. Какая бесцеремонная старушка!

Гермес сначала зафыркал, потом как вскочит!

– Ну вот, – сказал Зевс и похлопал его по плечу. – Сейчас подпишем документ.

Зевс потащил еще не очухавшегося Гермеса к столу. Вивиан и Швайгер тоже подошли туда. Старушки взяли в руки листы. И начали читать – все трое одновременно, мало того, абсолютно в один голос. Звучал их хор жутковато. Текст был приблизительно такой: «Мы, Гермес Олимпус, Вивиан Джемисон и Ричард Швайгер, обязуемся рассказать Петеру Олимпусу все хорошее о работе на Олимпе и отправить его туда, когда ему исполнится восемнадцать лет. А я, Зевс Олимпус, обязуюсь подписать с ним контракт на срок не более чем пять лет. Свидетели сему Томас Дабкин и Алисия Кроуль».

Мы с Томасом подошли к столу, куда старушки положили бумаги. Я думала, надо что-то подписать, но Посси сказала:

– Положи ладонь на документ. Ты все слышала? Все поняла?

– Да, – сказала я.

И с опасением положила ладонь – что, сейчас резанут по пальцу, чтобы кровью подписывать? Но ничего подобного не произошло.

Посси сказала:

– Ну отойди уже, дай ему тоже подтвердить.

Томас приложил ладонь к бумаге на пару секунд, сказал:

– Свидетельствую.

И отошел.

А на бумаге проступили бледно-розовые отпечатки двух наших ладоней. Мало того, на копиях, что лежали под ней, – тоже. Прямо волшебство!

– Ну, – сказал Зевс, – спасибо вам, мойры. Мы, пожалуй, пойдем.

– До свидания, – сказали старушки.

Швайгер первым двинулся в сторону лифта.

– Куда это ты? – остановил его голос Посси. – Они дорогу знают, провожать их не нужно!

– Я домой, – ответил Швайгер, сдернул передничек и вручил его Посси. – Хватит, наигрались.

– Неповиновение? – свела брови Посси, а Тотти и Хесси привстали, хотя и не прекращая своих занятий.

– Забастовка? – сказали все три хором.

Швайгеру, видать, стало жутковато. Он поднял руки и сказал:

– Послушайте, какая с меня горничная, я ничего не умею...

– Зевсик сказал, что умеешь! – Посси ткнула пальцем в метателя молний.

Зевс сказал, пятась к лифту:

– Да он просто скромничает... А может, плату побольше хочет...

– Двухсот европейских тысяч ему мало? – спросила мойра. – И десять лет молодости дополнительно! И это за каждый год!

– Да? – Вивиан выбежала вперед. – Может, меня возьмете?

– Ты мне не подходишь, – отмахнулась Посси нетерпеливо. – Зевс, ты его подарил или нет?!

– Конечно, подарил! – крикнул Зевс из кабины лифта.

– Вообще-то он вам маркер хотел подарить! – выпалила я.

Я вроде бы не дура, чтобы лезть в конфликт между богинями судьбы и Зевсом (ведь неизвестно, кто из них на меня больше сейчас разозлится), да и не то чтобы я такая уж правдолюбка... Но здесь происходила возмутительная несправедливость! Знаете, бывает так, вроде вы и ни при чем, и не понимаете, какого черта вам это все сдалось, но почему-то вдруг выступаете вперед всех и к тому же громче всех орете: «Да как так можно! Пропустите меня, я сейчас их всех под орех разделаю!»

Ну вот. Я и выступила.

А рядом вдруг возник Томас и сказал не так громко (ну, то есть пискляво.) как я, но твердо:

– Да.

– Зе-евсик!!! – закричала Посси и поспешила мимо нас к лифту.

Оттуда вылетело что-то, просвистело прямо над нашими головами, шлепнулось на пол и покатилося к столу. И дверь лифта хлопнула. Посси остановилась, обернулась и подобрала с каменной плиты пола маркер:

– Это что еще такое?

– О, – сказала я, – это чудесная вещь!

– М-да? – с сомнением сказала Посси и схватила отступавшего к лифту Швайгера за рукав: – А ты постой-ка.

Швайгер остановился. Посси открыла маркер, сказала Швайгеру:

– Ну-ка, сбегай в дом за тетрадкой. Они в шкафу, под лестницей...

– Нет, – сказала я. – Он пишет прямо в воздухе!

– Да что ты! – наморщила лоб Посси.

И поводила маркером перед собой. В воздухе вспыхнули, чуть дрожа, розово-лиловые линии. Легкое дуновение ветра изогнуло их, а потом стало медленно уносить в сторону.

– Какая прелесть! – воскликнула работавшая с красками Хесси и дотронулась до линий рукой, когда они проплывали перед ее носом, – линии расплылись клочками. – Посси! Это лучше, чем горничная!

– Вот еще! – сказала Посси и уперла руки в боки.

– Дай мне, я попробую! – попросила Хесси.

– Мы отдадим этот карандашик обратно, потому что оставим вот его! – Посси ущипнула плечо

Швайгера.

– Ай! – сказал он. – Вы чего, обалдели!

– Да такой маркер, может, один на всем белом свете, – сказала я, – а таких мужчин, как Швайгер, навалом.

Швайгер скривил обиженно губы, но выдавил:

– Вот именно.

– Но к нам они не часто заглядывают! – сказала Посси угрюмо.

Потом сама толкнула Швайгера к лифту:

– Ладно, проваливай.

В это время дверь лифта распахнулась, оттуда с опаской выглянул Зевс и прокричал:

– Мойры, а у вас нету какой-нибудь летучей штуки, нам до дому добраться? Наш вертолет-то в болоте утонул.

– Нету! – крикнула ему Посси. – Вплавь добирайся!

– Мойры-ы! – жалобно проголосил Зевс. – Я сразу же обратно ее пришлю.

– Сегодня, кажется, посетителей больше не будет, – осторожно проговорила прядильщица Тотти.

– Найди там кнопку с надписью «Олимп»! – каркнула Посси Зевсу.

– Где – в лифте? – удивился Зевс.

А Посси только махнула рукой и побрела к своим цветам.

Швайгер растолкал всех нас и вбежал в лифт. Потом зашли я, Вивиан и Томас.

Зевс рыскал по всем стенам лифта в поисках кнопки – глазами и руками. Я заглянула под ближайшее сиденье – после всех подвохов от старушек можно было ожидать только чего-то подобного – и точно, по всему периметру у самого пола тянулись небольшие таблички-кнопки.

– Они тут! – сказала я.

И все поползли вдоль стен, читая и отыскивая нужную надпись. На табличках значилось: «Парнас», «Северный полюс» (там вроде никто не живет?), «Великая Китайская стена» (а туда кто, интересно, летает?), «Луна»...

Луна? Я дернула за штанину брюк Томаса, он высунулся из-под скамейки:

– Нашла?

– Нет, – прошептала я. – Смотри, тут «Луна»!

– Ну да? – удивился он и подполз ближе. – Ничего себе!

– Они что, на Луну летают?

Он оглянулся в проем, откуда лилось солнце:

– Да кто их знает!

Я отползла назад, выглянула в дверь и крикнула:

– Посси! Вы на Луну летаете?

– На какую еще Луну? – раздался ворчливый скрипучий голос.

– На планету! – кричу я.

– На спутник Земли, – толкнул меня плечом Томас.

– На спутник Земли! – повторила я за ним в полный голос.

Раздались шаги, и в проеме появилась толстушка в фартуке. Сказала:

- Ни на планету, ни на спутник. «Луна» - это мой любимый ресторанчик в Афинах! Там самые вкусные кефтедес на свете!

- А, - сказал Томас. - Понятно.

Как будто он знал, что такое кеф... меф...

- Она там, - ткнула Посси пальцем в сторону правого угла.

И Гермес, стоявший на карачках поблизости, продвинулся в самый угол:

- Ну, я нажимаю?

- Да, - отозвались все, поднимаясь с колен и усаживаясь.

Посси отошла на шаг и сказала:

- До свидания, Швайгер! Если ты передумаешь, то добро пожаловать к нам в горничные. Я буду так рада.

- Спасибо, - сказал режиссер, отряхивая брюки. - До свидания!

Зевс закрыл дверь. Я крепко ухватилась за поручень, шедший вдоль стенки, готовясь к чему-то вроде полета на ракете. Но ничего такого не было, лифт остался лифтом и двигался плавно.

А в стеклянную дверь уже было видно, что мы плывем в облаках и летим все выше и выше. И вот показалась знакомая огромная пирамида тумана, и мы в нее вплыли.

Едва мы очутились над цветущей, залитой солнцем деревенькой, как Зевс закричал:

- Что за... - Ну, и нехорошее слово.

- Что за зеленый дым? - сказал Швайгер, оттесняя меня от двери. Что ему не очень-то удалось, потому что я тоже умею толкаться локтями.

Небоскреб, высившийся на горизонте, был едва виден в изумрудном туманном столбе. Похоже, бунт против плохой работы Петера достиг апогея.

- Шашка - ка... - ответил Зевс. Второе слово было в рифму первому.

- Что? - захихикала я.

- Шашка из навоза священных коров, которых пасет Аполлон, - спокойно сказал Гермес.

- Аполлон пасет коров? - удивилась я. - Он же в офисе сидит.

- Хобби у него такое, - сказал Гермес. - После работы.

- Ага, - сказала Вивиан. - Хотя бы приличное хобби. Не то что у некоторых - резаться в карты да по барам гулять с Дионисом.

- Ну и выходила бы за Аполлона, - ответил ей Гермес.

- Зачем ей Аполлон, - встрял Швайгер с самодовольством. - У нее я есть.

- Дождутся они у меня, - пробасил между тем Зевс зло и солидно. - Диктатуры.

Как будто сейчас у них была демократия!

Когда мы приблизились, то увидели, что из здания выбегают люди, зажимая носы руками. Среди них были и музы - их платья белели на зеленом лугу, как лилии. И эти лилии мчались сломя голову.

- Не туда! - закричал вдруг Зевс.

А, это он кабине, похоже. Она послушалась, резко затормозила и, выписывая плавный вираж, стала снижаться.

Когда мы мягко приземлились на травку - за квартал от небоскреба - и Зевс распахнул дверь лифта, его встретил белозубой обворожительной улыбкой пастух Аполлон:

- Служащие уже эвакуируются.

- Прекрасно, - буркнул Зевс и спросил: - Кто кинул?

- Не знаю, - пожал плечами Аполлон.

- Стражи где? - опять спросил Зевс, шагая по направлению к толпе, выбегавшей из зеленых дымовых туч.

- Огораживают, - коротко ответил Аполлон.

- Алисия, ты куда? - раздался голос Томаса у меня за спиной.

Кажется, я автоматически двинулась за Зевсом и Аполлоном - так мне хотелось посмотреть, что там происходит.

- Тс-с, - единственное, что я нашлась сказать Томасу в ответ.

Но он схватил меня за руку, останавливая. А Зевс с Аполлоном уже врезались в толпу.

Поэтому я вырвалась, сказала:

- Там же... Петер!

- Петер и Гера уже в моем дворце, - обернулся к нам Аполлон.

Иногда у богов такой отличный слух!

- Вот и чудесно! - сказал Томас. - А нам пора возвращаться.

- И что там у них происходит? - Швайгер с любопытством вытянул шею в сторону дыма.

Ну почему Томас не такой? В смысле, не то чтобы прям такой - но не такой любопытный.

- Если провоняешь этой зеленью, - сказала Вивиан, - то не сможешь избавиться от запаха и за неделю. Хоть из душа не вылазь.

- Кхм, - сказал Швайгер, отступая назад. - Пожалуй, поедem домой.

- Откуда ты знаешь? - спросила я Вивиан.

- Я попадал в такой переплет, - сказал Гермес с беззаботной улыбкой.

Неужели мы повернемся спиной к интереснейшим событиям? И пойдem себе прочь?

Но все уже так и сделали - пошли по дороге, что вела к дому Аполлона.

Я задержалась, и меня чуть не сшиб бегущий мимо конь в пиджаке. Ой, это же наполовину человек. Мог бы хоть извиниться в таком случае.

Но он ускакал себе вперед. Может, это тот, чьи носки сушились на веревке? Может, он спешил проверить, не увел ли их кто, пока он бастовал?

- Алисия! - обернулся Томас. - Поедешь с Вивиан и Швайгером. А я верну тележку Алану.

- Я с тобой! - машинально крикнула я, догоняя их.

И зачем же я крикнула? Чтобы переломать себе все кости в этой тележке? Плохая идея. Или чтобы Томас догадался, что я к нему чувствую? Еще хуже. А я что-то к нему чувствую?! Ну ничего себе!

- Не надо, - ответил Томас, в то время как я впала в ступор от собственных мыслей. - Доберешься до дома с комфортом.

В итоге я напросилась в тележку. Сказала, хочу еще раз прокатиться с ветерком. А потом шла к орам, возле которых мы оставили наш садовый транспорт, и дрожала от страха, что вылечу из этого транспорта в первые же минуты после старта.

Но мне повезло. Гермес сказал:

- А хотите, я доставлю тележку Алану? Я доставляю посылки любого размера.

Ух ты!

- Хотим! - выкрикнула я моментально.

- Мне будет приятно сделать что-то для вас, - сказал Гермес.

Томас кивнул:

- Спасибо, Гермес.

Гермес полетел к тележке. А мы подошли к дому Аполлона.

У крыльца стояли одно желтое нью-йоркское такси и один длинный черный мерседес, в каких ездят звезды.

Петер и Гера сидели на ступенях. Гера читала книгу, Петер слушал и гладил белого курчавого ягненка, пристроившегося рядом и жевавшего большую оранжевую ромашку.

Когда мы приблизились, Петер вскочил и побежал к нам.

- Мы едем домой, - объявила ему Вивиан, обнимая его и целуя то в макушку, то в щеки.

Глава 14

Мы с Томасом уселись в такси, Вивиан, Швайгер и Петер – в мерседес.

Томас для вида сел на место шофера. Хотя Гера сказала, что такси само отвезет нас куда надо, но шокировать людей и тем более полицейских нам не очень-то хотелось.

Я тепло попрощалась с Петером. Вивиан сказала, что, когда они будут по делам в Нью-Йорке, няней она наймет только меня. А еще сказала, что когда мы с Томасом будем в Лос-Анджелесе, то добро пожаловать к ним со Швайгером на чай. Если бы мне сказали еще в понедельник, что меня позовет в гости сама Вивиан Джемисон, то я бы ни за что не поверила, что при этом больше всего меня взволнует ее предположение о том, что я буду в Лос-Анджелесе вместе с Томасом Дабкиным, соседом с пятого этажа!

Как мы добирались до Нью-Йорка, я не помню – я заснула, едва мы вылетели из тумана, скрывавшего Олимп. И проснулась, только когда Томас открыл дверцу с моей стороны и сказал:

– Приехали, Алисия.

Я разлепила веки и увидела дверь моего подъезда с тусклым фонарем под козырьком. А, в Нью-Йорке же еще ночь. Я взглянула на свои часы – первый час. Пришлось сделать невероятное усилие, чтобы вылезти из машины и потопать к этой двери.

Но возле нее меня уже окончательно разбудили: в дверях я столкнулась с миссис Трюфельс, выносившей мешок с мусором. Увидев меня, она этот мешок выронила, замахала на меня руками, что-то забормотала, вытащила из-за пазухи крестик, выставила его перед моим носом, а потом, ко всему этому, запела какой-то псалом.

Вид что у меня, что у Томаса был, конечно, еще тот: одежда порвана в лохмотья, вся в грязи, а что там у меня с лицом и прической – и представить страшно. У Томаса, конечно, волосы как всегда аккуратно и модно торчали в разные стороны, а вот мои, по ощущению, должны были быть похожи на воронье гнездо.

Но все же. Все же. Не псалмы же при виде нас петь?

Но не успела я задать этот вопрос миссис Трюфельс, она схватила мусор и заскочила обратно в подъезд.

Я повернулась к Томасу:

– Я ужасно выгляжу?

Томас открыл мне дверь, пожал плечами:

– Не до такой степени.

Мило. Мило.

Лифт долго не приходил (может, Трюфельс его застопорила?), и мы поплелись пешком. Сколько же лестниц мы одолели за эти три дня? Меня уже в альпинисты, наверное, записать можно.

Но когда мы поднялись до пятого этажа, мы забыли о Трюфельс: между перилами, теснясь, свешивались с шестого этажа огромные глянцевые зеленые пальмовые листья.

– Хм, – сказал Томас и не пошел к себе, а поднялся вместе со мной на шестой.

На площадке моего этажа нас и ждала пальма. Настоящая, гигантская пальма – ствол ее выгнулся дугой под потолок, а широкие сочно-зеленые блестящие листья лежали на перилах. Из-под листьев краснели апельсины величиной с футбольный мяч, желтели метровые бананы, золотились ананасы размером с ведро. Два огромных красных цветка-метелки ввалились в кабину лифта, заклинив дверь.

И все это гигантское растение росло из крошечного глиняного горшка, стоявшего в ряду других горшков миссис Трюфельс. В тех жили себе спокойно обычные растения обычной величины.

– Может, они не настоящие? – пробормотала я, протягивая руку к фруктам.

Но на ощупь они были совсем настоящие. И потом, по площадке разливался такой коктейль ароматов!

– Похожи на настоящие, – сказал Томас.

- И почему их никто не сорвал? - сказала я и, обхватив ананас, потащила его к себе.

- Давай я, - сказал Томас и сорвал его: - Тяжелый.

А на месте ананаса тут же появился бутон, стал расти - и через несколько секунд перед нами уже раскрывался красный многоярусный цветок.

- Потрясающе, - сказал Томас. - Мы идем? Мне тяжело.

Я кивнула и зашарила по карманам в поисках ключей.

Томас занес ананас ко мне в кухню, и едва я размечталась о том, что можно будет выходить в подъезд и рвать каждый день фрукты, как он заявил:

- К ночи постараемся ее убрать. Лишь бы газетчики не налетели.

- Куда еще убрать?! - возмутилась я. - Зачем?

- Это ведь наших клиентов дело, - сказал Томас, устало прислонясь к кафельной стене.

- Почему это?!

- Если ты не забыла, это у тебя из кухни ведро амброзии пропало. А пальма выросла в трех шагах от этой самой кухни.

- Ты хочешь сказать, кто-то пальму амброзией полил?

Томас только кивнул, потом сказал:

- Ну, отдыхай, - и ушел.

На то, чтобы привести себя в порядок, я потратила час. После чего свалилась как убитая и продрыхла до полудня.

Потом пошла в булочную, потому что есть в доме, кроме ананаса, было нечего. И по пути решила заглянуть к миссис Трюфельс, узнать, что это вчера на нее нашло.

Я стояла на площадке, придумывая причину визита (не скажешь же: «Я пришла выяснить, не свихнулись ли вы?»), когда дверь ее квартиры открылась, и оттуда вышел Томас.

- Скажи маме спасибо за рецепт, Томас, - сказала миссис Трюфельс. Потом она увидела меня и, на секунду замаявшись, произнесла спокойно: - Привет, Алисия.

- Здравствуйте, - сказала я.

У нее дернулся глаз, но она улыbnулась и сказала:

- Ты ко мне?

- Нет.

- Хорошо, - сказала она, тщетно пытаясь скрыть радость, и закрыла дверь.

- И что? - спросила я Томаса.

- Пойдем, - кивнул он в сторону моей двери.

- Я в булочную, - сказала я.

- Ага. Расскажу по пути.

И Томас рассказал, почему я напугала миссис Трюфельс.

И дело было не во мне. А в Селии с Мосиком.

Три дня назад миссис Трюфельс видела, как Селия с Мосиком на руках зашла ко мне в квартиру в мое отсутствие и беспечно не захлопнула дверь. Любопытная Трюфельс подкралась и увидела, как Мосик попил из кастрюли и вырос прямо на глазах.

Незванные посетители ушли, оставив бесценную бутылку в прихожей.

А Трюфельс, в отчаянном порыве преодолев страх, пошла в крестовый поход против нечисти. Схватила бутылку и вылила все в горшок на площадке, как она всегда поступала с виски мужа-

выпивохи.

(Заставила же она нас побегать, эта Трюфельс. Могла бы и не лазить по чужим прихожим. И не тырить чужие бутылки!)

И с того дня она считала, что я вожусь с бесовскими отродьями. (Ну, она почти угадала.) Томас обелил меня как мог. Сказал, что меня не было дома. (И это, между прочим, было правдой – я гуляла в парке с Петером.) Сказал, что я растяпа и забыла закрыть дверь. Потом он попытался намекнуть ей, что в бутылки, скорее всего, была какая-то химия, украденная у военных.

– И она поверила? – воскликнула я.

– Ну, я сказал, что, кажется, читал о чем-то подобном.

– Почему она так тебе доверяет? – сказала я.

Томас улыбнулся:

– Наверное, потому, что я как-то раз ровно повесил плафон в ее кухне.

– Да?

Хм. Мне, кажется, тоже пора бы прикупить новые светильники... И вообще, можно менять их почаще. Для разнообразия в интерьере.

Я сидела на диванчике, который купила у миссис Новак, и ела мороженое. В телевизоре мелькал мой любимый актер в моем любимом сериале. Все как обычно.

Но только в телевизор я совсем не глядела. А думала. Думать мне было о чем. Например, о том, как такую неприступную крепость, как Главный Офис Корпорации Би-Би-Си, со столькими необычными сотрудниками, могли обокрасть! Да-да, вы не ослышались! Нагло ограбить, забрав мои денежки! Ну, то есть забрали там всякие бумаги, документы, какие-то карты... Но и мою сумку, набитую пачками долларов, прихватили!

Я, конечно, после предсказания мойр должна была быть морально к этому готова. Но оказалась не готова – видимо, подсознательно надеялась, что это было чем-то вроде шутки (Ох уж эти психологические передачи. Все спихивают на подсознание. А может, его и нет вовсе?).

Все сотрудники, в том числе Томас, уже неделю рыскали по стране и рыли носом землю, чтобы все это найти – документы, разумеется, а не мою сумку, – а у тех, кто видел, стереть напрочь всякие воспоминания о Корпорации – ну, это я так думаю. Не оставят же они их удивляться и болтать о том, что на Земле давно обосновались инопланетяне из голубого желе, на Манхеттене – и не только там – живут себе поживают вампиры, а некоторые вроде бы люди могут в мгновение ока обрести шерсть и отрастить хвост!

Я вздохнула в сотый раз. Ну что же, ладно. Вся эта богатая жизнь с домом и новой шикарной одеждой была всего лишь волшебной сказкой, такого не бывает, по крайней мере со мной.

Зарботка у меня почти не осталось. Селия с семьей поехала в Европу налаживать отношения с родственниками, которые были обижены за разгром их поместья, богатые оборотни Бьерны нашли себе другую няню – и только потому, что меня не было дома во вторник: я искала Петера, а миссис Бьерн хотела пойти к косметологу. Только Грыяхоруу будет все так же приводить близняшек по четвергам и воскресеньям, когда его жена водит экскурсии... Может, Корпорация подкинет новых клиентов?..

А потом в дверь позвонили – и это был Томас. Он, оказывается, приехал час назад. И, похоже, весь этот час провел наводя марафет. Выглядел он слегка похудевшим, но счастливым, на нем был костюм с иголочки и даже галстук. Аккуратная прическа, уголок платка в кармане и улыбка на миллион. Я почувствовала себя рядом с ним растрепанной и неуклюжей. И это, знаете, не очень приятное чувство – поэтому я спросила хмуро:

– На выставку агентов собрался?

– Что? – растерялся он.

– Ну, ты прям блестишь, как начищенная кастрюля.

– Спасибо, – сказал он и слегка смутился. – Можно войти?

– Конечно, – я скрестила руки на груди и кивнула в сторону зала.

– О, мороженое, – покосился он на чашку, присаживаясь на диван.

- Ага, - буркнула я.

Ну вот, он подумает, что я обжора. Хотя кто из нас не обжора хотя бы иногда?

- А я с шести утра ничего не ел, - произнес он, опять смущаясь. - И то это была пара печенюшек - Джина, ну, которая Джордж, меня угостила.

Он что, рассчитывает, что я приготовлю ему обед?

Не дождавшись от меня никакого ответа, он просто проговорил:

- А мы нашли все документы.

- Да?! - Я чуть не подпрыгнула. - Ура! А я-то сижу и переживаю! Ну вы молодцы! А кто был похититель?

- ФБР, - сказал Томас, почему-то глядя в пол. - Только... Э-э... С твоими деньгами получилась такая штука...

- Что? - Сердце мое упало.

- Понимаешь, просто... Этот Ларсон такой торопыга...

- Что за Ларсон?! - нетерпеливо подступила к нему я.

- Один из наших. - И Томас решительно проговорил: - Он стер им память прежде, чем они сообщили нам, куда дели твои деньги...

- Вот идиот! - завопила я.

- Да, - сказал Томас. - Мне жаль.

- Значит, мойры были правы, - сказала я печально. - А знаешь, они ведь и насчет Вивиан угадали.

- Да?

- Ну, позор в прессе.

Вивиан со Швайгером времени не теряли, и слухи об их помолвке на днях «просочились» во все газеты. По этому случаю репортеры подловили их вместе со Швайгером. И тут-то случилось нечто...

Я открыла «Нью-Йорк Таймс» там, где были фотографии:

- Петер был с ними.

Томас взял газету в руки и рассмеялся.

- Но Вивиан все же молодец, прикрыла это безобразие, - сказал он.

- Но никто не оценит ее поступка. Потому что ничего не знает.

Нам же все было ясно.

На фото Вивиан с размаху била Швайгера каким-то длинным кактусом по лицу. Причем кактус был в горшке. Лицо у Вивиан при этом было вымученное. Швайгер пытался отбиться руками.

В углу фото виднелся Петер - он сосредоточенно глядел на кактус.

Понятно было, это его рук дело. А Вивиан пытается и Швайгера спасти, и способности Петера не выдать - вот и схватилась за взбесившийся горшок. Чем Швайгер не угодил Петеру, непонятно. Но дети бывают такими капризными...

Заголовок гласил: «Вивиан Джеемисон и Ричард Швайгер размолвлены?» И мелко ниже: «Похоже, Вивиан намекает любимому, что небритые щеки колются как кактусы».

- У остальных тоже сбылось, - сказал Томас. - Новости по нашему каналу видела? Я успел мельком глянуть, как приехал.

- По нашему что? - не поняла я.

Томас недоверчиво наморщил лоб:

- Ты опять все пропустила?

Нет, и главное, почему «опять»?!

Он взял пульт, на экране появилось меню настройки.

– В книжечке, что ты получила при поступлении на работу... были настройки...

Меню исчезло, на экране на черном фоне космоса плыла планета Земля, никаких эмблем каналов по углам не было. Обычный телевизионный канал, Томас меня разыгрывает.

Планета приближалась, вот и город, пригород, коттедж, окно. В окне домохозяйка в фартуке – улыбается на весь экран и режет лук и картошку.

И чего необычного?

Я оглянулась на Томаса. Он сказал, пожав плечами:

– Реклама, – и продолжил листать газету.

А в телевизоре звучало: «Вы хотите узнать, как они живут? Что едят и куда ходят вечером? Как они женятся и сдают экзамены?.. Экскурсионные туры на планету Земля. Каждый четверг и воскресенье...»

Ничего себе!

А на экране высвечивались телефоны и адрес туристического бюро Корпорации: у меня они есть – как контактные с мамой моих инопликов, Мьё Грыыхоруу.

Я хотела спросить у Томаса, а что будет, если канал увидит кто-то, не работающий в Корпорации, но едва сказала: «А что, если...», как замолчала, потому что на экране пошел следующий ролик. И в нем снялся не кто иной, как Зевс!

Томас тоже оторвался от газеты:

– О, это что-то новенькое.

А Зевс между тем рассказывал о прелести жизни на Олимпе и о том, как там здорово работается. И при этом он иногда икал. Они что, не могли сделать еще дубли?

Иллюстрациями к рассказу Зевса служили весело стучавшие по клавишам печатных машинок тетеньки с крыльями, красивший зеленую стену в белый цвет счастливый маляр в сверкающих доспехах – да это же командир охраны Зевса! – и танцующей походкой прогарцевавший мимо кентавр с портфелем – на копытах его были носки, причем все разного цвета.

В заключение Зевс сказал:

– Работать, ик, на Олимпе – одно удовольствие! Я сам там работаю! Ик!

И захихикал. Типа шутка.

– На Петера рассчитано, – сказал Томас.

– Почему они не сделали дубль? – сказала я. – Он же икает весь ролик!

– Потому что он икает не только весь ролик, но и всю неделю.

– Да?

– В Корпорации поговаривают.

– И что это с ним?

– К нему его первая любовь приехала. Которую он мало что бросил, так еще распустил слухи, будто проглотил ее.

– Ужас, – сказала я.

– Да, – хмыкнул Томас. – На самом деле, говорят, она ему много умных советов давала. И он этого не выдержал. Узнав о слухах, она сказала: «Да если б он меня проглотил, я б ему год икалась!» Ну вот, теперь стоит ему с ней столкнуться, как он икает.

– Год? – ужаснулась я.

– Наверное, – сказал Томас.

Из телевизора зазвучала бодрая музыка, какой начинаются диснеевские мультики, по экрану побежали гуси, потом они взлетели.

– А вот и новости, – сказал Томас.

И звучный голос диктора подтвердил: «А сейчас – самые важные новости прошедшей недели».

Главной новостью было то, что агенты поймали воров, забравшихся в Корпорацию. И там был Томас, я его узнала, хотя он и прикрывался лацканом пиджака и вообще старался не попадать в кадр.

– Ух ты, – сказала я. – Это же ты.

– Вовсе нет, – сказал он, а сам мне улыбнулся.

Потом говорили что-то о филиалах Корпорации.

Томас сказал:

– Вот сейчас.

И тут дикторша произнесла:

– Сегодня утром состоялось слушание дела Гермеса Олимпуса. Против него выдвинул обвинение в обмане Ойой Грыяхоруу.

И показали зал суда.

– Это в Вашингтоне, – пояснил Томас.

Суд был, разумеется, не обычный, а наш, Корпорационный. Поэтому на стене висел флаг Корпорации – квадрат в серебряных хаотичных линиях. Под флагом за столом дремал судья, положив голову на подушку. Были весы, небольшие. С табличками, которые сейчас показали крупным планом: на одной чаше – табличка «Грыяхоруу», на другой – «Гермес».

– Зачем это? – спросила я Томаса.

– Каждый из судящихся, говоря одно оправдание в свою пользу, кладет камешек на свою чашу, – объяснил он. – Чья чаша перевесит, тот и победил.

– Ну, тогда у Грыяхоруу нет шансов. Гермес всегда его переговорит. Он ловко юлить умеет.

Томас только усмехнулся.

Показывали то Гермеса, то Грыяхоруу. Они высказывались. У Гермеса на губах играла снисходительная улыбка. Грыяхоруу был смущен и долго подыскивал слова, видимо стараясь быть еще более правдивым, чем обычно, что было совсем излишне.

А потом опять крупно показали весы. Они были неподвижны и показывали равновесие, несмотря на то, что на чашке Грыяхоруу было всего три камешка, а чашка Гермеса была наполнена с горой. Гермес подошел и положил, видимо, последний камень-аргумент в свою пользу.

И тут весы качнулись. И стала перетягивать чашка Грыяхоруу!

– Как это? – не поверила я своим глазам. – Там же... больше!

– Эти весы сама Фемида настраивала. Они взвешивают только абсолютно правдивые аргументы. Остальные для них легче пуха.

Судья в этот момент от звяканья Грыяхоруувской чашки о стол проснулся, вскочил, взглянул на чашку и объявил:

– Гермес Олимпус проиграл. Он приговаривается демонстрировать Грыяхоруу работу сандалий до тех пор, пока тот не поймет принцип их работы.

И стукнул молотком – звука не было, потому что он попал сначала по подушке. Но он ничуть не смутился, а стукнул еще раз, да со смаком, так, что зазвенели стекла в зале суда, а со стола полетели на пол папки.

Репортаж закончился.

– Не повезло Гермесу, – сказала я.

- Да, - пожал плечами Томас.

- Нужны Грыыхоруу эти сандалии...

- Ему нужна справедливость, - сказал Томас, а потом взял пульт, приглушил звук и произнес нерешительно: - А ты не хотела бы пообедать со мной? Я как раз собирался... Тут есть отличный итальянский ресторан неподалеку, «Мама Кьяра» называется. Не была?

- Не-а...

- Я там часто обедаю...

Но я не сразу ответила, потому что думала о своем.

- Значит, - сказала я, - у всех предсказания сбылись?

- Похоже на то, - сказал Томас.

- А у тебя? - настороженно спросила я.

Он на миг замешкался, словно вспоминая, потом сказал:

- А, про первую любовь?

- Да, - кивнула я.

- Пока нет, - он рассмеялся. - Но, думаю, сбудется.

- Да? Прекрасно, - буркнула я, подняла с диванной ручки чашку с растаявшим до молока мороженым и пошла на кухню.

Агент-сосед увязался за мной.

- Ну так?.. Пойдем обедать?

Я чуть было не сказала: «Почему бы тебе не дождаться визита твоей библиотечарши и с ней и пообедать?» - но промолчала. Что толку выяснять отношения, когда и так ясно - он без ума от другой?

- Это... дружеский обед? - спросила я.

- Нет, - сказал Томас.

- Что?

- Это свидание.

Так он... для меня, что ли, так вырядился?

- Я пять минут, - сказала я. (Да ну их, эти предсказания!)

Он кивнул.

Я юркнула в спальню и молниеносно закрыла дверь, чтобы Томас не успел увидеть, что находится в комнате.

Я и правда оделась за пять минут. Ну, почти. Потом я решила, что в белой блузке выгляжу скучно. Потом - что желтая не сочетается с джинсами. А потом - что джинсы слишком обтягивают бедра... А чтобы достать каждую из этих одежек, мне приходилось прорываться сквозь пальмовые листья и биться головой о кокосы и ананасы.

- Кхм, - раздался за дверью голос Томаса, когда я натягивала клетчатые широкие штаны. - Я не настаиваю на бальном наряде...

- Сейчас, пять секунд, - отозвалась я.

Пять секунд продлились еще минуту. Ну ладно, десять минут.

В общем, через полчаса мы спускались по лестнице. И на мне было мое лучшее платье - розовое в белые мелкие цветы. Оно подчеркивало талию и подходило к моим любимым, белым с бантиками, туфлям.

Когда мы проходили мимо почтовых ящиков, я увидела, что из моего торчит белый уголок. Я

достала из клатча ключи, открыла ящик. Там были открытка и пухлый конверт. Открытка была рождественская. На обороте были зачеркнуты чьи-то поздравления с рождеством, а ниже накарябано крупно всего три слова: «Спасибо за фрукты». И подпись: «Зевс».

– Зевс? – я недоумевала.

– Я послал ему фрукты с нашей пальмы. От твоего имени, – сказал Томас.

Ну ладно. Пусть хрумкает, мне не жалко.

Затем я приступила к конверту. В нем было одно фото и стопка сложенных вчетверо листков. На фото был беленый домик на берегу океана, с пальмами и цветущими кустами. С обратной стороны было написано: «Спасибо, Алисия. Он твой. С любовью, Селия».

Селия? С любовью?

Я развернула бумаги. Какие-то документы, и что это написано наверху?

– Хм, – сказал Томас. – Дарственная.

Он взял из моих рук бумаги, пролистал.

– Поздравляю, – сказал с улыбкой.

– Что? – всполошилась я.

Знаете, юридические бумаги и документы редко сулят что-то хорошее.

– Селия подарила тебе дом.

Я с удивлением перевернула фото:

– Вот этот? Дом у океана? – кажется, мой голос дал петуха от радости.

Томас вчитывался в документ:

– Да. Дом во Флориде. Это часть владений Селии...

Я заглянула в напечатанный мелким шрифтом текст:

– «Так называемый амбар для инвентаря»... Ну и что...

– Конечно, – сказал Томас. – У него и окна как у жилья. Думаю, раньше это был дом садовника или что-то в этом роде.

– Но – за что? Почему она ни с того ни с сего дарит мне его?

– Почему ни с того ни с сего, – сказал Томас. – Я же тебе объяснил, что послал фрукты Зевсу.

Я одна тут тупая или другие бы тоже ничего не поняли?

– И Зевс теперь знает, куда делась амброзия, – сказал Томас. – А значит, перестал гоняться за семьей Барментано.

– А-а! – сказала я. – Значит, это все по правде? – я кивнула на бумаги.

– Да, ты законная владелица. И к дому прилагается полгектара земли...

– Шикарно! – вскричала я. – Я владелица дома с парком!

– Ну, не с парком...

– Все равно! – сказала я. – Я никогда еще не была землевладелицей!

Ресторан находился в маленьком двухэтажном здании, прибившемся к многоэтажке, как ракушка к утесу. Внутри было мило, уютно и совсем по-домашнему: клетчатые скатерти, вязанные ажурные занавески, крашенные белой краской старые деревянные стулья. Посетителей было много, но нам удалось найти свободный столик – правда, не у окна, а в глубине, но там тоже было неплохо.

Буквально через минуту к нам подошла полная темноволосая девушка и с оживленной улыбкой сказала:

– Томас! Привет! – и подала нам обоим меню.

- Спасибо, - сказал Томас.

Она ушла, а я спросила, открывая меню:

- Ты здесь, наверное, постоянно бываешь?

- Да. Почему бы не навестить свою первую любовь...

- Что? - вскинула я глаза.

- С этой девушкой я встречался в старших классах. Это кафе ее семьи.

- Да? - произнесла я. - Все понятно.

- Что понятно?

- Ничего, - буркнула я.

- Да?

- Если ты все время сюда заходишь, значит, она до сих пор тебе... ну... нравится.

- Нет. Значит, мне нравится, как у них готовят, - сказал Томас.

Похоже, он не врет. Поверить, что ли?

Все же хорошо, что это не библиотекарьша - та при каждой встрече лезет с ним целоваться!

А Томас рассматривал меню.

- У них очень вкусная паста. Из домашнего теста... - сказал он.

Я тоже рассматривала меню. Но думала о другом - уже и не о библиотекарше, и не о Томасе. А о своем доме у океана. И о том, что теперь мне будет куда высадить мою чудо-пальмочку! Буду с утра просыпаться, протягивать руку в окошко и срывать манго или апельсин на завтрак!

- Да, все забываю спросить, - прервал мои мечты Томас. - Когда мы грузили пальму в фургон, я заметил, что вся земля в горшке перерыта. Ты не знаешь, кто мог это сделать? - Он понизил голос: - Похоже, хотел взять отросток.

- Откуда мне знать? - как можно небрежней сказала я. - Наверное, соседский терьер. Не мог до улицы дотерпеть.

- Да? - улыбнулся Томас.

На что это он намекает, а? Я приняла невозмутимый вид и уткнулась в меню.

Но тут зазвонил мой сотовый. Я поспешно его выхватила из клатча и так неуклюже нажала кнопку ответа, что он шлепнулся в корзинку с хлебом и уже оттуда заверещал:

- Алисия! Я с детьми торчу у твоей двери, и на нас пялятся соседи! Где тебя носит, черт возьми!!!

Это был голос Грыыхоруу. Который, похоже, изучил на своих актерских курсах, как выражать эмоции с помощью слов. Я представила, как они там стоят в подъезде: на детях антикислородные шлемы, Грыыхоруу, по обыкновению, в супермини-юбке. Хорошо, если не в облике старушки лет восьмидесяти. Отчего же соседям на них не пялиться?

- Да, - сказала я, подобрав телефон. - Я буду сию секунду. - Положила телефон обратно в клатч и посмотрела на Томаса.

- Ничего, - сказал он. - Пообедаем в другой раз.

А в голосе - ноль эмоций. Хоть бы огорчился, что ли.

Я кивнула и пошла к выходу. Выхожу, а кто-то меня догоняет и говорит:

- Подожди.

Я обернулась. Мне улыбался Томас и протягивал коробку:

- Это тебе. Пицца. Чтобы продержаться до нашего с тобой завтрашнего обеда.

А разве я соглашалась на завтрашний обед?

- Не любишь пиццу? - спросил Томас неуверенно.
- Люблю, - ответила я.
- И я люблю, - сказал он. А потом наклонился ко мне и поцеловал.

Примечания

1

Каралька – крендель, бублик, рогулька.

Beneficial Beings Corporation (англ.), сокращенно BBC.

Цитата из «Книги бессмыслиц» Э. Лира (перевод М. Фрейдкина).